

12+

АЛЕКСАНДР КРУГЛОВ

ЗНАМЕНИТЫЕ КОНДОТЬЕРЫ

ИХ ЖИЗНЬ. ИХ БИТВЫ.
ИХ СУДЬБА.

Александр Круглов

**Знаменитые кондотьеры. Их
жизнь. Их битвы. Их судьба**

«Издательские решения»

Круглов А.

Знаменитые кондотьеры. Их жизнь. Их битвы. Их судьба /
А. Круглов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699638-0

Книга «Знаменитые кондотьеры: Их жизнь. Их битвы. Их судьба» — захватывающая история итальянских наемников XIV–XV веков. От Джона Хоквуда до Федерико да Монтефельтро: узнайте, как солдаты удачи становились правителями и вершили судьбы государств Ренессанса. Погрузитесь в жестокую и яркую эпоху, где на смену рыцарям пришли профессионалы, сражавшиеся за деньги, славу и власть. Идеальное чтение для ценителей военной истории!

ISBN 978-5-00-699638-0

© Круглов А.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ: СМЕРТЬ «БОЛЬШОГО ДЬЯВОЛА»	6
ВВЕДЕНИЕ	10
ЧАСТЬ I. КАК ИТАЛИЯ РАЗУЧИЛАСЬ ВОЕВАТЬ САМА	13
ГЛАВА 1. КОНТРАКТ НА ВОЙНУ: АНАТОМИЯ КОНДОТЬЕРСТВА	13
ГЛАВА 2. ОТ ГРАЖДАНСКОГО ДОЛГА К НАЁМНОМУ РЕМЕСЛУ	31
ГЛАВА 3. ОТ АНАРХИИ СВОБОДНЫХ КОМПАНИЙ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ КОНДОТЬЕРСТВУ	41
ГЛАВА 4. ДЖОН ХОКВУД ИЛИ ДЖОВАННИ АКУТО	54
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Знаменитые кондотьеры Их жизнь. Их битвы. Их судьба

Александр Круглов

© Александр Круглов, 2026

ISBN 978-5-0069-9638-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Знаменитые кондотьеры: Их жизнь. Их битвы. Их судьба» — это захватывающий рассказ об итальянских наёмных армиях XIV—XV веков и людях, которые сделали войну своей профессией. От эпохи Великой схизмы до катастрофы Итальянских войн книга прослеживает, как менялся мир кондотьеров: как заключались контракты, как собирались и снабжались войска, как велись осады и полевые сражения, как жили, рисковали, богатели и погибали военные люди Ренессанса. В центре книги — судьбы самых знаменитых кондотьеров, от Джона Хоквуда и Альберико да Барбиано до Сиджизмондо Пандольфо Малатеста и Федерико да Монтефельтро, чьи биографии читаются как хроника яркой, жестокой и переломной эпохи. Автор показывает, что кондотьер был не просто солдатом удачи: он мог стать дипломатом, государственным деятелем, основателем династии или опасным авантюристом, от решений которого зависела судьба целых городов и государств. Это книга о времени, когда рыцарская война уходила в прошлое, а на её месте рождались профессиональная армия, новая политика и новый тип человека — честолюбивого, расчётливого и готового бороться не только за деньги, но и за славу, власть и место в истории. Она адресована широкому кругу читателей, интересующихся Средними веками, Возрождением, военной историей Италии и биографиями выдающихся исторических личностей.

ПРОЛОГ: СМЕРТЬ «БОЛЬШОГО ДЬЯВОЛА»

25 ноября 1526 года, в холодном тумане близ Говерноло, где воды Минчо сливаются с По, завершилась не просто одна жизнь, но целая эпоха. Именно в тот день, когда Джованни делле Банде Нере де Медичи получил смертельную рану, которая с его мучительным уходом символически завершила эру великих кондотьеров. Войны в Италии продолжались ещё десятилетиями, его династия пережила века, но то время, когда доблесть одного человека с горсткой верных воинов могла перевернуть судьбы государств, кануло в Лету.

Джованни, сын неукротимой «Тигрицы» Катерины Сфорца и Джованни де Медичи, отец будущего великого герцога Тосканы Козимо I, воплощал кровь двух могущественнейших династий Италии. Воинственная ярость Сфорца сплеталась в нём с банкирским расчётом Медичи. Ещё в ранней юности он отверг интриги дворцов в пользу меча и битвы, став кондотьером в самом чистом своем проявлении — последним из той породы воинов, для которых война была не просто ремеслом, но подлинным искусством, а честь оставалась единственным, непреложным законом, превышающим любые политические расчёты или финансовые интересы.

Ему было всего двадцать восемь лет, семь месяцев и двадцать четыре дня, но за эти годы он успел прожить три жизни и стать легендой. Прозвище «Большой Дьявол» (*Il Gran Diavolo*), данное ему при рождении из-за мук, которые претерпела Катерина во время родов, оказалось пророческим. Для врагов он действительно явился дьяволом — стремительным, беспощадным и непредсказуемым. Его «Черные отряд» (*le Bande Nere*) — прозванный так из-за черных полос на гербе Медичи, символизирующих траур по папе Льву X, и созвучия с *bande* (итал. роты, отряды), — двигался как молния, атаковал с неожиданных направлений, создавая иллюзию численного превосходства там, где его на деле не существовало, и сеял ужас в сердцах противников.

За плечами у Джованни стояли серьезные победы, достойные его предков по линии матери. При Пассиньяно он захватил укрепление, которое казалось неприступным: его швейцарские наёмники, привыкшие к верности за золото, отказались сражаться без немедленной оплаты, но Джованни обратился к своим итальянским воинам, и, вдохновив их словами о чести... и обещанием добычи, взял борго штурмом. При Каприно, с 2000 солдат, он разбил пятитысячную армию швейцарцев, атаковав ночью и заставив их бежать обратно в горы, где они чувствовали себя в безопасности. А при Ровазенде в Пьемонте именно его люди загнали в угол легендарного Пьера Террайля де Байяра, того самого, который обессмертил эпитет «рыцарь без страха и упрека» (*le chevalier sans peur et sans reproche*). Впрочем, сам он предпочитал имя, данное ему современниками за его жизнерадостность и доброту, «*le bon chevalier*» («добрый рыцарь»). Рыцарь был смертельно ранен из аркебузы, оружия, которое он презирал как трусливое, но которое уносило всё больше и больше жизней. Он умер, прислонившись к дереву, отчасти проклиная, отчасти прощая своих противников, которые окружили его и смотрели как он уходит, и среди которых были Фернандо Франческо д'Авалос, маркиз ди Пескара, итальянский кондотьер арагонского происхождения, командующий имперской армией в Италии, и старый товарищи Байяра, коннетабль Карл III де Бурбон, который теперь сражался на противоположной стороне. Карл, как сообщается, сказал: «Ах! Монсеньор Байяр... Мне очень грустно видеть вас в таком состоянии; вы, такой добродетельный рыцарь!» На что Байяр ответил: «Монсеньор, нет нужды меня жалеть. Я умираю, как и подобает человеку чести, исполняя свой долг; но я жалею вас, потому что вы сражаетесь против своего короля, своей страны и своей клятвы».

Но вернемся к Джованни. Его главная победа произошла близ Говерноло, став в его жизни роковой. 15000 ландскнехтов — непобедимых немецких наёмников императора Карла V под командованием Георга фон Фрундсберга, который вёл их с золотой веревкой на седле, клянясь повесить папу Климента VII, — спускались через долину Кьеze, пройдя через земли Мантуи с согласия маркиза Федерико II Гонзага. Однако против них стоял Джованни, который, не дожидаясь медлительного Франческо Мария делла Ровере, герцога Урбинского и главнокомандующего Коньякской лигой (*Lega di Cognac*) — коалицией против императорских армий, включавшей папу, Францию, Венецию и других, — с 800 всадниками и 400 пехотинцев нагнал огромную орду. Весь день 25 ноября его отряды атаковали фланги волнами, не давая развернуться, сея хаос и оставив на поле 300 германцев, после чего ландскнехты в панике отступали, крича, что их преследует не армия, а воинство самого дьявола.

Но когда битва затихла, а солнце садилось за горизонт, из заброшенной печи для обжига кирпича, скрытой в кустах на насыпном валу, внезапно раздался выстрел фальконета — маленькой пушки, которой там не должно было быть. По злой иронии, пушечное ядро устремилось в правую ногу Джованни выше колена, в то место, где уже была рана после сражения под Павией, полученная от выстрела аркебузой. Это орудие прибыло тайно от герцога Феррарского Альфонсо I д'Эсте, который ранее отказал Джованни в артиллерии, а теперь, предательски, типичному для итальянской политики, ночью переправил её по реке и передал врагу.

Его немедленно перевезли в Сан-Николо-По, но врача найти не удалось, и поэтому его отвезли в Мантую во дворец друга Джованни Алоизио Гонзага, кондотьера и маркиза Кастель-Гоффредо. Однако его двоюродный брат Федерико II, ревностный хранитель неприкасаемости Мантуи в этом кровавом водовороте, опасаясь гнева императора Карла V, сначала отказал в убежище, запретив открывать ворота. Яростные слова Пьетро Аретино, верного друга Джованни, переломили это решение: «Если не откроете, имя Гонзага станет синонимом предательства на века!» (*Se non aprite, il nome Gonzaga diventerà sinonimo di tradimento per i secoli!*). Только тогда город принял раненого кондотьера.

Хирург Абрамо Арие, уже оперировавший Джованни при Павии, попытался спасти его, ампутировав ногу без настоящей анестезии — лишь с помощью алкоголя и лауданума, которые лишь притупляли боль. Восемь сильных мужчин удерживали тело, пока Абрамо пилил кость, а сам Джованни держал свечу, наблюдая за процессом ампутации. Он не издал ни звука, демонстрируя ту нечеловеческую стойкость, за которую его звали Дьяволом. После операции, увидев отрезанную конечность в ведре, он рассмеялся и, то ли размахивая ею, как оружием, то ли просто указав на неё, воскликнул: «Смотрите на меня, Пьетро. Я исцелён!» (*Guardatemi, Pietro. Sono guarito!*), хотя гангрена уже пожирала тело, и даже Абрамо шепотом признавался Аретино, что никогда не видел такой выдержки, но спасти кондотьера он не в силах.

Четыре дня он отчаянно боролся со смертью, в бреду призывая своих солдат к новым атакам и сражаясь с невидимыми врагами, пока не потребовал, чтобы его вынесли из душной комнаты: «Я не хочу умирать среди этих компрессов! Положите меня на походную койку!» (*Non voglio morire fra questi impiastri! Mettetem i sul mio letto da campo!*). Его перенесли на простую походную постель, где, обретя миг ясности, он исповедался священнику со словами, полными простоты и достоинства: «Отче, будучи мастером оружия, я жил по обычаям солдат и вел себя так, как подобает воину; точно так же жил бы по обычаям монахов, если бы носил вашу рясу» (*Padre, essendo io maestro d'arme ho vissuto secondo il costume dei soldati. Allo stesso modo avrei vissuto secondo quello dei religiosi se avessi portato l'abito che vestite voi*). И вот, 30 ноября 1526 года, в ночь на пятницу, Джованни делле Банде Нере де Медичи скончался.

Его «Черная банда» стояла под снегом на улицах Мантуи — сотни, тысячи убийц, грабителей и бесстрашных воинов, закаленных в бесчисленных битвах, плакали как дети, не скрывая слез, ибо потеряли не просто капитана, но отца, брата и символ их несокрушимой мощи. Лукантонио Газисса, первый лейтенант, верный соратник, чья преданность была известна всем, вышел к ним на балкон и провозгласил дрожащим от горя голосом: «Это самый черный из дней! Уходит наш Джованни, герой невиданной доблести!» (*Questo è il più nero dei giorni! Ci lascia il nostro Giovanni, eroe di valore inaudito!*). Тысяча мечей взметнулась к небу в знак скорби, а эхо его слов разнеслось над замерзшим городом, где даже враги втайне склоняли головы в этом трауре.

Его погребли в доспехах, с мечом у бедра, как он завещал. На гробу начертали стихи, барабаны и трубы задрапировали черным. Воины пели: «Под звуки труб восстань из гроба! Мертвый, но грозный Джованни!» (*Sotto le trombe, risorgi dal sepolcro! / Morto, ma tremendo Giovanni!*).

Через несколько месяцев те самые ландскнехты фон Фрундсберга и Карла III де Бурбона, остановленные Джованни у Говерноло, дошли до Рима, поскольку Франческо Мария делла Ровере медлил, преднамеренно блуждал и боялся вступить в схватку с противником. 6 мая 1527 года голодные немецкие наёмники, ожесточенные длительным отсутствием жалования, напуганные вспышками чумы, после гибели во время штурма Карла III де Бурбона, ворвались в Вечный город, где три дня терзали и грабили его жителей. Будучи преимущественно лютеранами, они убивали священников, насиловали монахинь, оскверняли церкви и превратили собор Святого Петра в конюшню. Папа Климент VII, брошенный всеми, обещал в обмен за свою жизнь немыслимые 400000 дукатов и передачу Пармы, Пьяченцы, Чивитавеккьи и

Модены Священной Римской империи. Он провёл в качестве пленника шесть месяцев заключения в замке Сант-Анджело, но, подкупив нескольких имперских офицеров, бежал, переодевшись торговцем, и укрылся сначала в Орвието, а затем в Витербо. Он вернулся в опустевший и разрушенный Рим только в октябре 1528 года.

Италия продолжала истекать кровью. Но, возможно, могло быть иначе — если бы не тот выстрел, не предательство д'Эсте и Гонзага, если бы Джованни остался жив, чтобы сдерживать лавину, как сдерживал её в Говерноло.

Со смертью «Большого Дьявола» не просто ушёл один из величайших военачальников, но теперь необратимо завершилось целое историческое явление — эпоха кондотьеров, когда один харизматичный лидер с небольшой, но преданной и мобильной компанией наемников мог перевернуть баланс сил в раздробленной Италии, когда личная доблесть, тактический гений и кодекс чести решали больше, чем численное превосходство или казенные армии. Джованни делле Банде Нере стал последним настоящим представителем этой породы. После него война преобразилась под натиском новых реалий: артиллерия, мушкеты и тяжелые пушки сделали поле боя ареной для массовых армий. Храбрость одного воина уступала место дисциплине, логистике и огневой мощи. Кондотьеры, некогда непререкаемые властители Италии, превратились в анахронизм, не способный противостоять регулярным войскам королей и императоров.

Больше никогда небольшой отряд не остановит лавину ландскнехтов, как это сделал Джованни под Говерноло. Больше не будет капитанов, чья харизма вдохновит солдат сражаться без жалования ради чести и добычи. Эпоха Ренессанса, с её идеалами индивидуального героизма, сменилась эпохой абсолютизма, где государства собирали огромные армии, финансируемые налогами, а не частными контрактами, где предательство интриганов вроде делла Ровере или д'Эсте определяло исход не меньше, чем мечи на поле боя.

Однако прежде были другие — те, кто заложил основы этой традиции в периоды Треченто и Кватроченто. Они создали школу военного искусства, которая сделала Италию полигоном тактических инноваций. Их истории, полные триумфов и трагедий, предшествуют закату, который олицетворила смерть Джованни, знаменуя переход от эры рыцарей-авантюристов к эпохе профессиональных армий и национальных государств. Именно о них — о великих кондотьерах XIV—XV веков, чьи мечи ковали историю полуострова в те бурные годы, до появления «Большого Дьявола», — расскажет эта книга. Хотя большая часть из них руководствовалась прежде всего жадой наживы и власти, а честь и верность значили для них не больше медной монеты, именно эти исключительные фигуры воплотили дух той эпохи и показали, что даже один человек способен изменить ход истории.

ВВЕДЕНИЕ

Частные военные компании, действующие по контракту наряду с регулярными армиями, — феномен не только нашего времени. Кондотьеры Италии XIV—XV веков были прямыми предшественниками современных частных военных компаний, предлагая свои услуги тому, кто платил больше, и превращая войну в ремесло, бизнес и порой в путь к власти. Их история — это история профессионализации военного дела в эпоху, когда гражданская доблесть уступала место расчётливому прагматизму.

Феномен наёмничества, разумеется, не был уникальным для Апеннинского полуострова. Профессиональные воины и их предводители встречались по всей средневековой Европе — от английских *free companies* времён Столетней войны до германских *söldner* и *landsknechte*. Особое место среди них занимали швейцарские *reisläufer* — элитная наёмная пехота, чьи новаторские тактические приёмы и плотные копейные построения доминировали на полях сражений позднего Средневековья и раннего Ренессанса. Однако именно в политически раздробленной Италии XIV и XV веков наёмничество достигло своего апогея, превратившись из военной практики в подлинный институт, определявший характер конфликтов, логику политической жизни и даже социальную структуру эпохи. Это не случайность географии или климата. Это следствие уникального стечения обстоятельств, которые сделали Апеннинский полуостров классической землёй кондотьеров.

Чтобы понять, почему это произошло именно здесь, необходимо взглянуть на ту политическую мозаику, которую представляла собой Италия в эти два столетия. Страна оставалась лишь географическим понятием и смутным воспоминанием о давно угасшей Римской империи. Италия XIV — XV веков представляла собой политическую мозаику, состоявшую из множества независимых или полунезависимых государственных образований, каждое из которых ревниво охраняло свой суверенитет, историю, традиции и вело собственную внешнюю политику. Фактическое угасание имперских притязаний Гогенштауфенов к середине XIII века и неудача последующих попыток императоров Священной Римской империи утвердить своё господство на полуострове оставили Италию без общего политического центра. Папство, претендовавшее на верховную власть в Церковном государстве и моральное лидерство во всём христианском мире, в действительности контролировало лишь часть Центральной Италии и само периодически становилось жертвой внутренних смут и внешнего давления. Авиньонское пленение пап (1309—1377) и последовавшая за ним Великая Схизма (1378—1417) лишь усугубили хаос.

В этих условиях на полуострове сформировалось несколько крупных региональных держав, каждая из которых стремилась к гегемонии, но ни одна не обладала достаточными ресурсами для её достижения. На севере доминировал Милан, находившийся под властью династии Висконти, а с 1450 года — Сфорца. Милан был богатейшим и наиболее милитаризованным государством Северной Италии, располагавшим плодородными землями Ломбардии и развитым ремесленным производством, в особенности оружейным делом. Миланские герцоги вели агрессивную экспансионистскую политику, стремясь подчинить себе соседние города и синьории¹. Их главными противниками были Венеция на востоке и Флоренция на юге.

Венецианская республика, морская торговая держава, традиционно сосредоточенная на Средиземноморье и Леванте, в XV веке начала активную экспансию на *terraferma* — материковую Италию. К середине столетия Венеция контролировала обширные территории от Фриули и Истрии до Бергамо и Брешии, бросая вызов миланскому господству. Венецианская система

¹ Именно синьорий, а не сеньорий, как в других европейских странах Средневековья. Происходит от итал. *signoria*, т.е. господство власти.

управления наёмными армиями, основанная на длительных контрактах и пожизненных назначениях капитанов-генералов, стала образцом для других итальянских государств. Флорентийская республика, богатейшая благодаря банковскому делу и ткацкому производству, доминировала в Тоскане, хотя и сталкивалась с постоянным сопротивлением соседних городов — Пизы, Сиены, Лукки, Ареццо. Флорентийцы предпочитали дипломатию и золото открытой войне, но, когда дипломатия не помогала, они нанимали лучших капитанов своего времени — Хоквуда, Сфорца, позднее Федерико да Монтефельтро.

Папское государство, простиравшееся через Центральную Италию от Лацио до Романьи, раздиралось внутренними противоречиями. Мятежные города, амбициозные викарии, местные синьоры — все стремились к автономии от Рима. Каждый новый папа вынужден был нанимать армии для подчинения непокорных вассалов и защиты от внешних врагов. Великая Схизма превратила Папское государство в арену жестокой борьбы между сторонниками римского папы и антипапы.

На юге находилось Неаполитанское королевство, крупнейшее по территории итальянское государство, охватывавшее весь материковый юг полуострова и остров Сицилию (вплоть до «Сицилийской вечерни» 29 марта 1282 года, когда Сицилия стала отдельным королевством под властью арагонской династии). Неаполь был беднее северных республик, его экономика базировалась на сельском хозяйстве и феодальных отношениях. Неаполитанские короли из анжуйской и арагонских династий активно вмешивались в дела Центральной и Северной Италии, нанимая кондотьеров для своих амбициозных проектов.

Помимо этих гигантов, на политической карте Италии существовали десятки более мелких государств: синьории Феррары, Мантуи, Римини, Урбино, Перуджи, республики Генуи, Сиены, Лукки, многие из которых сами управлялись династиями, выросшими из родов потомственных кондотьеров, таких как д'Эсте, Гонзага, Малатеста, Монтефельтро, Сансеверино и других. Эта политическая раздробленность, сопровождавшаяся постоянными конфликтами: территориальными, династическими, идеологическими (гвельфы против гибеллинов), создала неисчерпаемый спрос на военные услуги профессионалов.

Сводить фигуру кондотьера только к образу «солдата удачи», «дикого гуся» — значит допускать серьёзное упрощение. Кондотьер стоял на пересечении трёх начал: военного мастерства, высокой политики и предпринимательства. Он был военачальником, лично ведущим войска в бой и несущим личную ответственность за тактические решения; политическим игроком, способным влиять на судьбы государств, а порой и захватывать власть, превращаясь из наёмного капитана в суверенного правителя; наконец, своего рода антрепренёром, организатором военного предприятия, вкладывавшим собственный капитал и репутацию в набор, оснащение и удержание отряда. Именно эта тройственная природа — воин, политик, предприниматель — является ключом к пониманию специфики войн и политической жизни Треченто и Кватроченто. Без неё невозможно объяснить, почему одни кондотьеры увековечены фресками в соборах и конными статуями на городских площадях, другие стали основателями правящих династий, а третьи закончили жизнь на плахе, казнённые теми самыми государствами, которым прежде верно служили.

История кондотьерства имела свою внутреннюю логику и свои отчётливые фазы. Всё началось в 1320-1360-е годы с эпохи почти первобытного хаоса: тысячи немецких, бретонских, гасконских, провансальских и каталонских солдат, оставшихся без работы после итальянских походов Людвига Баварского, объединились в так называемые свободные компании — *compagnie di ventura*, — существовавшие за счёт грабежа и откупных, которые города платили за право сохранить свои стены и посева нетронутыми. Затем, во второй половине столетия, хаос начал обретать форму: крупные, относительно устойчивые компании под командованием известных капитанов всё чаще работали по долгосрочным контрактам, а итальянские военачальники постепенно вытесняли иностранцев. Первая половина XV века стала подлин-

ной кульминацией эпохи. Именно тогда сложились великие военные школы — *Scuola Braccessa* и *Scuola Sforzesca*, чьи ученики, принципы и традиции определяли облик итальянской войны на десятилетия вперёд. Наконец, вторая половина столетия принесла обманчивую стабилизацию: крупнейшие державы поделили сферы влияния, кондотьеры всё заметнее превращались в элемент политической элиты, меценатов и строителей великолепных дворцов — до тех пор, пока вторжение Карла VIII в 1494 году не обнажило военную несостоятельность всей этой утончённой системы перед лицом новых европейских армий.

Именно сквозь эту сложную эпоху и предлагает провести читателя данная книга. Судьба каждого из представленных в ней кондотьеров служит одновременно биографией и документом времени: через личный путь — от первого найма до конца карьеры — становятся видны механизмы, которые в абстрактном изложении легко ускользают. Как выстраивалась военная репутация и как она рушилась в одночасье. Как работали деньги, право и личная преданность на рынке военной силы. Почему одни государства умели управлять своими кондотьерами, а другие — нет. Как тонкая граница между наёмным командиром и политическим властителем стиралась до полного исчезновения, и почему именно раздробленная Италия стала классической ареной этого превращения.

В традиции XIX — начала XX века кондотьеров часто описывали либо с романтической симпатией как «последних рыцарей» и выразителей национального начала, либо с морализаторской враждебностью как циников, разрушителей, торговцев кровью. Реальность сложнее... и интереснее. Среди них встречались авантюристы и государственные строители, жестокие практики и тонкие дипломаты, безжалостные грабители и люди, умевшие превращать военные доходы в политические проекты и культурные жесты. И если у Возрождения есть «тёмная сторона», то она не отменяет его достижений. Она объясняет цену, которую общество платило за великолепие дворцов и библиотек, за безопасность торговых путей и за амбиции правителей. Понять эту цену — значит лучше понять и саму эпоху.

ЧАСТЬ I. КАК ИТАЛИЯ РАЗУЧИЛАСЬ ВОЕВАТЬ САМА

ГЛАВА 1. КОНТРАКТ НА ВОЙНУ: АНАТОМИЯ КОНДОТЬЕРСТВА

Само слово «кондотьер», ставшее символом целой эпохи в военной истории Италии, происходит от слова кондотта (*condotta*) — контракта на военную службу. В самом прямом значении оно обозначает предводителя наёмного военного отряда, капитана, заключившего со своим нанимателем формальное соглашение, ту самую кондотту, определявшую условия его службы.

Кондотьер был фигурой многогранной и сложной, стоявшей на пересечении военного дела, высокой политики и предпринимательства. Он был не только военачальником, ведущим войска в бой, но и политическим игроком, способным влиять на судьбы государств, а порой и захватывать власть, превращаясь из наёмного капитана в суверенного правителя. Одновременно он выступал как своего рода антрепренёр, организатор военного предприятия, ответственный за набор, оснащение и содержание своего отряда, рискующий собственным капиталом и репутацией в погоне за славой и богатством. Эта тройственная природа — воин, политик, предприниматель — и составляла суть профессии кондотьера.

Кондотта: юридический фундамент военного предпринимательства

Основой существования кондотьера, его юридическим и экономическим фундаментом, был контракт — та самая кондотта. Именно этот документ, детально оговаривавший взаимные обязательства, превращал военную службу из феодальной повинности или стихийного грабежа в регламентированную, хотя и рискованную, профессию. Сам термин, впрочем, не был исключительно военным; он применялся и к другим видам государственных подрядов, например, к контрактам на сбор налогов или разработку рудников. Но именно в военном контексте кондотта обрела своё историческое значение, дав имя целой эпохе и профессии её главных действующих лиц.

Контракт заключался между военачальником-кондотьером и нанимателем. В роли последнего могли выступать самые разные политические силы: богатые городские коммуны, такие как Флоренция, Сиена или Генуя; правители-синьоры, стремившиеся укрепить свою власть или расширить владения — Висконти в Милане, д'Эсте в Ферраре, Малатеста в Римини; и, не в последнюю очередь, Папа Римский, постоянно нуждавшийся в войсках для удержания под контролем обширных и беспокойных Папских земель или для ведения войн за их пределами. Кондотьер, в свою очередь, выступал не просто как командир, но как своего рода военный подрядчик, обязуясь предоставить на оговорённый срок определённое количество войск требуемого качества.

Детализация условий службы была ключевой характеристикой кондотты. В ней тщательно прописывались все аспекты предстоящей службы. Прежде всего, определялся срок найма. Контракты XIV века часто заключались на короткий срок, два-три месяца, подразумевающая завершение службы с окончанием осенней кампании. Однако уже к началу XV века стандартным стал срок не менее шести месяцев, а в дальнейшем всё чаще встречались контракты на год и более. Основным периодом службы назывался *ferma* — твёрдый срок, в течение которого кондотьер был полностью обязан своему нанимателю и не мог принимать другие предложения.

Важным нововведением, появившимся в середине XIV века и способствовавшим большей стабильности и непрерывности службы, стал опционный период. Контракт делился на две части: основной срок службы и дополнительный период, обозначаемый латинской формулой *ad beneplacitum* (по доброй воле) или итальянским термином *di rispetto* (буквально «из уважения», «в знак уважения»). За несколько недель до окончания *ferma* наниматель должен был уведомить кондотьера, намерен ли он продлить контракт на период *rispetto*. Эта система позволяла государствам удерживать опытных командиров и их отряды, обеспечивая преемственность военных усилий, при этом давая кондотьеру определённую гибкость в планировании своей карьеры. Если наниматель не желал продления, кондотьер получал право искать новую службу, не будучи застигнутым врасплох внезапным разрывом контракта. Особым типом контракта, также направленным на удержание командира, была *condotta in aspetto* — кондотта в ожидании, или резервная кондотта. По ней кондотьер и его отряд обязывались быть готовыми вступить в службу по первому требованию нанимателя, получая за это время пониженное жалование, обычно треть или половину от полного. В остальное время кондотьер был волен служить где угодно, при условии готовности явиться на зов основного нанимателя в оговорённый срок, обычно в течение двух-четырёх недель. Такая форма была особенно удобна для синьоров-кондотьеров, имевших собственные владения: они получали регулярный доход, сохраняя при этом свободу действий. Для нанимателя же это был способ застраховать себя от неожиданностей, имея в резерве опытного капитана с войском.

Контракт точно определял размер и состав предоставляемого отряда. Численность указывалась либо в «копьях» (*lance*), основной единице тяжёлой кавалерии, либо в количестве всадников и пехотинцев. Например, контракт мог предусматривать предоставление 100 «копий» тяжеловооружённых всадников, 50 лёгких всадников и 300 пехотинцев. Иногда, особенно в XV веке, заключались контракты на смешанные отряды, включавшие и кавалерию, и пехоту, и даже артиллерию. Существовал и редкий тип контракта *ad provisionem*, где точная численность войск не указывалась, оставляя её на усмотрение очень высокопоставленного капитана или, наоборот, нанимая опытного воина с небольшим числом соратников для выполнения специальных функций — например, для командования гарнизоном крепости или для роли военного советника. Иногда, особенно при заключении крупных контрактов для масштабных операций, несколько кондотьеров объединялись и подписывали контракт совместно, *a forma di società* (по образу товарищества), разделяя командование и ответственность. Это было характерно для эпохи свободных компаний XIV века, когда несколько капитанов, не желая или не имея возможности разделить свои отряды, действовали совместно. Такая практика постепенно угасла в XV веке, когда военная организация стала более иерархической, а крупные кондотьеры предпочитали единоличное командование.

Финансы войны: жалование, аванс и скрытые выплаты

Центральное место в кондотте занимали финансовые условия. Определялась сумма жалования (*soldo* или *stipendio*) — либо в виде общей суммы (*provisione*) на весь отряд, либо из расчёта на каждое «копьё» или на каждого воина. Жалование выплачивалось ежемесячно, часто по частям — в начале, середине и конце месяца. Размеры жалования значительно варьировались в зависимости от эпохи, спроса на наёмников, военной ситуации и репутации кондотьера. В XIV веке, в период анархии свободных компаний, плата была высокой: одно «копьё» могло стоить от 15 до 20 флоринов в месяц. К XV веку, по мере стабилизации рынка военных услуг и роста предложения опытных капитанов, цены снизились. В первой половине XV века стандартное «копьё» из трёх человек (рыцарь, оруженосец, паж) обходилось нанимателю в 10—12 дукатов в месяц, хотя для элитных отрядов плата могла быть выше. К концу XV века жалование ещё снизилось: 8—10 дукатов за «копьё» стало нормой.

Почти всегда при заключении контракта кондотьеру выплачивался аванс — *prestanza*, который обычно составлял четверть или треть от общей суммы за период *ferma*. Этот аванс служил несколько целей. Во-первых, он был гарантией серьёзности намерений нанимателя и его финансовой состоятельности. Во-вторых, он позволял кондотьеру покрыть первоначальные расходы на доукомплектование и снаряжение отряда, набор дополнительных солдат, закупку провианта и фуража. Нередко кондотьер предоставлял под аванс финансовые гарантии — поручительства богатых купцов или банкиров, залог недвижимости, обязательства третьих лиц. Это защищало нанимателя от риска того, что капитан возьмёт деньги и не явится на службу. Помимо основного жалования, контракт часто предусматривал дополнительные выплаты и бонусы, призванные стимулировать кондотьера и его людей к более активным действиям. Один из таких бонусов назывался *caposoldo* — добавочный дукат или флорин в месяц на «копье» для распределения между офицерами и наиболее отличившимися солдатами. Это была своего рода премия за хорошую службу, позволявшая кондотьеру поощрять своих подчинённых, не вкладывая собственные средства.

Существовала и необычная практика *paga morta* — «мёртвая плата», оплата за фактически отсутствующих солдат. Это был своего рода скрытый бонус или компенсация кондотьеру. Например, контракт мог предусматривать выплату жалования на 100 «копий», в то время как реально кондотьер обязывался предоставить только 90. Разница составляла его дополнительный доход. Такая практика была особенно распространена при найме очень влиятельных и ценных капитанов, которым наниматели были готовы платить щедро, закрывая глаза на подобные уловки. Впрочем, с усилением контроля со стороны государств в XV веке коррупционная *paga morta* постепенно исчезла, уступив место более прозрачным формам оплаты.

Ещё одним источником дохода для кондотьера и его солдат была *onoranza* — почётный дар или награда от нанимателя. Этот термин обозначал единовременную выплату, которая могла быть предоставлена за выдающиеся заслуги, победу в сражении, взятие важной крепости или просто в знак особого благоволения. Венецианская республика присуждала своим капитанам *Onoranza di San Marco* (награду Святого Марка), Папское государство — *Onoranza della Camera Apostolica* (награду Апостольской Палаты). Размер таких наград мог быть весьма значительным — от нескольких сотен до нескольких тысяч дукатов, в зависимости от важности заслуг и щедрости нанимателя.

Помимо финансовых аспектов, кондотта включала и другие важные обязательства. Наёмники присягали на верность нанимателю, обязуясь сражаться там, куда их пошлют, соблюдать условия контракта и сообщать о любых известных им заговорах против своего господина. Эта присяга, впрочем, носила весьма условный характер: кондотьеры не считали зазорным нарушить её, если наниматель задерживал выплату жалования — *inadimplenti non est adimplendum* («неисполнившему не должно исполняться»), или просто если открывалась более выгодная возможность. В кондотте чётко прописывались правила распределения добычи и пленных. Как правило, движимое имущество, захваченное в бою или при штурме города, принадлежало войнам, тогда как недвижимость — земли, здания, укрепления — отходила нанимателю. Особо оговаривалась судьба пленных: знатных пленников, командиров вражеской армии, изгнанников или государственных изменников следовало передавать нанимателю, обычно за установленное вознаграждение. Рядовых пленных кондотьер мог отпустить, забрав их оружие и коней, или держать ради выкупа. Выкуп за пленных был важным источником дохода для профессиональных солдат, порой превышавшим их официальное жалование.

Также контракт мог содержать положения об освобождении отряда от налогов и пошлин на территории нанимателя, гарантии бесплатного предоставления квартир (*alloggiamento*), дров и фуража, а также обязательство продавать провизию войскам по справедливым ценам, без спекулятивной наценки. Эти условия были критически важны, поскольку содержание войска, особенно кавалерийского, требовало огромных ресурсов. Одна лошадь потребляла еже-

дневно около 20 килограммов сена и нескольких килограммов овса — расходы, которые быстро истощали казну как кондотьера, так и нанимателя, если не были чётко регламентированы.

Наконец, кондотта предусматривала и условия её завершения. Кондотьер имел право за несколько недель до истечения срока отправить своего представителя на поиски нового контракта. По окончании службы ему гарантировался безопасный проезд (*salvus conductus*) до границ территории нанимателя. В свою очередь, кондотьер и его люди клялись не воевать против бывшего нанимателя в течение определённого срока, обычно шести месяцев или года, что часто фиксировалось и в его следующем контракте. Это была попытка предотвратить ситуацию, когда капитан, получив деньги и узнав все военные секреты одного государства, немедленно поступал на службу к его врагу и использовал полученные знания против бывшего хозяина.

Условия кондотты сильно зависели от славы и военной мощи самого кондотьера, а также от степени нужды в нём нанимателя. Чем отчаяннее было положение государства, тем на более выгодные условия мог рассчитывать опытный капитан. Тем не менее, кондотта всегда оставалась формальным юридическим документом, отражавшим деловой, расчётливый подход к войне, характерный для Италии эпохи Возрождения. В этом она принципиально отличалась от феодальных отношений Северной Европы, где военная служба базировалась на личной верности вассала синьору, или от английских и французских практик, где контракты (*indenture*, *lettre de retenue*) были менее детализированными и оставляли больше места для традиционных отношений господства и подчинения.

Смотр: контроль и учёт военной силы

Подписание кондотты было лишь первым шагом. Прежде чем отряд наёмников мог официально вступить на службу и начать получать полное жалование, он должен был пройти строгую процедуру приёма, центральным элементом которой был смотр, или *mostra*. Этот этап был критически важен как для нанимателя, так и для кондотьера, поскольку именно здесь абстрактные условия контракта проверялись на соответствие реальному положению дел. Смотр служил механизмом контроля, позволявшим государству убедиться, что оно получает именно те войска, за которые платит, и предотвратить возможные злоупотребления со стороны капитана.

Для проведения смотра наниматель назначал специальных уполномоченных, известных как *consegnatori* (буквально «вручатели» или «приёмщики»). Это могли быть как гражданские чиновники — казначеи, секретари синьории, представители городских советов, — так и опытные военные, обладавшие необходимыми знаниями для оценки качества войск. Их задачей было провести тщательную опись и оценку всего личного состава и имущества отряда: людей, лошадей, оружия и доспехов.

Процедура была весьма дотошной и занимала иногда несколько дней, особенно для крупных отрядов. Приёмщики сверяли фактическую численность и состав отряда с условиями кондотты, проверяли качество вооружения и состояние коней. Всё, что не соответствовало оговорённым стандартам — будь то неполное вооружение солдата, слишком старая или больная лошадь, недостаточное количество людей в «копье» — безжалостно отбраковывалось. Для кондотьера это означало не только репутационные издержки, но и прямые финансовые потери, так как плата начислялась только за тех солдат и лошадей, которые успешно прошли смотр. Особое внимание уделялось лошадям, которые были самым ценным и уязвимым элементом кавалерийского отряда. Конь тяжеловооружённого всадника стоил от 30 до 100 дукатов, в зависимости от породы, выучки и физических качеств. Боевые кони высшего качества, способные нести вес рыцаря в полном доспехе и сами защищённые конской бронёй, ценились особенно высоко и могли стоить до 150 дукатов — сумму, эквивалентную годовому жалованию высокопрофессионального ремесленника. Перед принятием на службу каждую лошадь осматривал кузнец

(*maniscalco*), её детально описывали по масти, возрасту, росту, отметинам на голове и ногах в специальных реестрах — так называемых *ruoli*. Затем лошадь клеймили раскалённым железом, нанося знак нанимателя — геральдический символ города или синьора. Это делалось для предотвращения мошенничества: чтобы одну и ту же лошадь не представили на смотр дважды под разными именами или в составе разных отрядов, а также для облегчения процедуры компенсации в случае её гибели в бою. Ценность лошади, зафиксированная при смотре, напрямую влияла на размер жалования её владельца и на сумму компенсации, которую он мог получить, если конь погибал или становился негодным для службы вследствие ранений, полученных в бою. Впрочем, если конь умирал от болезни или погибал по неосторожности владельца, компенсация не выплачивалась.

Не менее важным аспектом смотра был контроль за личным составом отряда с политической точки зрения. Приёмщики строго следили за тем, чтобы в нанимаемый отряд не попали граждане или подданные самого нанимателя. Это делалось не из недоверия к собственным людям, а для предотвращения внутренних конфликтов и разделения лояльности. Гражданин Флоренции, служащий в наёмном отряде, мог оказаться в двусмысленном положении: кому он более верен — своему капитану или своему городу? Более того, если такой человек погибал на службе, его семья могла предъявить претензии городу, требуя компенсации, что создавало юридические коллизии. Особенно тщательно проверялось отсутствие в рядах наёмников политических изгнанников — *fuorusciti*. Возвращение таких лиц с оружием в руках неизбежно привело бы к возобновлению старых смут, фракционной борьбе и политической нестабильности, чего любое правительство стремилось избежать любой ценой. Итальянские города XIV—XV веков жили в постоянном страхе перед внутренними распрями между фракциями — между аристократией и народом, гибеллинами и гвельфами, «белыми» и «чёрными» гвельфами, «сухими» и «зелёными» гибеллинами, между аристократическими кланами, влиятельными консортериями (*consorteria*). Изгнанники, лишённые имущества и прав, не оставляли надежды вернуться и мстить своим врагам. Наем отряда, содержавшего изгнанников из вражеского города, был обычной практикой — их знание местности, связи, жажда мести делали их ценными союзниками. Но допускать своих же изгнанников в ряды войск, защищавших город, было безумием.

В ходе процедуры смотра составлялись подробные списки, где фиксировались имена солдат, их происхождение (город или регион), физические характеристики (возраст, рост, особые приметы), детали вооружения (тип доспеха, наличие копья, меча, щита) и данные о лошадях (масть, возраст, клеймо, оценочная стоимость). Эти списки служили основой для последующих регулярных смотров, проводившихся на протяжении всей службы — обычно ежемесячно или раз в два месяца — для контроля численности и боеготовности отряда, а также для начисления жалования и штрафов.

Смотр был обязательной процедурой для большинства кондотьеров. Однако самые влиятельные и авторитетные капитаны, особенно те, кто заключал крупные контракты или чья репутация была безупречна, могли быть освобождены от личного присутствия на смотре или даже от смотра всего своего отряда. В таких случаях наниматель полагался на слово и честь кондотьера, что, впрочем, не отменяло последующих инспекций в полевых условиях. Высшие венецианские капитаны-генералы, такие как Гаттамелата или Коллеони, обладали столь высоким статусом, что смотры их войск носили скорее формальный характер. Иногда кондотьеры пытались обмануть приёмщиков, представляя на смотр временно взятых напрокат лошадей или солдат, которых затем возвращали владельцам, заменяя их менее качественными. Чтобы пресечь такие злоупотребления, практиковались внезапные повторные смотры уже в полевых условиях, когда войска находились в походе. Солдат, не прошедших первоначальный смотр или исчезнувших после него, вычёркивали из списков, а жалование соответственно урезали. Для кондотьера это был серьёзный удар как по кошельку, так и по репутации.

Войско кондотьера: структура и состав

Структура наёмного войска в Италии XIV — XV веков была достаточно сложной и не оставалась неизменной, варьируясь в зависимости от эпохи, происхождения отряда и конкретных условий контракта. Если в XIII веке основу многих городских армий ещё составляли ополчения — милиция, пусть и с вкраплениями наёмников, то к середине XIV века профессиональные наёмные отряды, возглавляемые кондотьерами, стали доминирующей силой на полях сражений Апеннинского полуострова. Эти армии представляли собой сложный конгломерат различных типов войск, каждый со своим вооружением, тактикой и ролью в бою.

Тяжёлая кавалерия: стеновой хребет армии

Несмотря на растущее значение пехоты и появление новых видов войск, тяжёлая кавалерия, *uomini d'arme* (букв. «люди оружия»), долгое время сохраняла статус элитной и наиболее престижной части войска кондотьера. Именно в тяжеловооруженных всадниках современники видели главную ударную силу армии.

Основной тактической и организационной единицей тяжёлой кавалерии на протяжении большей части периода оставалось «копьё» (*lancia*). Изначально, в XIV веке, состав «копья» мог варьироваться. Например, немецкие наёмники часто формировали *barbuta* — отряд из двух человек: тяжеловооруженного всадника и его оруженосца-конюха (*sergente*). Однако к концу XIV века, особенно с приходом итальянских кондотьеров, утвердилась классическая структура «копья» из трех человек:

— **Капо ди ланция** (*capo di lancia* (глава копья): тяжеловооруженный всадник, рыцарь или *milite*, облаченный в полный латный доспех. Он был основной боевой единицей.

— **Оруженосец** (*piatto* или *scudiero*): менее тяжело вооруженный воин, возможно, на лёгкой лошади, чьей задачей была поддержка рыцаря в бою, подача запасного оружия или коня.

— **Паж** (*ragazzo* или *paggetto*): часто юноша, не участвовавший непосредственно в бою, но отвечавший за уход за лошадьми (у *capo di lancia* их было несколько — боевой конь и вьючные), доспехами и лагерным имуществом рыцаря.

Таким образом, итальянское «копьё» представляло собой мини-подразделение, где только один из трёх был полноценным тяжёлым всадником, а двое других выполняли функции поддержки. Эта структура отличалась от формировавшихся в то же время во Франции и Бургундии «копий», включавших в себя стрелков (лучников или арбалетчиков) и представлявших собой более универсальную боевую единицу. Итальянская *lancia* оставалась чисто кавалерийским подразделением.

Вооружение и доспехи *capo di lancia* были внушительными и дорогостоящими. К XV веку стандартным стал полный латный доспех миланского или немецкого образца, обеспечивавший максимальную защиту. Он включал шпоры, поножи (*gambiera*), набедренники (*cosciale*), кирасу (*corazza*), защиту рук (*bracciale*), латные перчатки (*guanto*), и шлем. Наиболее распространёнными типами шлемов были бацинет, часто с забралом и стальным горжетом (*gorgera*), а позже — армет и салат (особенно барбут (*barbute*) — итальянский вариант салада без забрала и гребня, названный так по сходству с античным шлемом). Дополняли защиту щит (*targa*), хотя с развитием латных доспехов он постепенно выходил у всадников из употребления. Основным оружием было длинное кавалерийское копьё, часто с флажком-пенноном, меч и кинжал.

Лошади, как самое уязвимое место всадника, также часто защищались доспехами — *barde*. Они могли быть сделаны из прочной выделанной кожи (*cuoio bollito*), иногда с металлическими пластинами, или целиком из металла. Нововведением, приписываемым знаменитому кондотьеру конца XIV века Альберико да Барбиано, было добавление к конскому налобнику остроконечного шипа, что, как считалось, давало итальянской кавалерии преимущество перед немецкой в лобовом столкновении.

Впрочем, такая тяжёлая экипировка имела и свои недостатки. Вес доспехов делал воина ограниченным в движении вне седла. Спешившись, он с трудом мог снова взобраться на коня без посторонней помощи пажа или оруженосца. Хотя современные исследования и эксперименты на практике показывают, что при определённом уровне опыта, облачённые в доспехи воины могли быть достаточно мобильными и опасными в пешем бою, но передвижение по пересечённой местности, штурм возвышенностей или преодоление рвов были для таких воинов практически невозможны. Это во многом определяло тактику кондотьеров, предпочитавших действовать на ровных полях, где кавалерия могла развернуться во всю свою мощь, и избегавших сложных ландшафтов в тех случаях, когда командирам было нужно генеральное сражение. Впрочем, в большинстве случаев, всё было с точностью до наоборот. В результате чего малярийные болота и глубокие реки становились могилами для значительной части вражеских армий задолго до того момента, как они встретятся на поле боя.

В организационном плане «копья» объединялись в небольшие отряды под командованием капрала (обычно 10 «копий»), а затем в более крупные эскадроны (*squadra*), насчитывавшие, как правило, 25 «копий». Эскадроном командовал *caposquadra* или *squadriere*. Несколько эскадронов составляли роту (*banda* или *compagnia*) самого кондотьера. К середине XV века наметилась тенденция к стандартизации численности рот (часто 50 или 100 «копий») и появлению более крупных тактических единиц — колонн (*colonna*), объединявших несколько эскадронов под командованием старшего кондотьера (*colonello*).

К середине XV века классическое трёхчастное «копьё» стало модифицироваться. Возросший вес доспехов и интенсивность боевых действий требовали от *capo di lancia* большего числа запасных лошадей и, соответственно, больше слуг для ухода за ними. Кроме того, появилась практика включать в состав «копья» дополнительных, легко вооружённых бойцов. В папских контрактах 1460-х годов упоминается *corazza* — подразделение из пяти человек. Во флорентийских и миланских документах 1470-х годов встречаются четырёхчастные «копья». Точный состав этих увеличенных подразделений не всегда ясен, но, вероятно, они по-прежнему оставались преимущественно кавалерийскими и не включали стрелков на постоянной основе, в отличие от французской модели.

Лёгкая кавалерия: глаза и уши армии

Помимо тяжёлой кавалерии, армии кондотьеров включали и разнообразные типы лёгкой конницы, чья роль со временем только возрастала. Лёгкие всадники были незаменимы для разведки, патрулирования, преследования отступающего противника, внезапных налётов (*cavalcate*) и защиты флангов основной армии.

Одним из распространённых типов были барбуты, названные так по типу шлема, который они носили. Они имели более лёгкое вооружение, чем *uomini d'arme*, меньших и более подвижных лошадей, и обычно сопровождалась одним оруженосцем (*sergente*).

Особую известность приобрели венгерские наёмники (*Ungheri*), появившиеся в Италии около середины XIV века. Они славились своими быстрыми и выносливыми лошадьми (часто по две на всадника), длинными мечами и мастерством в стрельбе из лука. Их доспехи были лёгкими — изначально шлем и кожаная куртка, которую они со временем укрепляли, нашивая новые слои кожи, пока та не превращалась в прочную кирасу. Венгры были известны своей способностью переносить голод, жажду и усталость, спать под открытым небом, подложив под голову седло. Их привычка утолять жажду и голод после долгого перехода смесью толчёного мяса с водой или, возможно, с кровью поражала итальянцев своей дикостью.

Позже, в XV веке, особенно на венецианской службе, появились *stradioti* — лёгкие всадники, набираемые на Балканах преимущественно из албанцев и греков. Они сражались на незащищённых лошадях, вооружённые лёгкими копьями, саблями и иногда арбалетами. Их доспехи обычно ограничивались шлемом и кирасой или кольчугой. Страдиоты были масте-

рами засад, фланговых атак и преследования, но имели репутацию крайне недисциплинированных и жестоких воинов, часто выходивших из-под контроля в погоне за добычей. Венецианцы платили им по дукату за каждую отрубленную голову врага, что лишь подогревало их кровожадность.

Ещё одним важным элементом, который можно отнести к лёгкой кавалерии по мобильности, но не по функции, были конные арбалетчики, а позже — конные аркебузиры. Эти всадники передвигались верхом, но для стрельбы обычно спешивались. Они составляли отдельные роты и были особенно полезны для разведки боем, завязывания перестрелки и быстрых фланговых манёвров.

Рыцари или всадники?

Вопрос о кавалерии относит нас к одной очень важной теме, связанной с итальянским рыцарством. Дело в том, что рыцари бывают разные и не все из них по большому счёту являются классическими рыцарями, укоренившимися в нашем сознании произведениями Вальтера Скотта или историческими фильмами и сериалами. Мы немного отойдём от классического латинского термина *miles*, используемого для рыцарей и сосредоточимся на термине «кавалер» (*cavaliere*), который использовался для обозначения всех, кто сражался верхом, будь то люди благородного происхождения или простолюдины, а также действительно посвящённых в рыцари, посредством особого публичного и торжественного ритуала — *акколада* (от фр. *accolade* «объятие»). Любопытно, что во Франции, этот ритуал с XI века назывался *одубемон* или *adoubement* (от старофранцузского «*adouber*», по другой версии от франконского «*dubban*», что в обоих случаях означает «наносить удар», «касаться»). Это могла быть пощёчина — «*praimée*», или, в конце Средних веков, «*collée*» — удар по шеи. Акколада же была ударом плоской стороной меча по верхней части черепа, затылку или плечу, что являлось символической проверкой стойкости посвящённого. Впрочем, изначально удар или пощёчина могли быть совсем не символическими, так как должны были служить болезненным напоминанием о ритуале. Для итальянского рыцарства эта церемония называлась *addobbamento*, в ходе которой будущему рыцарю вручали, а точнее украшали его шпорами (сначала левой, а затем правой), жакетом, плащом, кирасой, латными рукавицами и, наконец, мечом. Так воин вступал в социальную категорию более или менее приравненную к дворянству. В то время как с VIII века рыцари составляли основную силу всех западных армий, ритуалы посвящения распространились лишь два-три столетия спустя. До сих пор тема происхождения и реального распространения ритуального рыцарства далека от единодушного толкования историками, которые также добавляют к обсуждению и тему связи между рыцарством и дворянством.

Посвящение в рыцари было военным обрядом инициации германского происхождения. Бароном, графом, князем рождались, а рыцарем становились. Теоретически, даже пекарь или кузнец, если они отличились на поле боя, могли быть посвящены в рыцари. Но только теоретически. На практике это случалось лишь в исключительных случаях. В основном из-за того, что обучение рыцаря начиналось с колыбели. Отец-барон одевал младенца в шёлковое платье, отделанное горностаем, вёл его к крестильной купели и наделял землями, состоянием или только добрым именем. Затем он поручал его кормилице благородной крови, с которой мальчик рос до семи лет. После этого его воспитанием занимался наставник, который учил его ездить верхом, играть в шахматы, впрочем, и в кости тоже.

Образование было запутанным и приблизительным, но сказать, что знать, и рыцари были неграмотными нельзя. Да, Вильгельм Завоеватель был неграмотным; существует большой вопрос, умел ли Карл Великий писать. Впрочем, другой вопрос — умел ли он читать? — тоже остаётся открытым. Тем не менее, Карл не только стремился к собственному просвещению, но и поощрял распространение грамотности среди населения через сельских священников. Но надо отдавать себе отчёт, что король средневекового периода был верховным адми-

нистратором, оказавшихся в его руках владений, и не умение читать, писать и считать в его позиции могло сыграть очень плохую службу. Высшая и средняя аристократия, вовлечённая в политику, законотворчество и дипломатию, составляла основной источник кадров для важнейших государственных должностей — от канцлеров до шерифов. Их образование было необходимым условием выполнения административных функций. Церковные иерархи, занимавшиеся дипломатией и правосудием, также не могли оставаться необразованными. Использование писцов не означало неграмотность тогдашней знати, а лишь отражало организацию делопроизводства того времени, когда документы писались на дорогих материалах и требовали самого аккуратного оформления.

Рыцари, хотя и занимали более низкое положение в социальной иерархии, также нуждались в грамотности. Будучи сыновьями аристократов, они должны были быть готовы к управлению землями в случае наследования титула. Даже менее привилегированные рыцари, управлявшие небольшими фьефами, должны были разбираться в документах и финансах. Полностью неграмотными могли быть лишь редкие рыцари, получившие звание исключительно за военные заслуги, но к Высокому и Позднему Средневековью это становилось всё менее распространённым явлением. Безусловно, объём получаемых знаний варьировался. Военная подготовка оставалась приоритетной для будущих рыцарей, и многие из них имели поверхностное представление о науках квадривиума (арифметика, музыка, геометрия, астрономия) и тривиума (грамматика, риторика, диалектика). Их историческое образование часто ограничивалось изучением деяний античных героев — Ахилла, Гектора, Александра и Цезаря. Однако среди знати и рыцарства были выдающиеся деятели культуры. Вильгельм IX Аквитанский стал основоположником поэзии трубадуров, король Ричард Львиное Сердце был известен как поэт и музыкант, а Кретьен де Труа и Вальтер фон дер Фогельвейде прославились как выдающиеся поэты рыцарского происхождения. Помимо личного творчества, аристократы активно покровительствовали искусству и литературе. Таким образом, миф о неграмотности средневековых лордов и рыцарей не подтверждается историческими фактами.

В двенадцать лет юный барон становился *дамуазо* (фр. *damoiseau* от лат. *damigello*) знатного господина, в чей замок он переезжал. Здесь он проходил настоящее военное обучение: учился обращаться с луком, держать щит, владеть мечом, метать копьё, фехтовать. Он присутствовал на турнирах и состязаниях и сопровождал барона, которому во время войны, верхом на коне, носил копьё и щит. В пятнадцать лет он наконец был готов стать рыцарем. Если синьор был доволен его успехами, то он производил его в рыцари через ритуал, описанный выше.

Несомненно, ритуальное рыцарство не было одинаково распространено во всех областях средневековой Европы, в то время как техники конного боя привели к повсеместному принятию одинакового типа снаряжения для рыцаря и его коня. Это не означает, что на поле битвы сражались на равных условиях хотя бы потому, что смелость, физическая сила, индивидуальная и коллективная подготовка, качество доспехов и, прежде всего, мощь и послушность коня были факторами, создававшими неравенство между бойцами. Не все были достаточно богаты, чтобы позволить себе полное облачение классического рыцаря. В Италии XIII — XIV веков для того, чтобы одеть рыцаря с головы до ног, требовалась сумма, которую квалифицированный работник мог заработать лишь за многие-многие годы, при этом не тратя на себя и семью.

Но вернёмся к итальянским рыцарям. Итальянское рыцарство было неоднородным. Начнём с его самого верха. *Cavalieri Addobbati*, также известные и как *Cavalieri di Corredo*, представляли собой элиту среди итальянских рыцарей в Средние века. Оба названия происходят от слов *addobbo*, старинного термина, обозначающего украшение (этот процесс мы описывали выше), и *corredo*, обозначающего снаряжение. Это были рыцари, которые могли позволить себе роскошную одежду, доспехи и снаряжение для себя, своего боевого коня и породного скакуна².

² Littell & Littell, *The Living Age*, p. 180.

Согласно флорентийскому аристократу, поэту и писателю XIV века Франко Саккетти³, в его время существовало ещё три типа итальянских рыцарей. *Cavalieri bagnati*, или рыцари купальни, посвящались в рыцари с помощью сложных церемоний, во время которых их омывали от всей «скверны». *Cavalieri di scudo*, или рыцари щита, были людьми, посвящёнными в рыцари князьями или государями. *Cavalieri d'arme*, или рыцари оружия, были воинами, которых посвящали в рыцари до или после сражения. Эти различия, по-видимому, не были особенно строгими.

Конечно, основная часть населения итальянских коммун, принадлежавшая к небогатым слоям общества, не имела возможности нести расходы на дорогостоящую кавалерийскую подготовку, обучение владения различными видами оружия, приобретение боевого коня, экипировки и содержание оруженосца.

В реалиях даже позднего Средневековья простые горожане были всецело поглощены ежедневной борьбой за существование. Тяжёлый физический труд, необходимость обеспечивать многочисленную семью и выплачивать многочисленные подати не оставляли времени для серьёзной военной подготовки. Даже если бы финансовые возможности позволяли приобрести им воинское снаряжение, плотный график работы в поле, в ремесленной мастерской или на торговой площади не давал возможности посвящать достаточно времени воинским упражнениям. В отличие от знати, располагавшей и средствами, и досугом для военных тренировок, простолюдины не могли позволить себе отвлекаться от насущных проблем выживания. Экономические условия Средневековья, с его частыми неурожаями, эпидемиями и социальными потрясениями, только усугубляли эту ситуацию, вынуждая большинство населения сосредотачивать все силы на поддержании минимального уровня жизни.

Пехота: растущая сила

На протяжении всего периода роль пехоты в итальянских армиях неуклонно росла и приобрела особое значение в военной структуре. В Падуе и Вероне, как и в других итальянских городах-государствах, пешие воины стали основой городского ополчения. Их главным преимуществом была способность создавать мощное давление на противника даже при отсутствии сложной боевой выучки.

Важно подчеркнуть, что масштабные сражения, предполагавшие организованное противостояние армий с заранее выстроенными, а лучше будет сказать, выставленными боевыми порядками, были редкостью в военной практике того периода. Военные действия чаще сводились к локальным столкновениям, где простые тактические построения пехотных отрядов оказывались вполне результативными. Более того, далеко не всё в то время сводилось к военным столкновениям. Часто боевые отряды сосредотачивались на вылазках на территорию враждебных коммун ради грабежа и «возмещения» старых обид и потерь, а также осадах замков и крепостей. Осады и, в идеале, взятие укреплённых пунктов позволяло снизить ресурсную базу противника, а также ограничить его возможности на ответные вылазки.

³ Франко Саккетти — выдающийся итальянский писатель, поэт и государственный деятель позднего Средневековья. Родился во Флоренции или в Рагузе (современный Дубровник) в древней и знатной флорентийской семье Саккетти, активно участвовавшей в торговле и политике. С юности он проявил себя как талантливый поэт, но основное внимание уделял торговле, а затем государственной и дипломатической службе. В течение жизни занимал высокие должности в городах Тосканы и Романьи, включая пост подесты в Сан-Миниато, Фаэнце и Биббьене. После восстания чомпи (1378) его родной брат Джанноццо (Giannozzo Sacchetti) был казнён, а семья подверглась изгнанию, но сам Франко избежал этой участи благодаря своей репутации честного и благоразумного политика. Как писатель, Франко Саккетти вошёл в историю прежде всего благодаря своему сборнику «Треченто новелл» (*Trecento novelle*), содержащему 223 сохранившиеся новеллы из первоначально запланированных 300. Его новеллы представляют собой реалистичные зарисовки повседневной жизни Флоренции конца XIV века, наполненные живым народным языком и юмором. В отличие от Джованни Боккаччо, Саккетти избегал сложных сюжетных конструкций, отдавая предпочтение коротким, поучительным и часто сатирическим историям. Его стиль отличался простотой и непосредственностью, а сюжеты черпались как из собственных наблюдений, так и из устных преданий.

Нарастающая профессионализация войска привела к дифференциации прежде однородной массы пеших воинов. Теперь стали различать рядовых пехотинцев и стрелков, вооружённых метательным оружием, среди которого особое место занял арбалет. Это оружие, известное на Апеннинском полуострове по меньшей мере с XI века, поначалу использовалось наряду с луком, но со временем полностью вытеснило его, став инструментом, способным кардинально влиять на ход сражений.

Эта эволюция военного дела отражала глубинные изменения в социальной и экономической структуре итальянских городов-государств, где растущая роль пехоты символизировала усиление позиций городского сословия в противовес традиционной феодальной знати, а, следовательно, кавалерии. Однако, парадоксальным образом, значимость пехоты зачастую умалялась хронистами, большинство из которых стремились воспевать подвиги более благородных всадников — представителей лучших и древних семей города. Не случайно в бесчисленных описаниях армий конница неизменно упоминалась первой, зачастую без её дифференциации.

Развитие тактики, распространение полевых укреплений и осадная война требовали всё большего числа хорошо обученных и дисциплинированных пехотинцев. В свете этих перемен вооружение пехотинца того времени претерпело значительные улучшения, выйдя за рамки прежней стёганой одежды, изредка дополненной металлическими элементами защиты. Уже на исходе XIII столетия городские статуты предписывали пешим воинам облачаться в панцирь, шлем и горжет, снабжать правую руку перчаткой, а также вооружаться ножом, мечом и неизменной *роэллой* (*roella*) — компактным круглым щитом для защиты предплечья. Венчало это снаряжение длинное копье — *lancia lunga*, именуемое так в противовес более короткому кавалерийскому варианту.

Основной боевой единицей пехоты была рота (*compagnia*) под командованием констабля (*contestabile*)⁴, насчитывавшая от 20 до 50 человек. Традиционно пехота делилась на три основные категории:

— **Копьеносцы/Пикинеры** (*fanti, lance lunghe*): вооружённые длинными копьями или пиками, шлемом, мечом и ножом. Их основной задачей было удержание оборонительного строя против атак кавалерии.

— **Щитоносцы** (*pavesari*): пехотинцы, несшие большие прямоугольные щиты-павезы, которые можно было установить на землю, создавая защитную стену для копьеносцев и стрелков.

— **Арбалетчики** (*balestrieri*): основная стрелковая сила. Это оружие, известное на Апеннинском полуострове по меньшей мере с XI века, поначалу использовалось наряду с луком, но со временем полностью вытеснило его, став инструментом, способным кардинально влиять на ход сражений. Генуэзские арбалетчики считались лучшими в Европе и высоко ценились на рынке наёмников. Арбалетчики должны были иметь кирасу или нагрудник, шлем, нож, арбалет с болтами и колчан.

Командиры пехотных отрядов дополнительно имели «брачиали» (*bracciali*) — защиту рук, вероятно, кольчужные рукава.

С середины XV века структура и вооружение пехоты стали меняться. Наряду с традиционными типами появились:

— **Мечники с баклерами**: лёгкая пехота, вооружённая мечом и маленьким круглым щитом-баклером или на итал. брокьеро (*brochiero*), предназначенная для ближнего боя и штурмовых действий. Эксперименты с таким типом пехоты связывают с именем кондотьера Браччо да Монтоне.

— **Стрелки из ручного огнестрельного оружия**: сначала *schiopettieri* (с примитивными ручницами-«скьоппетто»), а затем, с 1470-х годов, аркебузиры. Хотя раннее огнестрель-

⁴ Также используются связанные производные термины «констебль» и «коннетабль».

ное оружие было неточным и медленным в перезарядке, оно обладало большей пробивной силой, чем арбалет, и его производство было дешевле. К концу XV века аркебузиры стали постепенно вытеснять арбалетчиков в качестве основной стрелковой силы пехоты. В 1476 году пятая часть миланской пехоты (2000 из 10000) была вооружена ручницами. В 1482 году в арсенале Милана на 1250 ручниц и 352 аркебузы приходилось лишь 233 арбалета.

Состав пехотных контингентов также был разнообразным. Хотя значительная часть пехотинцев набиралась в центральной Италии (Умбрия, Романья, Марке), было много и иностранцев: корсиканцы, испанцы, немцы (особенно в качестве стрелков из огнестрельного оружия), славяне и албанцы.

Векторы трансформации

Трансформация отношения граждан (*cives*) к войне стало ещё одним локомотивом усиления роли наёмников. Если в середине XIII века итальянский юрист и писатель Роландино да Падова страстно превозносил свободу и честь своего города как высшие ценности, достойные защиты до последней капли крови, то, менее века спустя, у юриста, дипломата и хрониста из Падуи Гульельмо Кортузи война предстаёт не как эффективное средство защиты отечества, а как небесная кара, описываемая с пессимизмом и почти смирением. Вооружённая борьба перестала быть частью коллективного сознания, которое теперь отвергало её, воспринимая как исключительно частный интерес правителей.

Снижение готовности граждан к воинской службе, несомненно, было обусловлено атмосферой нестабильности и перманентной военной мобилизации, характерной для итальянских городов того периода. Этот сдвиг в общественном сознании отражал глубинные изменения в социальной структуре и политической культуре итальянских городов-государств, где традиционные республиканские идеалы гражданского ополчения — милиции (*milizie cittadine*) уступали место профессионализации военного дела и растущей отчуждённости населения от военных забот.

Военные кампании любого масштаба требовали постоянно действующих и профессионально подготовленных армий — качеств, недостижимых для гражданского ополчения. Это обусловило необходимость специальной подготовки и, прежде всего, количественного и качественного превосходства над тем, что могли предложить горожане и жители контадо.

Эксперимент с наёмными войсками, уже неоднократно опробованный, стал, таким образом, неизбежностью, преодолев изначальное неприятие, связанное с необходимостью оплаты их услуг, в отличие от безвозмездной службы добропорядочных граждан.

Восхождение правителя Вероны Кангранде I делла Скала ознаменовало институционализацию оплачиваемых воинов — *soldaerii*. Из элитной гвардии на личной службе у *доминуса* или временной военной необходимости они превратились в постоянный компонент армий Скалигеров. Именно на этих профессиональных солдат сделал решительную ставку Кангранде, выстраивая свою репутацию «воинственного и завоевательного гения», столь очаровавшую историков, или, согласно более трезвому взгляду хронистов — «человека войны» (*homo de guerra*). Полководец одним из первых интуитивно осознал потенциал «солдат удачи»⁵ и ускорил процесс их интеграции в военную структуру защиты итальянских коммун. Если на начальном этапе наем ограничивался отдельными войнами или командирами и их небольшими группами воинов, то вскоре перешёл к всё более многочисленным контингентам, предвосхищая неизбежное формирование крупных наёмных отрядов.

Однако была и другая тенденция. Помимо наёмных отрядов кондотьеров, ведущие итальянские государства (Милан, Венеция, Неаполь, Папское государство) с середины XV века начали формировать и собственные постоянные войска, находившиеся на прямой государ-

⁵ Итал. *soldato di ventura* или *venturiero*.

ственной службе. В Милане это была *famiglia ducale* — герцогская гвардия, со временем разросшаяся до нескольких тысяч хорошо экипированных всадников, и *lanze spezzate* («сломанные копья») — отдельные всадники, зачисленные на государственную службу индивидуально, часто после гибели их прежнего командира-кондотьера. Аналогичные кавалерийские отряды существовали и в Неаполитанском королевстве. Постоянные пехотные контингенты, также напрямую нанимаемые государством, назывались *provisionati*. Эти постоянные войска, наряду с системой долгосрочных контрактов для кондотьеров, свидетельствуют о постепенном переходе от чисто наёмной системы к формированию регулярных армий.

Таким образом, войско кондотьера, особенно в развитой форме XV века, представляло собой сложный организм, включавший тяжёлую и лёгкую кавалерию, различные типы пехоты, артиллерию и инженерные подразделения. Его структура и состав постоянно эволюционировали под влиянием новых тактических идей, технологических новшеств и меняющихся политических условий.

Снабжение, дисциплина и жизнь в походе

Содержание войска было сложным и дорогостоящим делом, требовавшим не только финансовых ресурсов, но и организационного таланта. Оплата войск производилась ежемесячно, обычно в несколько этапов — в начале, середине и конце месяца. Жалование зависело от типа воина: *capo di lancia* получал больше всех, оруженосцы и пажи — меньше, пехотинцы — ещё меньше, стрелки занимали промежуточное положение. Цены варьировались в зависимости от периода, спроса на наёмников и щедрости нанимателя, но в среднем в XV веке копё из трёх человек могла стоить 8—10 дукатов в месяц. Тяжёлый пехотинец получал 2—2,5 дуката, лёгкий — 1,5—2, арбалетчик — 2,5—3.

Помимо жалования, солдаты рассчитывали на добычу, захваченную в боях и рейдах. Это был важнейший стимул, порой превосходивший официальную плату. Итальянские войны XIV—XV веков велись не столько ради территориальных завоеваний или идеологических целей, сколько ради вполне прагматичных экономических интересов. Для профессионального солдата война была способом обогащения. Захват пленных ради выкупа, грабёж городов и деревень, конфискация имущества противника — всё это составляло важную часть дохода наёмника.

Правила дележа добычи тщательно регламентировались контрактами и обычаями. Движимое имущество — деньги, драгоценности, одежда, оружие, утварь, скот — обычно доставалось солдатам, захватившим его. Недвижимость — земли, здания, крепости — отходила нанимателю, который таким образом расширял свои владения. Пленные делились на категории. Знатные пленники, вражеские военачальники, государственные изменники должны были передаваться нанимателю, обычно за фиксированное вознаграждение. Рядовых пленных кондотьер и его солдаты могли держать у себя для получения выкупа. Сумма выкупа зависела от статуса и богатства пленника и могла составлять от нескольких флоринов за простого солдата до тысяч дукатов за знатного рыцаря или богатого горожанина.

При захвате города, особенно штурмом, действовало жестокое, но общепринятое правило: если город сдавался добровольно, его население и имущество должны были быть пощажены. Если же город брался штурмом, после того как осаждающие понесли потери при атаке стен, он отдавался на разграбление в течение определённого времени — обычно от нескольких часов до трёх дней. Это было вознаграждением солдатам за риск и потери, понесённые при штурме, и одновременно устрашением для других городов, которые могли подумывать о сопротивлении.

Снабжение армии продовольствием, фуражом для лошадей, боеприпасами было постоянной головной болью для кондотьеров и их нанимателей. Термин *vettovagliamento* обозначал всю систему снабжения войск провиантом. Армии часто жили за счёт местности (*vivere sul*

paese), реквизируя или просто грабя продовольствие у населения. Это было дешевле для нанимателя, но губительно для экономики территории, по которой проходило войско. Крестьяне, лишённые урожая и скота, разорялись, бежали, переставали обрабатывать землю. Целые районы могли превратиться в пустыни после нескольких лет военных действий. В этом контексте особое значение приобрели особая военная должность, которая отражала суровые реалии средневековых войн — фуражира или саккоманно в единственном или *саккоманни* во множественном числе. Думаю, стоит остановиться на этом многогранном термине особо. Этот термин, происходящий от немецкого слова *sackman* и является составным от *sack* (на итальянском «сакко»), то есть мешок и *man* (итал. «uomo») — человек, и в целом обозначал человека, чьи обязанности были столь же разнообразными, сколь и необходимыми для функционирования военной машины того времени. В первом значении саккоманно был тем, кто заведовал службами и обозом армий Средневековья и Возрождения — его также называли *саккардо*. Эти люди обеспечивали снабжение войск, следили за сохранностью припасов и военного имущества, без чего любая кампания была обречена на провал. Во втором, более мрачном значении, саккоманно превращался в безжалостного экспроприатора, грабителя и мародёра. Как писал святой Бернардино, «точно тем, кто входит в землю, желая предать её разграблению». Слово имело и другие оттенки смысла. Саккоманно означало снабжение продовольствием и фуражом — как отмечал Франческо Гвиччардини, осаждённые «не имели более возможности выходить на саккоманно, разве что в необычные часы и с сильной охраной». Наконец, этот термин обозначал само разграбление.

Контракты могли предусматривать обязательство нанимателя обеспечивать войска провизией по справедливым ценам или бесплатно предоставлять квартиры, дрова, фураж. На практике это зависело от возможностей нанимателя и местоположения армии. Французская система *pourvoyance*, когда войска снабжались централизованно из королевских складов, была плохо знакома Италии. Здесь каждый кондотьер отвечал за снабжение своего отряда, хотя крупные государства, такие как Венеция или Милан, постепенно начали создавать системы армейского снабжения.

При армии всегда находился обоз — длинная вереница повозок, мулов и выючных лошадей, везущих провиант, фураж, запасное снаряжение, инструменты, палатки, личные вещи солдат и офицеров. Обоз также включал маркитантов — торговцев, продававших солдатам еду, вино, одежду и прочие товары, часто по завышенным ценам. При больших армиях складывались целые передвижные рынки. Для контроля за ценами и предотвращения спекуляции нанимателями назначались специальные чиновники — *signori del mercato dell'esercito* («господа армейского рынка»), следившие за тем, чтобы торговцы не обирали солдат. Понятно, что во время военной кампании защита обоза была критически важной задачей. Захват вражеского обоза означал не только приобретение ценностей, но и лишение противника провианта, что могло вынудить его отступить или даже капитулировать. Поэтому обозы охранялись отдельными отрядами, обычно лёгкой кавалерией и пехотой, и двигались в центре или тылу армии, защищённые от внезапного нападения.

Дисциплина в войсках кондотьеров была относительной. Грабежи, насилие, дезертирство были обычным делом, особенно если жалование задерживалось. Задержка выплат была постоянной проблемой итальянских государств: войны стоили дорого, налоги собирались медленно, займы иссякали. Когда деньги не поступали несколько месяцев, солдаты начинали роптать, затем грабить окрестности (даже если это была территория их собственного нанимателя), и наконец дезертировать или даже переходить на сторону противника, если тот предлагал лучшие условия.

Кондотьер был заинтересован в поддержании боеспособности своего отряда, поэтому старался карать наиболее вопиющие нарушения дисциплины. За дезертирство, убийство товарища, изнасилование женщины из семьи союзников, воровство у сослуживцев полагались

суровые наказания — от порки и клеймения до повешения. Однако полный контроль был невозможен. Войско в несколько тысяч человек, разбросанное на десятки километров в походе или на постое, не могло находиться под постоянным надзором. К тому же многие кондотьеры смотрели сквозь пальцы на грабежи, понимая, что это необходимая отдушина для солдат и компенсация за задержки жалования.

Жизнь в походе была тяжёлой. Солдаты спали в палатках или под открытым небом, если погода позволяла. Рацион был однообразным: хлеб или галеты, сушёное мясо, бобы, иногда сыр, разбавленное вино или пиво. Свежие овощи и мясо появлялись только после грабежа или на постое в дружественных землях. Болезни косили войска не менее эффективно, чем вражеские мечи. Дизентерия, тиф, малярия (особенно в болотистых районах Романьи и Тосканы), чума были постоянными спутниками армий. Медицинская помощь была примитивной: раны прижигали раскалённым железом или заливали кипящим маслом, переломы кое-как фиксировали, внутренние болезни лечили кровопусканием и травяными отварами. Тем не менее, для многих людей низкого происхождения военная служба была единственным способом вырваться из нищеты. Крестьянский сын, ставший солдатом, мог разбогатеть, захватив добычу или пленника, получить землю в награду от нанимателя, дослужиться до офицерского чина. Самые удачливые и талантливые могли стать кондотьерами, командуя сотнями и тысячами людей, получая огромные суммы, а иногда даже захватывая власть в городах, превращаясь из наёмников в синьоров.

Практика войны: манёвры, осады, сражения

Практика войны в Италии XIV—XV веков мало напоминала героические сражения эпических поэм или рыцарских романов. Генеральные битвы были редки, так как обе стороны старались их избегать из-за огромного риска. Одно крупное поражение могло уничтожить армию, разорить казну, открыть врагу путь к столице. Гораздо чаще война представляла собой серию манёвров, осад, рейдов по вражеской территории, целью которых было истощение ресурсов противника, захват замков и городов, грабёж сельской местности, подрыв экономической базы врага.

Постоянные манёвры были основной формой военных действий. Армии двигались по территории, стремясь занять выгодные позиции, перерезать коммуникации противника, захватить его обозы и склады с провиантом, вынудить его отступить без боя. Опытный кондотьер знал, что победа в кампании часто достигается не блестящим сражением, а терпеливым изматыванием противника, лишением его возможности снабжать войска, вынуждением действовать в невыгодных условиях.

Рейды были излюбленной тактикой кондотьеров. Отряд лёгкой кавалерии, иногда усиленный тяжёлыми всадниками, внезапно вторгался на вражескую территорию, разорял деревни, захватывал скот, жёг посевы, брал пленников для выкупа и так же быстро исчезал, прежде чем противник успевал собрать силы для отпора. Такие рейды наносили экономический ущерб, подрывали моральный дух населения, вынуждали противника распылять войска для защиты множества пунктов. Джон Хоквуд был мастером таких операций: его «Белая Компания» прославилась дерзкими рейдами, в которых он разорял целые районы, не вступая в крупные сражения. Осады были ещё одной из распространённых форм боевых действий. Италия XIV—XV веков была страной городов и крепостей. Каждый значительный город был окружён мощными стенами, усиленными башнями и рвами. Замки синьоров, стратегические крепости на границах коммун представляли собой грозные препятствия. Захват таких укреплений требовал времени, терпения, инженерных навыков и, всё чаще, артиллерии. Осада могла длиться месяцами, превращаясь в изнурительное состязание между осаждающими и осаждёнными. Осаждающие окружали город, перерезали пути снабжения, строили *контрвალационную линию* (укрепления, обращённые к городу) и *циркумвალационную линию* (укрепления, обра-

щённые наружу, защищавшие от попыток деблокировать осаду извне). Затем начиналось методичное разрушение укреплений. Осадная техника включала требушеты и баллисты — металлические машины, бросавшие камни весом до 100—200 килограммов, способные пробивать брешы в стенах или разрушать здания внутри города, сея панику среди жителей. Использовались передвижные башни (*torre mobile*) — деревянные конструкции на колёсах, достигавшие высоты стен или превосходившие их, с которых штурмующие могли обстреливать защитников и перебираться на стены по перекидным мостикам. Подкопы (*mina*) были излюбленным методом: под прикрытием деревянных галерей (*gatto* или *vinea*) сапёры рыли тоннели под стенами, подпирая своды деревянными балками. Затем балки поджигали, свод обрушивался, и стена проседала или рушилась, открывая брешь для штурма.

С конца XIV века всё большую роль начала играть артиллерия — бомбарды и пушки, способные разрушать стены быстрее, чем традиционные методы. Ранние бомбарды были огромными и неповоротливыми, их приходилось собирать на месте из нескольких частей, стрельба была медленной (один-два выстрела в день), а эффективность — сомнительной. Тем не менее, психологический эффект грохота и способность рушить стены, считавшиеся неприступными, делали артиллерию ценным оружием. К середине XV века артиллерия усовершенствовалась. Появились бронзовые орудия, более лёгкие и надёжные, способные вести достаточно интенсивный огонь. Осада Константинополя турками в 1453 году, где огромные бомбарды пробили брешы в древних стенах, произвела сильное впечатление на итальянцев. Государства начали инвестировать в артиллерию, нанимать пушкарей (*bombardieri*), строить литейные мастерские. Венеция создала знаменитый Арсенал, где отливались орудия для флота и сухопутных войск. Милан при Висконти и Сфорца обладал одним из лучших артиллерийских парков Европы.

Осаждённые тоже не сидели сложа руки. Они проводили свои контрмеры, прорывая собственные тоннели для перехвата вражеских подкопов, вступая в подземные схватки в темноте. Они совершали вылазки (*sortita*), внезапно атакуя осадные сооружения противника, поджигая башни и требушеты, убивая сапёров. Они обстреливали осаждающих из арбалетов, аркебуз и пушек, установленных на стенах. Иногда осаждённые выдерживали невероятно долгие осады, если у них были запасы провианта и надежда на помощь извне.

Осады городов и замков были гораздо более частым явлением, чем полевые сражения. Тактика осады включала как традиционные методы (подкопы, использование осадных машин), так и всё более активное применение артиллерии, особенно во второй половине XV века. Взятие города штурмом было кровавым и опасным делом, которого старались избегать. Гораздо чаще исход осады решался путём переговоров и капитуляции. Условия сдачи могли быть разными: от уплаты городом выкупа (*riscatto*) за отказ от штурма и грабежа до сдачи на милость победителя (*a discrezione*). Наиболее распространённым условием была капитуляция, гарантировавшая жизнь жителям, но отдававшая всё их движимое имущество на разграбление победителям (*sacco*). Организованный грабёж обычно длился определенное время (от нескольких часов до нескольких дней), после чего командование вводило в город свои части для восстановления порядка. Если же город был взят штурмом, то он отдавался солдатам на полное разграбление, и уровень насилия был значительно выше, хотя даже в таких случаях тотальное истребление населения было крайне редким — мёртвые города не представляли ценности.

Когда же стороны всё-таки сходились в открытом бою, сражение обычно разворачивалось по определённому сценарию. Армии выстраивались в боевой порядок, обычно в три линии: авангард (*avanguardia*), главные силы (*corpo di battaglia*) и резерв или арьергард (*retroguardia*). Каждая линия состояла из эскадронов тяжёлой кавалерии в центре, лёгкой кавалерии на флангах, пехоты для поддержки. Стрелки — арбалетчики и аркебузиры — размещались впереди или на флангах.

Сражение начиналось с перестрелки. Арбалетчики и аркебузиры обеих сторон обменивались выстрелами, стремясь нанести урон противнику и посеять замешательство. Эта фаза

могла длиться от нескольких минут до получаса, в зависимости от дистанции и интенсивности огня. Затем стрелки отходили в стороны или за линии тяжёлой кавалерии, освобождая пространство для главной атаки. Далее следовала атака тяжёлой кавалерии. Рыцари в полных доспехах, выстроенные плотным строем, устремлялись вперёд на галопе, копья направлены вперёд, цель — прорвать строй противника, смять его, внести панику. Столкновение тысяч всадников, облачённых в сталь, было зрелищем ужасающим и величественным одновременно. Грохот копыт, лязг доспехов, крики людей, ржание лошадей, треск ломающихся копий — всё сливалось в какофонию боя.

Первая атака редко решала исход. Если противник держал строй, атака захлёбывалась. Всадники, потерявшие копья, переходили к мечам, боевым топорам, молотам. Начиналась рубка — хаотичная схватка, где всё решало индивидуальное мастерство, сила, везение. Пехота поддерживала кавалерию, атакуя фланги противника, добивая спешенных рыцарей, защищая своих всадников от вражеской пехоты. В это время лёгкая кавалерия старалась обойти фланги, ударить в тыл, атаковать обоз.

Исход часто решался не столько числом убитых, сколько пленных. Рыцарь в тяжёлых доспехах, сброшенный с коня, был почти беспомощен. Его окружали пехотинцы, лишали оружия и брали в плен ради выкупа. Собственно, захват благородных пленных был одной из главных целей сражения, так как именно он приносил существенную прибыль. Это порождало обвинения современников и историков в том, что кондотьеры воюют «понарошку», не стремясь убивать друг друга, превращая войну в театральное представление с минимальными жертвами. Однако представление о полном отсутствии кровопролития является сильным преувеличением. Хотя крупные полевые сражения действительно были относительно редки по сравнению с осадной войной и маневрированием, они случались, и часто были весьма ожесточёнными и имели серьёзные последствия. Битвы при Кастаньяро (1387), Маклодио (1427), Караваджо (1448) или Форново (1495) были далеки от бескровности, потери в них исчислялись сотнями, а порой и тысячами человек, особенно среди пехоты и легковооружённых воинов. Тяжёлая кавалерия, защищённая латами, действительно несла меньшие потери в убитых, но значительное число рыцарей попадало в плен.

После разгрома одной из сторон начиналось преследование. Победившая армия обрушивалась на отступающих, рубила бегущих, захватывала пленников, обоз, знамёна. Преследование могло продолжаться несколько миль, пока не наступала темнота или победители не истощали силы. Проигравший терял не только людей, но и всё имущество — войско возвращалось разорённым, деморализованным, часто неспособным продолжать кампанию. Для государства это означало необходимость заключать мир на невыгодных условиях, платить контрибуцию, уступать территории.

Риски ремесла: смерть, предательство, опала

Риски ремесла кондотьера были огромны. Помимо очевидной опасности гибели в бою или от болезни, кондотьер рисковал своим капиталом. Если наниматель не платил жалование вовремя или вовсе отказывался платить, кондотьер нёс убытки, так как обязан был содержать свой отряд из собственных средств или за счёт грабежа, что подрывало его репутацию. Многие контракты предусматривали штрафы за невыполнение обязательств, но взыскать их с могущественного синьора или республики было непросто. Риск предательства со стороны нанимателя был постоянным. Слишком успешный или слишком могущественный кондотьер мог стать угрозой для того, кто его нанял. Государства боялись, что капитан, располагающий огромной армией и преданностью солдат, может обратить оружие против самого нанимателя, захватить власть или шантажировать правительство, требуя невыполнимых условий. История знает множество примеров кондотьеров, арестованных, казнённых или отравленных своими нанимателями.

Классическим примером стала судьба Франческо Буссоне да Карманьола, прославленного кондотьера на службе Венеции. После нескольких военных неудач (зачастую преувеличенных или неправильно истолкованных его недоброжелателями в венецианском правительстве) и на фоне необоснованных подозрений в тайных сношениях с миланским герцогом, Карманьола был хитростью заманен в Венецию, арестован, подвергнут пыткам и казнён по сфабрикованному обвинению в 1432 году. Его участь послужила грозным предостережением для других кондотьеров. Никколо Пиччинино, другой великий капитан, всю жизнь верно служивший Филиппо Мария Висконти, герцогу Милана, умер в 1444 году при подозрительных обстоятельствах, вскоре после того, как герцог, опасаясь его растущей силы, начал урезать его полномочия и жалование. Его сын Якопо в 1465 году «выпал из окна»⁶ тюрьмы в Кастельнуово.

Репутация была всем для кондотьера. Дурная слава предателя или труса могла лишить его заказов на всю оставшуюся жизнь. Итальянские государства тщательно отслеживали действия кондотьеров, обменивались информацией, вели своего рода «чёрные списки» ненадёжных капитанов. Кондотьер, известный тем, что бросает нанимателя в критический момент или продаёт военные секреты врагу, мог рассчитывать только на самых отчаянных и бедных нанимателей. С другой стороны, слава непобедимого полководца, честного служителя, талантливого тактика позволяла диктовать условия. Джон Хоквуд, Франческо Сфорца, Федерико да Монтефельтро — эти имена внушали уважение и страх, их услуги стоили дорого, но государства охотно платили, зная, что получают профессионалов высочайшего класса.

Наконец, кондотьер рисковал своей политической судьбой. Амбиции, стремление захватить власть могли привести как к триумфу, так и к трагедии. Франческо Сфорца, используя своё положение главного военачальника Милана, женитьбу на дочери герцога и хаос после смерти Филиппо Мария, сумел захватить власть в городе и стать герцогом, основав династию. Это был апогей карьеры кондотьера — превращение из наёмника в суверенного правителя великой державы. Но на каждого Сфорца приходился десяток менее удачливых авантюристов. Браччо да Монтоне, создавший обширное государство в Центральной Италии, погиб при осаде Л'Аквилы в 1424 году, и его владения мгновенно рассыпались. Фачино Кане, фактический правитель Милана при Джованни Мария Висконти, умер в 1412 году в момент своего наивысшего могущества, и всё его наследство — войска, богатства и даже его вдова — перешло к Филиппо Мария Висконти, восстановившему власть династии. Судьба была непредсказуема, и кондотьер, играя в большую политику, ставил на кон не только жизнь, но и всё созданное им.

Таким образом, кондотьерство было не просто военной профессией, но сложным социально-экономическим и политическим феноменом, в котором переплетались насилие и контракт, рыцарская доблесть и коммерческий расчёт, преданность и предательство. Контракт — кондотта — был юридическим фундаментом, превращавшим стихийное насилие в регламентированную службу. Структура войска, от «копья» до колонны, отражала эволюцию военной организации от малых наёмных банд к почти регулярным армиям.

Снабжение, дисциплина, практика войны — всё это требовало не только храбрости и военного таланта, но и организаторских способностей, финансовой грамотности, развитого и разветвлённого административного аппарата, предпринимательского чутья. Кондотьер был одновременно воином, предпринимателем и политиком. Он должен был уметь сражаться, но также вести переговоры, заключать контракты, управлять финансами, поддерживать дисциплину, лавировать между могущественными нанимателями и скрупулёзно выстраивать свою репутацию.

⁶ Это официальная версия. Предположительно он был задушен гарротой.

ГЛАВА 2. ОТ ГРАЖДАНСКОГО ДОЛГА К НАЁМНОМУ РЕМЕСЛУ

Эпоха кондотьеров, со всеми её драматическими фигурами и переменчивой фортуной, не возникла на пустом месте, словно по волшебству появившись на итальянской земле. Ей предшествовал период, когда оборона итальянских городов-государств опиралась на вооружённое ополчение самих граждан — коммунальную милицию (*milizie cittadine*). Защита города считалась священным долгом каждого полноправного гражданина, а война воспринималась как продолжение политики коммуны.

Расцвет этой системы гражданского ополчения справедливо связывают с XII веком, временем героической борьбы Ломбардской лиги против попыток императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы утвердить свою реальную власть над богатыми и независимыми городами Северной Италии. Победа Лиги в битве при Леньяно 29 мая 1176 года стала апогеем мощи коммунальных милиций, продемонстрировав их способность противостоять профессиональным феодальным армиям. На протяжении значительной части XIII века милиция оставалась основой военной организации большинства итальянских коммун, особенно в Ломбардии и Тоскане. Однако ничто не вечно, и система, казавшаяся столь органичной для городской жизни средневековой Италии, уже к концу XIII века начала давать трещины, а в течение XIV столетия постепенно, но неуклонно уступала место новому явлению — профессиональным наёмным армиям.

Переход от гражданина-ополченца к солдату-наёмнику растянулся на десятилетия и стал ключевым фактором появления кондотьерства — эпохи профессиональных военных предводителей, определившей облик итальянских войн в Треченто и Кватроченто.

Золотой век коммунальной милиции (XII — XIII вв.)

Период с XII по конец XIII века можно по праву считать золотым веком итальянских коммунальных милиций. Именно в это время система гражданского ополчения достигла наивысшего развития и продемонстрировала свою впечатляющую эффективность. Её организация не была случайной или хаотичной; она тесно переплеталась с самой социально-политической структурой средневекового города, отражая его корпоративное устройство и территориальное деление.

В основе военной системы коммун лежал принцип всеобщей воинской повинности. Теоретически, каждый мужчина, способный носить оружие, считался обязанным встать на защиту города в случае опасности. Эта традиция имела глубокие корни, уходя, возможно, к временам лангобардского владычества, полагавшегося на поголовное ополчение свободных людей для

формирования своих армий. Однако на практике эта «всеобщность» была ограничена. Реальная обязанность служить в ополчении распространялась в первую очередь на полноправных граждан (*cittadini*), составлявших то, что можно назвать «политическим классом» коммуны. Статус гражданина, дававший право на участие в управлении городом, как правило, требовал длительного проживания, владения собственностью и определённого уровня достатка. Именно эти граждане, имевшие реальную долю в благосостоянии и независимости коммуны, несли основное бремя налогов и военной службы. Представители низших слоёв, чернорабочие, новые жители города, как правило, в состав действующей милиции не входили, хотя в моменты крайней опасности могли привлекаться к вспомогательным работам или обороне стен. Также существовали возрастные рамки: обычно к службе призывались мужчины в возрасте от 18 (иногда от 17 или даже 15) до 60—65 лет.

Организация войска точно отражала саму структуру средневекового города. Ополчение формировалось по корпоративному и территориальному принципу. Ремесленники и торговцы выставляли отряды от гильдий (*arti*). Город делился на районы — (*sesti*, шестые доли, как первоначально во Флоренции), терци (*terzi*, трети, как в Сиене) или кварталы (*quartieri*), которые в свою очередь делились на более мелкие единицы — контрады (*contrade*, часто соответствовавшие церковным приходам) или гонфалоны (итал. мн. ч. *gonfalon*, буквально «боевые знамёна», административно-военные округа, особенно характерные для Флоренции). Каждая такая единица — будь то гильдия, квартал или гонфалон — выставляла свой собственный отряд со своим знаменем, капитаном и советниками, которые избирались публично и сменялись каждые полгода, чтобы предотвратить концентрацию власти в одних руках. Пизанские отряды, к примеру, носили живописные названия, отражавшие символику их знамён: «Меч», «Роза», «Копье», «Фиалка», «Лилия», «Морской Мост», «Олень», «Императорский Лев», «Луна». Флоренция в XIII веке имела 20 гонфалонов, позже их число сократилось до 16. Эта сложная структура позволяла не только быстро мобилизовать ополчение, но и легко определить его численность и состав по числу развёрнутых знамён.

К городской милиции добавлялось ополчение из сельской округи — контадо (*contado*). По мере того как города распространяли, через процесс известный как комитатинанца (*comitatinanza*), свою власть на окружающие территории, они требовали военной службы и от сельских жителей, как от свободных крестьян, так и от мелких феодалов, ставших вассалами коммуны. Во Флоренции, например, существовало 96 сельских округов (*pivieri*), каждый из которых был обязан выставлять своих воинов. Этот сельский контингент, часто составлявший значительную часть армии, в основном пополнял ряды пехоты.

Хотя основу коммунального ополчения составляла пехота, роль кавалерии в ней не следует недооценивать. Содержать боевого коня и рыцарское вооружение могли лишь состоятельные граждане (*popolo grasso*) и знать (*nobili*). В периоды господства *populares* (представителей богатых недворянских родов и буржуазии) знать часто исключалась из народного ополчения как политически неблагонадёжный элемент, но даже тогда она была обязана выставлять конные отряды (*cavallate*) за свой счёт. Именно из этих категорий граждан формировалась городская кавалерия. Знаменитая победа при Леньяно часто представляется как триумф пехоты над рыцарством, но армия Ломбардской лиги имела в своём составе не менее 4000 всадников, без поддержки которых пехота вряд ли выдержала бы натиск германской тяжёлой кавалерии. Флорентийская армия, потерпевшая поражение при МонтAPERти в 1260 году, насчитывала около 1400 коммунальных всадников против примерно 6000 пехотинцев-горожан и 8000 пехотинцев из контадо.

Сердцем коммунального войска был *карроччо* (итал. *carroccio* или *Carrocc* на ломбардском) — тяжёлая четырёхколёсная повозка, запряжённая белыми волами, с городским знаменем и распятием. Карроччо, имеющая ломбардское происхождение, первоначально

использовалась ариманнами⁷ в качестве боевой колесницы. Со временем её функция стала символической, но её продолжали использовать во время военных кампаний и обороны. Во время марша или остановки, карроччо использовалась как помост для осуществления религиозных служб, озвучивания приказов командующего, а также осуществления военно-полевых судов.

Потеря карроччо в бою считалась величайшим позором, сравнимым с потерей королём своего личного штандарта. Её охранял отборный отряд храбрецов, как, например, миланская «Рота Смерти» (*Società della Morte*), поклявшаяся умереть, но не отступить. В Пизе карроччо сопровождали 1500 юношей, вооружённых с головы до ног. Карроччо выезжало из города лишь по особому постановлению высшего совета коммуны (*Consiglio Generale* или *di Credenza*) и его выезд сопровождался звуками труб и молитвами священников. На повозке устанавливали колокол — *martinella* (как во Флоренции) или *nola* (как в Пизе), чей звон служил сигналом к бою, сбору войск или поднятию боевого духа. Карроччо воплощало саму коммуну, её свободу, единство и божественное покровительство.

Карроччо стала главной героиней битвы при Леньяно 29 мая 1176 года, во время которой её, согласно легенде, в своей последней схватке защищала «рота смерти», возглавляемая, опять же согласно популярной традиции, Альберто да Джуссано⁸, вымышленный герой, который на самом деле появилось только в литературных произведениях следующего столетия. Опять же по легенде, во время боя три голубя, вылетели из гробниц святых Сизиннио, Мартирио и Алессандро в базилике Сан-Симпличиано в Милане, приземлились на карроччо, взятое миланцами на поле боя, в результате чего император Священной римской империи Фридрих Барбаросса бежал, увидев приближающееся подкрепление во главе Гуидо да Ландриано.

Захват карроччо врагами почти всегда имело политическое значение. Карроччо Ломбардской лиги был захвачен внуком Барбароссы императором Фридрихом II в 1237 году во время битвы при Кортенуове, подарен папе Григорию IX⁹. Справедливости ради Ломбардская лига потеряла карроччо из-за распутицы, что не позволило муниципальной милиции вовремя добраться до неё и защитить. Но это, скорее, исключение. В большинстве случаев, карроччо захватывалось в ходе яростного боя, исход которого, практически всегда входил в историю. Так, в 1275 году карроччо гвельфской Болоньи была захвачена в битве при Сан-Прокколо и с триумфом доставлена гибеллинами в Форли. В середине XIII века карроччо Кремоны был захвачен в бою муниципальными ополченцами Пармы. 22 сентября 1325 года войска Каструччо Кастракани в битве при Альтопашо захватили карроччо Флоренции. 11 марта 1387 года карроччо Вероны была захвачена кондотьером Джоном Хоквудом в знаменитой битве при Кастаньяро.

Боевой дух коммунального ополчения подпитывался не только религиозным рвением и символизмом карроччо, но и сильным чувством местного патриотизма, известным как *campanilismo* (буквально «колокольный патриотизм», привязанность к своей колокольне, родному городу или региону, часто в ущерб более широкой национальной или, позже, международной перспективе). Гордость за свой родной город, его историю, богатство и независимость была мощнейшим мотиватором для граждан-ополченцев. Война считалась гражданским долгом, и участие в ней — почётным правом. В мирное время проводились регулярные учения:

⁷ Термин ариман (на лангобардском *arī-mann*) происходит от германского *Heer* — армия и *Mann* — человек. В лангобардском контексте это слово означало каждого свободного взрослого мужчину, способного носить оружие, поэтому допущенного к участию в общественном собрании (*gairethin*), тем самым делая военного достоинство и гражданское достоинство тождественными.

⁸ Фактическим военачальником Ломбардской лиги в этом знаменитом военном столкновении с Фридрихом Барбароссой был Гуидо да Ландриано.

⁹ Фридрих II сделал этот подарок Папе вовсе не в знак уважения или признательности, а чтобы унижить и показать, кто хозяин на Апеннингах. Период недолгого мира с Папой скоро закончится.

граждане упражнялись в беге, владении оружием — копьём, арбалетом, мечом, метали особый дротик с удлинённым стальным наконечником, часто с зазубринами и короткой деревянной основой — *Virga Sardisca* или *Sardinian Bacchetta*. Каждое подразделение имело свою эмблему (*insegna*) и знамя (*cappella*), что облегчало управление и позволяло легко определить численность войска.

Смотры боеготовности проводил капитан народа (*Capitano del Popolo*), который зачастую являлся верховным главнокомандующим милиции и отвечал за её оснащение. Штаб-квартиры городских отрядов — *ридоммо* (*ridotto*) — служили одновременно и арсеналами, где хранилось оружие (мечи, копья, арбалеты, щиты, топоры), лестницы для штурма, фонари и другое необходимое снаряжение. В Сиене, например, каждый командир контрады был обязан держать в своём ридотто десять топоров, десять арбалетов, десять щитов и прочее вооружение. Готовность к войне была повседневной реальностью.

Первые трещины (конец XIII — начало XIV вв.)

Несмотря на успехи и сложную организацию, система коммунальной милиции, достигнув своего пика в XIII веке, уже к его исходу начала обнаруживать признаки уязвимости. Эти первые трещины, едва заметные на фоне продолжавшихся побед и сохранявшегося патриотического духа, постепенно расширялись под влиянием ряда факторов — военно-технических, политических и социальных. Именно они подготовили почву для более радикальных изменений в военном деле Италии следующего столетия.

Одним из ключевых факторов стали изменения в самой природе войны, связанные с развитием вооружения и тактики. Широкое распространение арбалета с середины XII века, как уже упоминалось, дало пехоте значительную огневую мощь и возможность эффективно противостоять рыцарской кавалерии. Однако это же оружие требовало длительного обучения и специализации. Искусный арбалетчик становился профессионалом, чьи навыки ценились высоко. Одновременно росла и уязвимость традиционно вооружённых воинов. В Италии ответом на новую угрозу стало дальнейшее разделение пехоты: появились павезарии, главной задачей которых было прикрытие арбалетчиков и копейщиков своими щитами, и копейщики (*lanzatori* или *picchieri*), чьи длинные копья предназначались для отражения кавалерийских атак. Тяжёлая кавалерия, в свою очередь, была вынуждена реагировать на возросшую мощь пехотных стрелков. Кожаные и кольчужные доспехи постепенно заменялись более надёжной, но и более тяжёлой и дорогой пластинчатой броней (*piastre*). Возникла необходимость в защите коней, что привело к появлению конского доспеха. Все это делало снаряжение кавалериста значительно более дорогим и обременительным. Тяжесть доспехов быстрее утомляла коней в бою, поэтому кавалеристу требовались запасные лошади, а также помощники — пажи или оруженосцы — для ухода за ними, поддержания доспехов в порядке и оказания помощи в бою. Из этих потребностей начала формироваться тактическая единица, ставшая характерной для позднесредневековой кавалерии, как я писал ранее, «копьё». Хотя в Италии конца XIII века «копьё» ещё не достигло той сложной структуры, как во Франции, тенденция к усложнению и специализации была очевидной.

Эти военно-технические изменения объективно вели к профессионализации военного дела. Полный доспех был атрибутом профессионального воина, а не феодала-любителя или горожанина-ополченца. Обучение владению новым оружием, будь то арбалет или тяжёлое рыцарское копье, требовало постоянной практики. Эффективное взаимодействие различных родов войск на поле боя, особенно в сложных тактических построениях, как при Кампальдино, нуждалось в слаженности и дисциплине, достижимых скорее в постоянном, профессиональном войске, нежели в спешно собранном ополчении. Таким образом, логика сама подталкивала к найму специалистов, способных эффективно использовать новое оружие и действовать в рамках сложных тактических схем.

Наряду с внутренней эволюцией военного дела, важным фактором стало постепенное проникновение наёмников в структуру коммунальных армий. Вопреки устоявшемуся мнению, наёмники не появились в Италии лишь в XIV веке как признак упадка республиканского духа. Они присутствовали в итальянских войсках задолго до этого. Ещё в XII веке Фьезоле в Тоскане нанимало солдат для войны с Флоренцией. В 1220-х годах Генуя и Сиена, экономически более развитые на тот момент, чем Флоренция, уже активно использовали наёмные отряды. К середине XIII века наёмники стали обычной частью флорентийской армии: в битве при Монтаперти 4 сентября 1260 года в её составе было 200 наёмных всадников. Изначально это были, как правило, солдаты из соседних регионов, особенно из Эмилии и Романьи, нанимавшиеся индивидуально или небольшими группами на короткий срок (обычно 3 месяца). Они отличались от коммунальных войск. Однако постепенно география найма расширялась: в Италии появлялись немецкие, французские, а к 1277 году — даже английские наёмники на флорентийской службе.

Изначально наёмников нанимали поодиночке или мелкими группами, редко превышавшими 25 человек. Но логика военного дела и удобство для нанимателей вели к тому, что наёмники стали объединяться в более крупные отряды под командованием признанных лидеров. С образованием лиг городов, взявших на себя обязательства по выставлению контингентов для совместных действий, использование наёмников стало ещё более распространённым. Для защиты интересов лиги или для выполнения союзнических обязательств было проще и эффективнее использовать постоянные наёмные отряды, чем созывать собственное ополчение. Так, к концу XIII века флорентийские капитаны наёмников, такие как граф Амори Нарбоннский, командовавший при Кампальдино, уже приводили с собой значительные личные отряды (у Амори было от 100 до 200 анжуйских всадников). Каталонец Диего делла Ратта, нанятый Флоренцией в 1305 году, в течение восьми лет содержал постоянную компанию из 200—300 всадников и до 500 пехотинцев, ставшую ядром флорентийской армии и сил Тосканской лиги. Таким образом, ещё до начала XIV века в Италии сложилась практика найма не только отдельных солдат, но и целых рот под командованием опытных капитанов. Это был важный шаг к формированию системы кондотт.

Третьим фактором, расшатывавшим основы коммунальной милиции, стали непрекращающиеся внутренние конфликты. Борьба гвельфов и гибеллинов, знати и народа, соперничество могущественных семейных консортерий подрывали единство горожан и затрудняли сбор эффективного ополчения, особенно когда цели войны переставали быть чисто оборонительными. Глубокий фракционный раскол делал лояльность части ополченцев сомнительной. Более того, изгнание побеждённой партии стало обычным явлением в политической жизни итальянских городов. Изгнанники, лишённые имущества и гражданских прав, часто не имели иного выбора, кроме как посвятить себя военному ремеслу. Они охотно присоединялись к врагам своей родной коммуны, надеясь с их помощью вернуться и вернуть утраченное. летописи фиксируют массовые изгнания: 10000 человек из Кремоны в 1266 году, 12000 из Болоньи в 1274-м. Во время войны Флоренции против Каструччо Кастракани в начале XIV века 4000 флорентийских изгнанников сражались в армии Каструччо, надеясь добиться своего возвращения. Эти «сильные мужи, не имевшие иного состояния, кроме меча» не только ослабляли военный потенциал своих родных городов, но и создавали постоянную внешнюю угрозу, вынуждая коммуны искать защиты, в том числе и путём найма войск. Феномен *fuorusciti* стал одним из источников пополнения рядов профессиональных солдат и наёмников. Таким образом, к концу XIII — началу XIV века система коммунальной милиции, несмотря на сохранявшуюся силу традиции и патриотизма, столкнулась с серьёзными вызовами. Военно-технический прогресс требовал большей профессионализации. Политические конфликты и практика изгнаний подрывали единство граждан, но создавали кадры для наёмных армий. Появление постоянных наёмных отрядов при иностранных правителях и самих коммунах указывало на

новый путь развития военного дела. Эти первые трещины ещё не означали обрушения всей системы, но они явственно обозначили те направления, по которым пойдёт дальнейшая трансформация итальянской войны.

Социально-экономические трансформации и упадок милиции (XIV в.)

Италия XIII века стояла в центре коммерческой революции, переживая бурный экономический рост. Богатство городов, таких как Флоренция, Генуя, Венеция, Милан, стремительно росло, расширялись их торговые связи, развивались ремесла и банковское дело. Этот экономический подъём имел двойные последствия для военной системы. С одной стороны, он давал коммунальным финансы для найма профессиональных солдат, чьи услуги обходились дороже, чем содержание собственного ополчения, но сулили большую эффективность. С другой стороны, сами граждане, всё глубже вовлечённые в сложную и динамичную экономическую жизнь, всё менее охотно отрывались от своих дел ради длительных военных походов. Если защита городских стен или недельная экспедиция против мятежного контадо ещё могли вписываться в ритм жизни торговца или ремесленника, то многомесячные кампании, ставшие нормой в XIV веке, требовали слишком серьёзных жертв и финансовых потерь. Время для преуспевающего горожанина становилось всё более ценным ресурсом, и тратить его на тяготы военной службы, когда можно было заплатить кому-то другому за выполнение этой работы, казалось всё менее рациональным.

Граждане по-прежнему гордились своими коммунами, но практические соображения всё чаще брали верх. Поддержание боеспособности, особенно в кавалерии, требовало не только времени на тренировки, но и значительных расходов. Стоимость боевого коня, тяжёлых доспехов, оружия была весьма высока и доступна далеко не всем. В то время как пехотинец ещё мог обойтись относительно скромным снаряжением, служба в кавалерии становилась уделом всё более узкого круга богатейших граждан и нобилей. Неудивительно, что постепенно обязанность личной службы начала трансформироваться в денежную повинность. В XIV веке всё чаще личное участие заменялось уплатой специального налога, на который коммуна нанимала профессионалов. Ярким примером стала Флоренция, где к 1351 году налог на содержание конной милиции (составлявший внушительную сумму в 52000 флоринов в год¹⁰) полностью заменил личную службу в кавалерии. Это был закономерный результат: богатейшие горожане предпочитали платить, а не воевать, а коммуна получала возможность формировать более профессиональную и боеспособную (по крайней мере, в теории) конницу. Аналогичные процессы происходили и в других городах. Даже в Милане, некогда выставившем до 15000 пехоты и 3000 конницы, к моменту захвата власти Висконти в 1315 году число всадников-горожан сократилось до 60 — разительный контраст с былой мощью.

Упадок личного участия граждан в военном деле усугублялся и чисто военными соображениями. Коммунальная милиция, при всей её храбрости и патриотизме, всё же уступала в профессионализме опытным наёмникам. Привлекая современные аналогии, это была национальная сборная Монако по футболу, где на 60 человек приходится всего 5 обладающих профессиональным опытом. Гражданам-ополченцам не доставало систематической выучки, строгой дисциплины, опыта длительных кампаний, осадного искусства. Их сила была скорее в численности и решимости, чем в умении и тактической гибкости. Особенно это стало заметно в условиях усложнившейся войны XIV века, требовавшей большей тактической изощрённости, слаженного взаимодействия родов войск и способности вести затяжные операции вдали от родных стен. Итальянские ополченцы, привыкшие к обороне или коротким вылазкам, часто оказывались не готовы к реалиям полевой войны против таких же или более профессионально

¹⁰ Флорин или золотой флорин (*fiorino, fiorino d'oro*): чеканился во Флоренции с 1252 по 1533 годы, номинально чистое золото, вес 3,536 грамма.

подготовленных противников. Иностранные наёмники — немцы, французы, англичане, венгры, каталонцы — закалённые в бесконечных войнах за пределами Италии, обладали необходимым опытом, дисциплиной и тактическими навыками, которых не доставало коммунальным войскам. Их присутствие на итальянских полях сражений не только предлагало альтернативу местным силам, но и служило постоянным напоминанием о преимуществах профессионализма.

Сочетание всех этих факторов к середине XIV века привело к необратимому закату коммунальной милиции как основной военной силы итальянских городов-государств. Растущее богатство и деловая активность отвлекали горожан от военной службы. Стоимость вооружения делала личное участие всё более обременительным. Изменившийся характер войн требовал профессионализма и дисциплины, которыми ополчение не обладало в достаточной мере. Внутренние распри ослабляли единство. И самое главное — появилась доступная и, казалось, более эффективная альтернатива в виде наёмных солдат. Переход к оплате службы вместо личного участия стал повсеместным. Гражданский долг уступал место профессиональному ремеслу. Города всё чаще полагались на наёмные армии, содержащиеся за счёт растущих налогов. Эта трансформация, растянувшаяся на десятилетия, создала совершенно новую военную и политическую реальность в Италии, подготовив сцену для главных действующих лиц следующей эпохи — кондотьеров и их «свободных компаний».

Зарождение наёмных армий: от ополчения к контракту

Переход от системы коммунальной милиции к наёмной армии не был резким разрывом в военной традиции, а скорее постепенным процессом, растянувшимся на весь XIV век. Корни этого явления, как мы убедились, уходили ещё в XIII столетие, но именно в XIV веке наёмничество из вспомогательного элемента превратилось в основу военной мощи итальянских государств.

По мере того, как итальянские коммуны трансформировались в территориальные государства, расширяя свою власть над *контадо* и вступая в затяжные конфликты с соседями, менялись и требования к армии. Война перестала быть лишь эпизодической обороной городских стен; она превратилась в повседневную реальность, часто требующую агрессивных кампаний, осад крепостей, защиты протяжённых границ. В этих условиях спешно созданное и слабо обученное городское ополчение становилось всё менее эффективным. Требовались постоянные гарнизоны для удержания захваченных территорий и пограничных крепостей, нужны были специалисты для осадных и гидротехнических работ. Требовалась профессиональная кавалерия для стремительных рейдов и полевых сражений.

Именно в этой ситуации наёмники стали наиболее привлекательной альтернативой. Города нанимали их сначала как по-отдельности, так и небольшими отрядами, часто для специфических задач или на короткий срок. Флорентийские платёжные ведомости начала XIV века показывают сосуществование коммунальной кавалерии и пехоты с отрядами иностранных наёмников. В армии, осаждавшей Пистойю в 1302 году, из 1000 всадников примерно половина была флорентийцами, а из более чем 6000 пехотинцев лишь 1000 были иностранными наёмниками, остальное — милиция. Венеция в войне за Феррару (1308—1313) также в значительной мере полагалась на собственных граждан, вынужденных служить по ротации, хотя это отчасти объяснялось папским интердиктом, отпугивавшим наёмников. Но уже к середине века ситуация кардинально изменилась. В 1359 году, когда флорентийский капитан Пандольфо Малатеста выступил против «Великой Компании», его армия в 4000 всадников состояла уже полностью из наёмников — итальянцев, немцев, венгров, нанятых как самой Флоренцией, так и её союзниками. Элемент милиции (кроме, возможно, вспомогательных отрядов) практически исчез из военного контингента армий.

Часто утверждалось, что переход к наёмным армиям был связан с установлением в итальянских городах новой системы управления — *синьорий*. Якобы, новые правители, *синьоры*, не доверяли вооружённым гражданам и предпочитали опираться на преданных им лично наёмных солдат. Например, восхождение правителя Вероны Кангранде I делла Скала (1291—1329) ознаменовало институционализацию оплачиваемых воинов — *soldaerii*. Из элитной гвардии на личной службе у доминуса или временной военной необходимости они превратились в постоянный компонент его армий. Именно на этих профессиональных солдат сделал решительную ставку Скалигер, выстраивая свою репутацию «воинственного и завоевательного гения»¹¹. Этот правитель и полководец одним из первых интуитивно осознал потенциал «солдат удачи» и ускорил процесс их интеграции в военную структуру защиты итальянских коммун. Если на начальном этапе наем ограничивался отдельными воинами или командирами, и их небольшими группами, то вскоре он перешёл к всё более многочисленным контингентам, предвосхищая неизбежное формирование крупных наёмных отрядов. Верона стала притягательным центром для множества искателей удачи со всей Европы, жаждавших послужить под его знаменами. Документы сохранили имена многочисленных иноземцев, прежде всего немцев, а также выходцев из Бургундии, Гаскони, Прованса и, конечно, Каталонии. Хронисты того времени вынесли им суровый приговор, утверждая, что «ярость тевтонцев» (*teutonicorum furor*) стал дурным примером и в конечном счёте способствовал упадку нравов. Это суждение приобрело пророческий характер, когда вскоре к ненадёжным, чрезмерно жестоким и алчным чужеземцам присоединились местные авантюристы, среди которых выделялись тосканец Угуччоне делла Фаджиола и ломбардец Лодризио Висконти, обозначив тем самым наметившуюся тенденцию вытеснения иностранных наёмников, исключительно представителями итальянской земли, хотя, пока, и не до конца.

Аналогично, в олигархических республиках, таких как Флоренция, правящая верхушка будто бы опасалась вооружать собственных работников и ремесленников. Однако эти аргументы представляются упрощёнными. Наёмники, как мы видели, активно использовались и до массового установления *синьорий*. Более того, власть большинства *синьоров* основывалась не столько на грубой силе, сколько на согласии и поддержке определённых фракций внутри города. *Синьоры* часто были лидерами этих фракций, и именно фракционная борьба, а не единоличная тирания, подрывала боеспособность ополчения.

Огромную роль играла сама доступность наёмников. Италия XIV века стала магнитом для военных авантюристов со всей Европы. Периодические вторжения имперских, анжуйских, венгерских армий оставляли после себя шлейф из солдат, искавших нового контракта. Позже, после Бретинского договора 8 мая 1360 года, ратифицированного как Калейский договор 24 октября того же года между Англией и Францией, тысячи наёмников, нанятых для ведения войны, остались без жалованья и превратились в «вольные роты», терроризировавшие французскую провинцию. Эти отряды (называемые *routes* или *routiers*) состояли главным образом из конных воинов, включая тяжеловооружённых латников и конных лучников. Крупнейшие компании в районе Оверни в 1363 году насчитывали до 2000 копий латников и 1000 конных пехотинцев. Некоторые из них устремились в богатую и раздираемую конфликтами Италию в поисках добычи и нанимателя. Экономический спад и безработица, особенно в Германии, делали итальянские контракты и возможность грабежа особенно привлекательными. Немцы составляли значительную часть иностранных наёмников в Италии XIV века.

Постепенно менялся и сам способ найма. От индивидуальных контрактов и найма мелких групп города переходили к найму целых организованных отрядов под командованием известных капитанов. Это было удобнее и для нанимателя, и для самих наёмников, так как отряд, сражавшийся вместе под привычным командованием, был более боеспособен. возникнове-

¹¹ Итал. *genio belligerante e conquistatore*.

ние кондотты — формального контракта между государством и капитаном стало логическим завершением этого процесса. Изначально кондотта не была чисто военным термином и обозначала любой контракт на выполнение общественных работ или услуг. Но именно в военном контексте она приобрела своё специфическое значение и наполнение.

ГЛАВА 3. ОТ АНАРХИИ СВОБОДНЫХ КОМПАНИЙ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ КОНДОТЬЕРСТВУ

Между упадком коммунальной милиции и расцветом организованного кондотьерства лежала мрачная эпоха, которую современники вспоминали с ужасом, — время свободных компаний. С 1320-х по 1360-е годы Италия стала ареной разбоя, вымогательства и насилия, творимых автономными военными бандами, не связанными долгосрочной службой какому-либо государству. Эти компании представляли собой переходную форму между хаотичным наёмничеством и профессиональным кондотьерством. Их капитаны ещё не были уважаемыми военачальниками, служившими по детальным контрактам, получавшими земли и титулы от благодарных нанимателей. Они были скорее военными предпринимателями-грабителями, для которых Италия стала источником лёгкой наживы, а война — способом обогащения через террор.

Феномен свободных компаний: война как грабёж

Появление свободных компаний было прямым следствием провалившихся имперских экспедиций в Италию. Когда император Генрих VII Люксембургский в 1310—1313 годах попытался восстановить власть Священной Римской империи над Апеннинским полуостровом, он привёл с собой тысячи профессиональных солдат из Германии, Богемии, Франконии. После его внезапной смерти в 1313 году в Буонконvento близ Сиены (по официальной версии от малярии, хотя ходили слухи об отравлении) его армия оказалась без господина, без жалования и без цели. Эти воины не собирались возвращаться в нищую, раздробленную Германию, когда богатая Италия лежала перед ними беззащитная. Они знали, что итальянские города отказались от собственных ополчений, что их граждане богаты, изнежены, неспособны к сопротивлению, готовы платить любые деньги, лишь бы избежать насилия. Немецкие, венгерские, франко-провансальские рыцари и пехотинцы начали объединяться в отряды под командованием избранных капитанов, предлагая свои услуги городам или просто грабя сельскую местность. Последующие экспедиции Людвига IV Баварского (1327—1330), а также его региональных наместников из числа наиболее приближённых к дому Вилинбахов, лишь усилили этот процесс, выбрасывая в Италию всё новые волны безработных профессиональных солдат. К концу 1330-х годов по полуострову бродили десятки компаний, численностью от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Они называли себя по-разному: по имени капитана, по геральдическому символу, по месту формирования.

Организация свободных компаний была относительно примитивной, но достаточно эффективной для их целей. Компания представляла собой товарищество воинов, связанных общей клятвой и разделявших риски и добычу. Во главе стоял капитан (*capitano* или *capitano generale*), избираемый на собрании членов компании или навязывавший свою власть силой и авторитетом. Под его командованием находились младшие офицеры констебли (*conestabili*), командовавшие отрядами по 50—100 человек. В компании также действовал казначей (*tesoriere*), ведавший финансами, и даже своего рода судья (*giudice*), разрешавший споры внутри компании согласно выработанным обычаям.

Эти компании не служили одному нанимателю долго. Типичный контракт заключался на два-три месяца, иногда на полгода. Завершив службу или даже не дожидаясь окончания срока, если появлялось более выгодное предложение, компания переходила к другому нанимателю или вообще отказывалась от службы, переходя к грабежу. Главным источником дохода было не жалование от городов, а откупные, выкупы, которые компании вымогали у беззащитных городов и местечек под угрозой разграбления. Компания подходила к небольшому городу, требовала выплатить определённую сумму в течение нескольких дней. Если деньги не поступали,

город штурмовали и отдавали на разграбление. Если платили — компания уходила, чтобы через несколько месяцев повторить ту же процедуру где-нибудь в другом месте. Для итальянцев это была новая и ужасающая реальность. Феодалные конфликты прошлых веков, сколь бы жестоки они ни были, всё же имели какие-то правила, преследовали политические цели — расширение владений, династические притязания, борьбу за власть. Свободные компании не стремились ни к чему, кроме обогащения. Они были равнодушны к политике, религии, традиционным союзам. Сегодня они могли служить Флоренции против Пизы, завтра — Пизе против Флоренции, послезавтра — грабить обе. Их преданность измерялась исключительно деньгами, и даже деньги не гарантировали верности.

Масштабы разорения были чудовищными. Целые районы Романьи, Тосканы, Умбрии, земли, принадлежащие Святому престолу, превращались в пустыни. Крестьяне, ограбленные многократно, бросали поля и бежали в укрепленные города. Торговля замирала, так как дороги кишели разбойниками. Мелкие синьоры, не способные защитить свои владения, теряли их или сами нанимали компании, пополняя ряды грабителей. Папа, находившийся в Авиньоне, был бессилен навести порядок в своих итальянских владениях. Города, запертые за стенами, платили огромные суммы, истощая свои казны, но не находя спасения.

Вернер фон Урслинген: «враг Бога, милосердия и сострадания»

Около 1308 года в Швабии, на исконных землях древнего рода Урслингенов, появился на свет младенец, которому суждено было стать одним из самых мрачных символов эпохи Великих компаний. Вернер — второй из трёх сыновей Конрада II, герцога Урслингена, и неизвестной знатной дамы из династии Циммерн — принадлежал к той самой семье, чьи представители в минувшие века были связаны узами верности с королевским домом Гогенштауфенов и некогда носили титул герцогов Сполето. История рода уходила корнями в славное прошлое германо-итальянских связей, когда императорская корона объединяла земли по обе стороны Альп, но к началу XIV века эти связи истончились до призрачных воспоминаний, а швабское дворянство видело в Италии уже не объект императорской экспансии, а возможность наживы в бесконечных войнах итальянских государств.

В 1328 году судьба привела Вернера в Италию в составе многочисленного воинства германских наёмников, которое сопровождало императора Людовика IV Баварского в его итальянской авантюре. Это вторжение открыло новую страницу в истории итальянского кондотьерства, впервые обрушив на полуостров такой поток германских и швейцарских воинов, готовых продавать свои мечи любому, кто предложит достойную цену. Именно в те годы была основана «Компания Черульо» (*Compagnia del Ceruglio*), получившая название по крепости близ Лукки, которая стала первым военным трофеем отряда. Обеспокоенный присутствием в регионе неподконтрольной силы — около 800 немецких всадников, дезертировавших из его армии под Пизой и угрожавших Лукке, — Людвиг направил для переговоров Марко Висконти по прозвищу Балатроне¹², родного брата миланского правителя Галеаццо. Однако по прибытии в Черульо Марко был избран предводителем компании. Под его командованием наёмники в 1329 году захватили Лукку у Франческо Кастракани, двоюродного брата одного из величайших лидеров гибеллинов Каструччо Кастракани дельи Антельминелли, который был изгнан из города. Город перешёл во владение Висконти, а его окрестности подверглись разорению и грабежам с многочисленными жертвами среди мирного населения. В Камайоре в ходе резни погибли 400 человек. Именно, в этой компании молодой Вернер впервые заявил о себе, получив прозвище герцога Гварньери, символизировавшее ту новую породу кондотьеров-инозем-

¹² Прозвище «Балатроне» происходит от латинского слова «balatro», которое означает «шут», «паяц», «насмешник», «бездельник» и «пустослов». Хотя точное происхождение прозвища Марко остается неясным, оно, вероятно, отражало его восприятие в обществе как человека с юмором или легкомысленным поведением, что контрастирует с его военной репутацией. Ещё одним прозвищем Марко было «Тардона» или «да Тортон», что указывает на связь с городом Тортоной, которым он владел.

цев, которые приносили в Италию не только свирепость германских военных обычаев, но и претензии на особое положение в иерархии наёмного воинства.

Когда «Компания Черульо», опустошив Тоскану, распалась, её бойцы перешли в «Компанию Голубки» (*Compagnia della Colomba*). Она служила Флоренции и Венеции против Мастино II дела Скала, после чего часть её состава влилась в «Компанию Святого Георгия» (*Compagnia di San Giorgio*) под началом Лодризио Висконти, мятежного родственника миланских правителей, выступившего против власти двоюродного брата Галеаццо и племянника Аццоне, а также сыгравшего роль в падении другого двоюродного брата — Марко. Последний был задушен Аццоне 15 августа 1329 года и демонстративно выброшен из окна дворца Висконти в качестве отложенной мести за донос Людвигу Баварскому, приведший к заключению Аццоне и его родственников в «Печи», мрачную тюрьму в замке Монцы, построенной, по горькой иронии, Галеаццо для своих собственных врагов.

После полного разгрома компании под Парабьяго зимой 1339 года, в которой он командовал одним из подразделений немецких наёмников, Урслинген вместе с другими уцелевшими воинами перешёл на службу к Пизе в её войне против Флоренции за Лукку, но когда конфликт завершился и пизанцы, истощённые материально, распустили наёмников, швабский рыцарь выбрал третий путь: основал то формирование, которое вошло в историю под именем «Великой компании» (*Grande Compagnia*), известная также как «Компания Короны» (*Compagnia della Corona*) — новый тип военной организации, мыслившейся как постоянное предприятие, существующее независимо от конкретных контрактов, армию без государя, войско без знамени, силу, подчинявшуюся только воле своих капитанов и жажде наживы. Хотя на доминирование в ней немцев указывает её третье название «*Compagnia dei Tedeschi*», т.е. «Немецкая компания», фон Урслинген не был единственным её основателем. Среди основателей были и итальянцы — болонцы Этторе да Паниго и Муццарелло да Куццано. Компания насчитывала, по разным оценкам, от трёх до четырёх тысяч немецких улан и несколько тысяч пехотинцев. Костяк компании составляли немецкие и венгерские рыцари, прославившиеся своей жестокостью и алчностью. Они были превосходно вооружены, дисциплинированы, опытны в боях — настоящие профессионалы, для которых война давно стала ремеслом.

Урслинген превратил военное дело в откровенный грабёж, методично опустошая Тоскану и Умбрию, атакуя территории Флоренции, Сиены и Перуджи в хорошо организованной кампании террора, целью которых было вынудить города платить отступные за избавление от разорения. Именно в эти годы родился тот девиз, который навсегда связал имя Вернера с образом абсолютного зла: на серебряной пластине, прикреплённой к его кирасе, красовалась надпись «*Duca Guarnieri, signore della gran compagnia, nimico di Dio, di pietà e di misericordia*» — «Герцог Гварнери, синьор Великой компании, враг Бога, милосердия и сострадания», декларация, превращавшая его в воплощение ужаса, в живую угрозу, перед которой дрожали целые города.

В начале 1343 года Таддео Пеполи, синьор Болоньи, заключил с Урслингеном соглашение, по которому «Великая компания» поступала на службу коалиции городов — Болоньи, Феррары, Вероны, Имолы, Фаэнцы, Равенны и Римини — в обмен на огромные суммы, причём особый пункт договора обязывал компанию не наносить ущерба территориям, где она располагалась, и для обеспечения исполнения этого условия даже лошади наёмников были заклеены специальными метками. Попытка приручить чудовище провалилась: несмотря на все договорённости, войска Урслингена продолжали творить насилие на территориях Модены и Реджиано, в марте выступили против Мантуи, а затем Падуи, где Убертино да Каррара сумел остановить их наступление. Но уже в апреле 1343 года маркиз Феррары, решив избавиться от опасных постояльцев, провёл их к реке По, где «Великая компания» была разделена: десять отрядов направились в Тоскану через Фриньяно, где понесли тяжёлые потери, восемь двинулись на Карпи, а остальные переправились через По и вернулись в Германию. Сам Урслинген

был захвачен в плен в Ферраре. Освобождение обошлось ему в солидный выкуп, и, получив свободу, он отправился домой через Фриульские Альпы, где его наёмники в последний раз «отметились» грабежами и насилием над местным населением.

Ноябрь 1347 года привёл Вернера обратно в Италию на службу венгерскому королю Людовику I в его войне против неаполитанской королевы Джованны I Анжуйской, обвинённой в убийстве мужа Андрея Венгерского. Во главе 1500 барбутов швабский кондотьер столкнулся с войсками принца Людовика Тарентского в восьмидесятидневной битве, защитил Л'Акуилу и развил успех настолько, что дошёл почти до столицы, вынудив принца и королеву бежать в Прованс. Но в январе 1348 года Ульрих фон Вольфарт обвинил Урслингена в измене и тайном сговоре с королевой Джованной, швабский кондотьер был арестован и изгнан венгерским королём вместе со всей своей компанией. Вскоре Урслинген перешёл на службу к Никколо Каэтани, графу Фонди, собрал в Террачине новое войско из 3000 всадников и по приказу графа обрушился на территории римской Кампании, при этом Ананьи, виновная в убийстве двенадцати послов графа, была сожжена, а её население истреблено. Столкнувшись со свирепостью и крайней жестокостью наемников и её лидера, города Флоренция, Сиена, Перуджа и Ареццо объединили силы и создали армию из 3000 рыцарей под командованием Аламанно дельи Обицци. Компания понесла тяжёлые потери, как в боях, так и от чумы, после чего Урслинген в апреле 1348 года перешёл на службу к Святому престолу, для которого завоевал несколько городов. Однако в августе того же года королева Джованна и её супруг, заключив соглашение в Авиньоне с папой Климентом VI, наняли Урслингена, и 1500 его барбутов. Это позволило Вернеру вернуться в Неаполь в совершенно другом статусе. Здесь во время празднеств он посвятил в рыцари Людовика Тарентского. Это был момент триумфа швабского кондотьера, ещё недавно названного предателем и изгнанного, теперь стоявшего в центре церемонии, даруя рыцарское звание принцу королевской крови. Триумф, впрочем, оказался недолгим. В сентябре Урслинген, отправленный на штурм крепости Лучера в Апулии, потерпел поражение от войск Конрада фон Вольфарта, известного под италианизированным именем Коррадо Лупо, а затем при отступлении попал в засаду. Израненная и поредевшая компания Вернера была направлена для охраны Корнето, который был разрушен войсками Вольфарта и Стефена (Иштвана) I Лакфи, воеводы Трансильвании, и где Урслинген попал в плен и перешёл на жалование к воеводе.

В 1349 году отряды Лакфи, состоявшие преимущественно из венгерских и немецких всадников, опустошили Принципат Цитра и Терру ди Лаворо в Неаполитанском королевстве, совершая грабежи, разбой, насилие и убийства беззащитного населения, после чего двинулись на Неаполь. Когда в январе 1350 года у воеводы закончились деньги для оплаты наёмников, Урслинген вместе с Конрадом фон Вольфартом и графом Конрадом фон Ландау составили заговор с целью убить его. Воевода со своими венгерскими солдатами бежал и укрылся в Манфредонии. От гибели воеводу спасло вмешательство папы, направившего в качестве посла кардинала Аннибальдо Каэтани, который передал трём капитанам 130000 флоринов, вынудив их оставить Аверсу, Капую и другие занятые города. Урслинген с Вольфартом и Ландау разделил добычу, оценивавшуюся примерно в 500000 флоринов, после чего вместе с 500 всадниками направился в Романию. Там в мае его наняли Джованни Манфреды, синьор Фаэнцы и Франческо Орделаффи, синьор Форли, воевавшие против папского ректора Романии Асторджо ди Дурафорте. Несколькими месяцами позже Урслинген поступил на службу к Джакомо Пеполи. Продолжая действовать против папских легатов, он захватил Болонью и подверг её полному разграблению. Когда Пеполи продал Болонью Висконти, Урслинген с 1200 всадников покинул город и вновь перешёл на жалование к Папскому государству. Болонья вновь была осаждена его войсками, но в этот раз неудачно, так как он был остановлен силами Галеаццо II Висконти. В 1351 году завершилась и эта страница его жизни. Святой престол не в состоянии платить компании фон Урслингена, отказался от его услуг. Более не получая жалования, люди Вернера

познали период бездействия и нищеты. В марте того же года он перешёл на службу к Мастино II делла Скала и Висконти, но, вероятно, одно из наиболее важных решений в его жизни уже было принято, и он вернулся в родную Швабию, где 5 февраля 1354 года скончался, передав командование «Великой компанией» фра Мориале.

Фра Мориале: госпитальер-разбойник

На заре своей карьеры Жан Монреаль дю Бар, родившийся в Ле-Бар-сюр-Лу близ Грасса и приходившийся племянником госпитальеру Изнару дю Бару, приору Капуи и командору Эксан-Прованса, последовал примеру своего дяди и вступил в орден Святого Иоанна Иерусалимского. Около 1345 года он оказался в Италии, где, после убийства Андрея Венгерского, примкнул к действиям венгерских войск короля Людовика I Великого в войне за неаполитанское наследство. Король назначил его приором Венгрии вопреки воле ордена, который в 1348 или 1349 году избрал на эту должность брата Бодуэна Корнуги, и фра Мориале, воспользовавшись ситуацией, похитил печать приора и присвоил многочисленные владения ордена, положив начало карьере, которая превратит его из рыцаря-госпитальера в одного из самых безжалостных кондотьеров эпохи.

В 1349 году, когда Вернер фон Урслинген вновь вернулся в Италию после изгнания из Неаполя и вновь собрал «Великую компанию», к нему присоединился и Жан Монреаль дю Бар, принеся с собой не только военный опыт венгерских кампаний, но и очевидный организаторский талант, который впоследствии позволит ему возглавить 7000 всадников, 1500 пехотинцев и целую армию из 2000 женщин и слуг, некоторые из которых участвовали в боях или добивали раненых после их ограбления. Под командованием Урслингена фра Мориале долгое время служил Папскому государству, совершенствуя ту систему управления наёмным войском, которая включала административные службы, юридический отдел с нотариусами для регистрации долгов и займов, юристами для оформления клятв верности, казначеем и бухгалтерами, распределявшими добычу и выкупы, — систему, превращавшую компанию из банды разбойников в подобие государства на колёсах.

В 1352 году Галеотто Малатеста осадил Мориале в Аверсе, где тот хранил своё огромное состояние, накопленное за многие годы грабежа и вымогательства. Вынужденный сдаться, кондотьер был отпущен живым только в обмен на всё своё богатство, что, однако, не остановило его — во время кампании в Марке в 1353 году бесчинства его компании достигли такого размаха, что епископ Камерино в проповеди сравнил его с Антихристом. После смерти фон Урслингена в 1354 году Мориале возглавил «Великую компанию», собрав германских, итальянских и провансальских наёмников. Ему помогали его двоюродный брат Бертран де Ла Мот, вместе с которым он сражался в Тоскане и Романье, мечтая создать собственное государство. Однако конец фра Мориале был неожиданным и бесславным. В 1354 году, оставив компанию в Читта-ди-Кастелло под командованием Конрада Ландау, он отправился в Рим с небольшим эскортом, чтобы помочь своим братьям Аннебальду и Бретону, таким же кондотьерам, как и он, конфликтовавшим с Кола ди Риенцо, которому они одолжили крупную сумму. Самопровозглашённый трибун римского народа, сын трактирщика и прачки Никола Габрини, известный как Кола ди Риенцо, пытавшийся воссоздать классическую Римскую республику и называвший себя «*Nicholaus, severus et clemens, libertatis, pacis justicieque tribunus, et sacrae Romanae Reipublicae liberator*»¹³, в попытке укрепить свою популярность и пополнить казну, арестовал фра Мориале и его братьев за оскорбления и угрозы в свой адрес. Так неожиданно наследник Урслингена, успешный командир огромной армии, державшей в страхе целые города — Сиена и Пиза платили ему 16000 флоринов, Флоренция 25000, Римини 50000, а за войну

¹³ «Николаус, суровый и благоразумный, трибун свободы, мира и справедливости, освободитель Священной Римской Республики».

против Флоренции он получил 150000, — был приговорён к смерти и обезглавлен на Капитолийской площади 29 августа 1354 года, завершив свой путь погребением в базилике Санта-Мария ин Арачели. Бесславная смерть ждала и Кола ди Риенцо, чей популистский республиканский эксперимент оказался исключительно неудачным. 8 октября 1354 года один из его капитанов, смещённый с должности, поднял голодный римский народ и повёл его на Капитолий, где Кола, покинутый всеми своими сторонниками, в последний раз попытался обратиться с речью к римлянам, но те ответили поджогом ворот его дворца. Трибун попытался спастись бегством, переодевшись нищим и даже изменив голос, однако был узан по золотым браслетам, которые не снял. Он был разоблачён и отведён в зал для суда, где воцарилось молчание, и никто не осмеливался прикоснуться к нему, пока какой-то простолюдин не схватил меч и ударил его в живот, после чего и остальные набросились на него, хотя Кола был уже мёртв. Его труп протащили до церкви Сан-Марчелло на Виа Лата, напротив домов влиятельной семьи Колонна, которого в начале своего правления Кола велел арестовать вместе с представителями другой семьи — Орсини. Там тело оставили висеть вниз головой два дня и одну ночь, а на третий день перетащили в Рипетту, к Мавзолею Августа — всё той же территории Колонна, — где сожгли, а пепел развеяли. Анонимный хронист цинично, но не без удовольствия прокомментировал: «Был толст, из-за великой тучности горел охотно»¹⁴.

Со смертью фра Мореале лидерство в «Великой компании» перешло к Конраду фон Ландау, который возглавлял её, с перерывами, до своей смерти от ран 22 апреля 1363 года. В этот период «Великая компания» имела почти непрерывное существование, временами объединяясь с другой крупной компанией, созданной ещё одним немецким предводителем — Ханнекином Бонгартеном (или Аннекином Баумгартеном). Характер компаний, однако, изменился. Они уже не были чисто разбойничьими формированиями, существующими за счёт грабежа, выкупов и отступных. Теперь это были постоянные военные силы, проводившие большую часть времени на службе у того или иного итальянского правителя. Конечно, они по-прежнему не упускали случая пограбить в периоды между контрактами или получить отступные от города, но их профессиональная военная роль становилась всё более очевидной.

Несмотря на свои размеры и опыт, «Великая компания» Ландау не была непобедимой. Дважды в эти годы она потерпела унижительное поражение от флорентийской армии. В июле 1358 года, когда компания двигалась на юг на помощь Сиене против Перуджи, Ландау договорился с Флоренцией о свободном проходе через её восточные территории в Апенниннах. Однако наёмники нарушили соглашение и начали грабить сельскую местность. Флорентийцы немедленно приняли меры. Смешанное войско из крестьянского ополчения, флорентийских арбалетчиков и наёмников заманило «Великую компанию» в узкую долину у Скалелле и разгромило её. Немецкая и венгерская кавалерия оказалась беспомощной под градом камней и арбалетных болтов, летевших со склонов. Большинство наёмников было убито или взято в плен.

Однако компания вскоре возродилась в Романье и, объединившись с отрядом Бонгартена, в следующем, 1359 году, попыталась отомстить Флоренции. На этот раз Ландау и Бонгартен попробовали атаковать с запада, в долине Арно, где равнинная местность давала больше преимуществ их кавалерии. Но там их ждал флорентийский капитан-генерал Пандольфо II Малатеста с сильной наёмной армией. В битве на *Кампо делье Моске* (*Campo delle Mosche*, что буквально в переводе «Поле Мух») «Великая компания» была вновь обращена в бегство. Тем не менее, время свободных компаний, хотя и подходила к своему зениту, ещё не закончилась. Их окончательный закат был связан с появлением на итальянской сцене новой, ещё более грозной силы — ветеранов Столетней войны.

¹⁴ Стар. итал. «Era grasso. Per la moita grassezza da sé ardeva volentieri»

Другие компании: хищники всех мастей

«Великая компания» была лишь самой крупной из многочисленных свободных компаний, бродивших по Италии в середине XIV века. Десятки других формирований, меньших по размеру, но не менее опасных, составляли целую экосистему военного бандитизма.

Первая «Компания Святого Георгия» (*Compagnia di San Giorgio*) была основана в 1339 году Лодризио Висконти, который, изгнанный из родного Милана, создал её в попытке свергнуть своих двоюродного брата Лукино и племянника Аццоне, присвоив себе титул синьора Сеприо. Компания самозваного властителя насчитывала более 7500 человек и состояла из ополчения, присланного Мастино II делла Скала, синьором Вероны, и Кальчино Торниелли, синьором Новары, а также из отрядов германских наёмников, таких как Конрад фон Ландау и Вернер фон Урслинген, швейцарцев из кантона Граубюнден.

В начале февраля 1339 года этот смертоносный, наспех собранный отряд наёмников пересёк реку Адидже и, движимый жадой грабежа, обрушился на Брешию, находящуюся под контролем Висконти. Там, не встречая серьёзного сопротивления, они захватили как сам город, так и стратегически важный замок Лонато, проявляя при этом невиданную жестокость, истребив там практически всех местных жителей. Согласно некоторым, источникам, они буквально порезали их на куски. Та же страшная участь постигла соседний монастырь Магуццано. Наёмники не щадили никого. 14 февраля они, продолжая свой опустошительный марш, пересекли реку Ольо, прошли через Бергамо и Адду, где у Ривольты, не встретив сильного сопротивления, обратили в бегство авангардные отряды армии Аццоне под командованием миланского капитана Пиналлы Алипранди¹⁵, тщетно пытавшегося с отрядом в 500 воинов преградить им путь через реку. После этого, не встретив сколько-нибудь серьёзного сопротивления, отряд Лодризио, уже превратившийся в неуправляемую лавину, направился напрямик на Монцу, главную цель грабежа, и, продолжая свой опустошительный марш, достиг Чернуско-суль-Навилю и Сесто-Сан-Джованни, стратегических пунктов на реке Ламбро, почти у стен Милана. Оттуда, вместо того чтобы двинуться дальше, он внезапно свернул на Сеприо. Здесь он пополнял свои тающие в набегах ряды новыми наёмниками и изгнанниками и пополнял запасы провизии и спрятал награбленную военную добычу. Затем он, словно играя в кошки-мышки с Миланом, вошёл в Леньяно и, наконец, окончательно остановился, разбив лагерь. Лагерь, который стал отправной точкой для новых набегов и разорений. Во время этой, на первый взгляд, неожиданной остановки, его отряды занимались привычным и доходным делом — безжалостным грабежом окрестностей Милана. Вероятно, Лодризио хотел измотать город, оказывая на него давление грабежом, и эта тактика в его представлении неизменно сохраняла свою эффективность. Его также могли остановить и ухудшившиеся погодные условия. Так или иначе, здесь Лодризио прибывал достаточно длительное время, что дало правителям Милана — Аццоне и его двоюродным братьям — возможность, хоть и с опозданием, собрать необходимые для защиты города силы. Город, узнав о приближении кровавой компании Лодризио, прибывал в крайней степени испуга и трепета. Панику усугубили тысячи беженцев, хлынувших в город из разоряемых наёмниками деревень и городков. Могущественный Аццоне, обездвиженный внезапным приступом подагры, болезни, от которой он позже и умрёт, поручает организацию обороны города своему дяде, опытному полководцу Лукино Висконти. 15 февраля 1339 года, пока 700 отборных всадников Лукино остались охранять стены самого города, обеспечивая

¹⁵ Пиналла Алипранди был миланским полководцем XIV века. Принадлежал к одной из самых знатных семей Монцы, но проживал в Милане, где начал военную карьеру в армии Аццоне Висконти. В апреле 1333 года привёл на выручку Ферраре 600 пехотинцев, осаждённой папским легатом Бертраном дю Пуже, и 14 числа того же месяца вместе с войсками из Вероны, Гонзага и Флоренции разбил папскую армию. В том же году он стал подестой Бергамо. В 1336 году, снова во главе армии Аццоне, разорял земли вокруг Пьяченцы и участвовал в её осаде, которая капитулировала. После смерти Аццоне, Пиналла был отстранён от должностей Лукино Висконти и в 1341 году стал участником заговора против него. Разоблачённый в заговоре, Пиналла вместе со своим братом Мартино был арестован, подвергнут пыткам и умёрён голодом.

порядок и безопасность, он сам, демонстрируя решительность, вывел навстречу врагу свою армию. Армия Милана была значительно усилена силами, стекающимися со всех владений Висконти и союзных городов: 800 отборных миланских всадников, 2000 опытных немецких наёмников под командованием Ринальдо ди Луриха, 300 савойцев, и от 600 до 900 феррарцев, посланных правителями Феррары, плюс неопределённое, но, вероятно, значительное число пехотинцев, которое в некоторых хрониках достигало внушительной, но невероятной цифры в 10000 человек.

Возможно, именно значительное численное превосходство в пехоте убедило Лукино, уже выдвинувшегося навстречу наёмникам, разделить свою огромную армию на две, независимые, колонны, хотя куда вероятнее, что он был вынужден сделать это из-за ограниченного пространства для размещения сразу всех сил, на марше и, ещё более вероятно, из-за внезапно резко ухудшившихся погодных условий. Вот как эти погодные условия, этот ад для передвижения армии, описывает анонимный источник, переживший события: «Время было самое что ни на есть зимнее, и снега было настолько много, что он не позволял вести сколь-нибудь организованное, планомерное сражение. Люди в армии погружались по колено в снег. Грязь была великая, мешающая каждому шагу. Оружие и знаки отличия — главное, что позволяло различать своих и чужих в пылу боя — были все испачканы ею». Разбить огромный лагерь на открытой местности в таких условиях было равносильно верной, мучительной смерти от переохлаждения и болезней. Поэтому основные силы армии Висконти разместились, разбившись на части, в близлежащих деревнях, ни одна из которых, увы, не была достаточно вместительной, чтобы принять сразу всё огромное войско. Одна колонна армии Лукино, состоящая примерно из 800 всадников и 3000 пехотинцев, расквартировалась у Парабьяго. Этим отрядом командовал Джованни даль Фьески, который приходился зятем Лукино и племянником Джованни Висконти, брату Лукино — ещё одна деталь, демонстрирующая тесные связи и переплетение судеб внутри этого клана. В то время как основная часть, куда более многочисленная, армии под личным началом Лукино Висконти разбила лагерь дальше, в Нервьяно.

Разделение сил противника в такие, тяжёлые для передвижения условия, было встречено Лодризио с едва сдерживаемым, почти детским ликованием. Теперь, когда силы врага оказались разделены и ослаблены логистически, следовало максимально использовать это преимущество. Он, как искусный военачальник, моментально нашёл подходящую, эффективную тактику: атаковать обе разделённые, изолированные группировки по отдельности, используя при этом все имеющиеся у него силы. На тот момент под его началом действовали фигуры, которым предстояло оставить заметный след в истории итальянского наёмничества: упомянутый Вернер фон Урслинген, Конрад Виртингер фон Ландау, граф Ландо и Райнхольд фон Гивер по прозвищу Малерба, т.е. «сорняк». Лодризио, не тратя времени, решает, что первой жертвой, призванной ослабить и деморализовать силы Милана, станет отряд в Парабьяго. Действовать надо было быстро и решительно. Невзирая на погодные условия, он атаковал отряд Парабьяго внезапно, ночью с 19 на 20 февраля, ближе к рассвету, когда враги ещё спали, кутаясь в походные одеяла, пытаясь согреться и борясь с беспощадным холодом и снегом. Лодризио расположил своих людей тремя отдельными линиями, чтобы полностью, со всех трех сторон, окружить спящий, ничего не подозревающий, лагерь, а затем безжалостно начать бойню. Миланцы, застигнутые врасплох, едва успели схватиться за оружие: 300 всадников, не имевших возможности маневрировать, и подавляющее большинство пехоты в количестве не менее тысячи человек погибло на месте. Среди павших был и командующий отрядом Джованни даль Фьески. Остальных, в полном соответствии с правилами военного времени, взяли в плен.

Окрылённый невероятной, молниеносной лёгкостью, с которой ему удалось практически уничтожить один вражеский отряд, Лодризио, не знающий насыщения, не хотел давать пощады остальной, куда более многочисленной, вражеской армии, засевшей в Нервьяно. И вот, на рассвете 20-го февраля, проявив, тем не менее, некоторую тактическую расчётливость, он остав-

ляет отряд из 400 всадников в Парабьяго, чтоб охранять ценнейшую награбленную добычу и пленников, и на полной скорости, немедля ни минуты, направляется с основными силами к Нервьяно. При этом он позаботился заранее, проявив стратегическую хитрость, отправить ещё один отряд из 700 всадников под командованием Малербы в сторону самого Милана, чтобы тот охранял берега Олоны и таким образом перерезал все пути к возможному отступлению противника в случае поражения.

На этот раз, однако, эффект внезапности и молниеносной атаки, так удачно сработавший под Парабьяго, был утрачен. Армия Лукино, предупреждённая о происходящем, или, может, просто более осторожная, была полностью готова к бою, вооружена и выстроена в плотные боевые порядки, готовая принять бой даже в этих ужасных погодных условиях. «Компании Святого Георгия» пришлось зарабатывать хлеб своей собственной кровью, столкнувшись с равным, если не превосходящим, по численности и моральному духу противником. Под падающим снегом, сменившимся противным, пронизывающим дождём, в густой грязи и слякоти разгорелась одна из самых ожесточённых, драматичных битв того времени — сражение, которое имело значительный резонанс в летописях и которое современники и позднейшие историки наделили эпическими чертами. Особо выделялся в этой бойне сам командующий, Лукино Висконти, которого сравнивали с Эль Сидом, героем испанской Реконкисты, одной из высших степеней признания для христианского воина. Примечательно, что обе армии — и Лукино Висконти, и Лодризио — имели на своих знамёнах и гербах одинаковые цвета и символ рода Висконти (та самая змея, из пасти которой рождается младенец). Единственным отличием были их боевые девизы, которые, перекрикивая шум боя и крики раненых, выкрикивали воины в пылу схватки. Воины Лукино Висконти кричали — «*Miles Sancti Ambrosii!*» («Рыцарь Святого Амвросия!») — символическое воззвание к покровителю Милана, а Лодризио и его наёмники — «*Ruithband Henrich!*» («Рыцарский отряд Генриха!» или «Кавалерия Генриха!») — обращение к покойному императору Генриху VII Люксембургскому, своему номинальному патрону, от которого Лодризио когда-то получил часть своего могущества.

И вот, наконец, около полудня, после долгих, изнурительных часов схватки, Лукино Висконти, командующий миланцами, был выбит из седла и схвачен врагами. Он, главная фигура на поле, был тут же привязан к ближайшему ореховому дереву и, казалось бы, ждал самой худшей участи. При виде своего захваченного командира, привязанного к дереву, миланские войска на мгновение дрогнули, и многие из них обратились в бегство, охваченные паникой, но, увы, тяжёлые погодные условия, глубокий снег и густая слякоть, сковывающие движения, сделали их лёгкой добычей для наёмников Лодризио. Многие были убиты прямо на месте, не имея шанса убежать.

Казалось, дело было сделано — победа Лодризио, зарекомендовавшего теперь себя мастером внезапных атак, была абсолютной. Но Лодризио, казалось, в этот решающий момент проглядел нечто важное — он совершенно не учёл одну деталь: отряд кондотьеров под совместным командованием болонского изгнанника Этторе да Паниго¹⁶ и сиенца Роберто Виллани. Эти командиры, вышедшие из Милана с большим опозданием (вероятно, тоже задержанные непогодой или проблемами со сбором людей), наконец, добрались до окрестностей Парабьяго. 700 всадников Этторе, не ожидая никакой серьёзной угрозы на этом, казалось бы, тыловом участке, неожиданно обрушились на оставленные там 400 конных наёмников Лодризио, охранявших добычу. Эффект внезапности и, вероятно, численное превосходство, привели к тому, что это локальное, внезапное сражение быстро разрешилось в пользу Этторе. Кондотьер, узнав о разворачивающейся дальше, под Нервьяно, основной битве, не тратя времени

¹⁶ Родом из Болоньи, этот кондотьер также известен под именами Этторе ди Панико, Тото ди Панако, Горо ди Паниго и Этторе да Болонья. Будучи подестой Модены, он как убеждённый гибеллин был назначен императорским викарием города от имени Людовика Баварского в 1329 году.

на грабёж, стремительно направился со своими людьми и освобождёнными воинами, которых оказалось не менее 1500 пехотинцев, на помощь основным силам Лукино Висконти. В этот критический момент битвы, когда победа Лодризио казалась уже обеспеченной, произошло неожиданное: ослеплённые кажущейся лёгкостью успеха, разъярённые отряды феррарцев и савойцев из армии Лукино внезапно ударили в тыл войскам Лодризио, измотанным долгим и кровопролитным сражением. Исход битвы был решён окончательно — победа осталась за Лукино.

Перестроив тающие ряды, победоносная армия Лукино Висконти двинулась в обратный путь к Милану. Её сопровождала длинная, униженная колонна пленных. Те, кто ещё утром считал себя победителями, оказались побеждёнными. Однако, по пути к Милану, у переправы через реку Олону, она внезапно столкнулась с тем самым отрядом из 700 воинов Малербы, который был оставлен там по приказу Лодризио именно с целью перехватить отступающие войска Лукино. Эти наёмники, ожидали куда меньших сил и, тем более, не ожидали увидеть победителей. Несмотря на кажущуюся усталость, сопротивление немецких всадников Лодризио оказалось упорным, но, увы, огромная диспропорция сил окончательно решила исход и этой локальной схватки в пользу миланцев. Лодризио, видя полное поражение, попытался спастись бегством, но река Адда, разлившаяся из-за предшествующей непогоды и таяния снегов, стала широкой и бурной. Кондотьер не смог переправиться через неё и оказался в ловушке, расставленной самим собой. Его с двумя сыновьями захватил в плен отряд Джованни Висконти, брата Лукино. В завершении своей карьеры Лодризио оказался закован в цепи и доставлен в Милан. Заключённый в знаменитом замке Сан-Коломбано-аль-Ламбро, в специально построенной для него железной клетке, он проведёт в ней следующие десять лет — целое десятилетие! — запертым, на грани жизни и смерти.

Остатки разбитой компании под командованием Вионе Скуиллетти предались грабежам, заняв территорию к югу от Милана, которая впоследствии вошла в черту города как часть Муниципалитета 5 под названием Моривione, где наёмники оставались до 24 апреля 1339 года, когда Лукино Висконти дал им решительный бой и разгромил их, приведя к окончательному роспуску компании, а сам Вионе был схвачен и казнён в тот же день. По легенде, название района происходит именно от этого события: народное выражение «*Qui morì Vione*», т.е. «Здесь умер Вионе», со временем трансформировалось в топоним Моривione, увековечив память о последнем дне предводителя остатков первой компании Святого Георгия.

Другой важным отрядом наёмников стала «Компания Каппеллетто» (*Compagnia del Cappelletto*), известная также как «Чёрная компания» (*Compagnia Nera*), была основана в августе 1362 года в Оссайе кондотьером, графом Урбино Никколо да Монтефельтро, совместно с Уголино де Сабатини из Болоньи и Марколько де Росси из Римини, находившимися на службе коммуны Флоренции и восставшими против своего капитана Бонифачо Лупи. Название компании произошло от эпизода, случившегося после взятия Печчоли, когда наёмники в знак протеста против флорентийцев за отказ удвоить жалованье водрузили свои головные уборы (*cappelletti*) на пики. Одной из главных особенностей этой компании стало то, что она была полностью сформированной итальянскими кондотьерами и итальянский элемент в ней превалировал, хотя без немецких ландскнехтов там также не обошлось.

При своём создании «Компания Каппеллетто» располагала 1000 всадников из числа итальянцев, бургундцев и германцев, к которым впоследствии присоединились многочисленные другие наёмники. В 1363 году компания служила Флоренции, воюя против Пизы и Сиены, опустошая и грабя все пересекаемые территории, однако затем удача отвернулась от неё — сиенское ополчение при поддержке пизанцев, внезапно атаковав 7 октября 1363 года войска Монтефельтро силами 800 всадников под командованием Франческо Орсини в битве при Вальдикьяне захватило самого графа вместе с 1300 его людьми. После этого поражения компания оказалась разгромлена и рассеяна, и на короткое время перешла на службу Перудже.

В 1365 году компания, долгое время остававшаяся неактивной, была частично распущена, а частично влилась в «Компанию Святого Георгия», продолжив борьбу против Флоренции, Сиены и Папского государства.

Следующей заметной компанией стала «Компания Звезды» (*Compagnia della Stella*), которая на самом деле была двумя наёмными компаниями, действовавшими в Италии в середине XIV века, первая из которых была сформирована преимущественно из иностранных наёмников, а вторая — из итальянских. Первая «Компания Звезды» была основана капитанами-авантюристами Альбертом Штерцем, Ханнекином (Йоханнесом) фон Баумгартеном и Уго делла Зукка в августе 1364 года после битвы при Кашине. Она состояла из тех, кто решил последовать за Штерцем при выходе из «Белой компании», о которой я расскажу отдельно, и людей компании Баумгартена, которого на Апеннинах называли Аничино ди Бонгардо. Большинство наёмников, входящих в компанию, составляли германцы и англичане. Название отряда произошло от герба рода Баумгартена, который владел феодом близ Кёльна, содержавшим изображение звезды. Однако уже в сентябре того же года Баумгартен покинул компанию, и командование принял на себя Штерц, который в январе 1365 года был нанят Папским государством, чьими войсками руководил Генеральный викарий Гиль¹⁷ Альварес Каррильо де Альборнос, в союзе с королевой Джованной Анжуйской. Их противником была Перуджа, ополчением которой командовал как раз покинувший компанию фон Баумгартен. Контингент компании насчитывал около 5000 всадников и 1000 пехотинцев. Им противостоял около 10000 перуджийцев. Эта кампания длилась целых пять месяцев, разворачиваясь между Умбрией, Тосканой и папскими территориями в Лацио. Однако само решающее сражение произошло у Сан-Мариано близ Корчано, где компания Штерца потерпела поражение не только из-за его численного превосходства, но и из-за отсутствия рвения у наёмников, не получавших жалованья. Штерц и многие его люди были захвачены и заключены в тюрьму в Перудже, хотя вскоре после заключения мира их освободили. В августе того же года компания перешла на службу к Сиене, пытаясь противостоять угрозе со стороны возрожденной «Белой компании» Джона Хоквуда, соединившейся с «Компанией Святого Георгия». Однако попытка оказалась тщетной, поскольку, столкнувшись с превосходством противника, компания были вынуждена отступить, а сама она была распущена в 1366 году после смерти Штерца, обезглавленного в ноябре в Перудже по обвинению в измене.

Вторая «Компания Звезды» была основана в июне 1379 года в Сораньи кондотьером Асторре Манфреди. Наёмники набирались преимущественно из Эмилии-Романьи, и первоначально компания насчитывала около 600 копейщиков и 2000 пехотинцев. С этим контингентом Манфреди попытался атаковать Болонью и Римини, но затем был нанят Бернабо Висконти и венецианцами, и в августе 1379 года по приказу правителя Милана напал на Геную, разграбив несколько пригородов города, включая Сампьердарену. Самое важное сражение произошло 24 сентября, когда компания в составе 400 копейщиков и 3000 пехотинцев была разгромлена генуэзцами близ Валь-Бизаньо. Все наёмники были захвачены, за исключением самого Манфреди, спасённого крестьянином, которому он обещал 10000 дукатов. Большинство пленных наёмников этой компании закончили свою жизнь на плахе.

Экономический ущерб, нанесённый свободными компаниями, был колоссальным. Только Флоренция за период с 1342 по 1360 год выплатила различным компаниям в качестве откупных более 400000 флоринов — сумму, достаточную для содержания армии в 10000 человек в течение трёх лет. Сиена, Перуджа, Болонья, Папская курия тратили сравнимые суммы. Мелкие города и сельские районы страдали ещё сильнее, так как не могли позволить себе откупиться и подвергались систематическому разграблению. Это вело к упадку сельского хозяйства. Крестьяне, ограбленные многократно, утратившие скот, инвентарь, запасы зерна,

¹⁷ Также Эджидио, Хиль и Жиль.

бросали поля и бежали в города или укрепленные монастыри. Обширные районы Романьи, Умбрии, Лацио обезлюдели. Путешественники писали о заброшенных деревнях, поросших бурьяном полях, сожженных церквях. Торговые пути становились опасными: купеческие караваны подвергались грабёжам, что вынуждало купцов нанимать вооружённую охрану, увеличивая издержки и цены на товары.

Всё это вело к разрыву «нитей», из которых было соткано средневековое итальянское общество, его социальные связи и экономика. Многие разорённые горожане и крестьяне сами становились наёмниками или разбойниками, пополняя ряды тех самых компаний, от которых пытались спастись. Формировался порочный круг: грабёж порождает нищету, нищета толкала людей в ряды грабителей, а рост числа грабителей усиливал разорение. Не связанные с локальными политическими интересами или учитывающие их только краткосрочно на период найма свободные компании способствовали дальнейшей фрагментации Италии. Мелкие синьоры, неспособные защитить свои владения, теряли их или сами нанимали компании, превращаясь в марионеток капитанов-наёмников. Крупные государства, истощённые выплатами откупных, не могли проводить активную внешнюю политику, уступая инициативу авантюристам. Папская власть в Центральной Италии стала чисто номинальной: города и замки контролировались то компаниями, то местными тиранами, не признававшими верховенства Святого Престола.

Однако при всей своей разрушительности эпоха свободных компаний имела и определённые долгосрочные последствия, оказавшиеся не только негативными. Она ускорила профессионализацию военного дела в Италии. Итальянцы, столкнувшись с превосходством иноземных профессиональных солдат, начали учиться у них. Появилось первое поколение итальянских кондотьеров, прошедших школу свободных компаний: Альберико да Барбиано, Якопо даль Верме, Фачино Кане и другие, которые в последующие десятилетия потеснят иноземцев и создадут национальную школу кондотьерства. Кроме того, опыт борьбы со свободными компаниями научил итальянские государства необходимости содержать постоянные военные силы. Венеция, Милан, Флоренция начали заключать долгосрочные контракты с кондотьерами, обеспечивая себе надёжную военную опору. Это было дорого, но дешевле и безопаснее, чем постоянные выплаты откупных бандам наёмников. Так из хаоса свободных компаний постепенно вырастала система организованного кондотьерства — более упорядоченная, предсказуемая, встроенная в политическую структуру Италии.

Италия под пятой: экономические и социальные последствия

Экономический ущерб, нанесённый свободными компаниями, был колоссальным. Только Флоренция за период с 1342 по 1360 год выплатила различным компаниям в качестве откупных более 400000 флоринов — сумму, достаточную для содержания армии в 10000 человек в течение трёх лет. Сиена, Перуджа, Болонья, Папская курия тратили сравнимые суммы. Мелкие города и сельские районы страдали ещё сильнее, так как не могли позволить себе откупиться и подвергались систематическому разграблению. Это вело к упадку сельского хозяйства. Крестьяне, ограбленные многократно, утратившие скот, инвентарь, запасы зерна, бросали поля и бежали в города или укрепленные монастыри. Обширные районы Романьи, Умбрии, Лацио обезлюдели. Путешественники писали о заброшенных деревнях, поросших бурьяном полях, сожженных церквях. Торговые пути становились опасными: купеческие караваны подвергались грабёжам, что вынуждало купцов нанимать вооружённую охрану, увеличивая издержки и цены на товары.

Всё это вело к разрыву «нитей», из которых было соткано средневековое итальянское общество, его социальные связи и экономика. Многие разорённые горожане и крестьяне сами становились наёмниками или разбойниками, пополняя ряды тех самых компаний, от которых пытались спастись. Формировался порочный круг: грабёж порождает нищету, нищета толкала людей в ряды грабителей, а рост числа грабителей усиливал разорение. Не связанные с локаль-

ными политическими интересами или учитывающие их только краткосрочно на период найма свободные компании способствовали дальнейшей фрагментации Италии. Мелкие синьоры, неспособные защитить свои владения, теряли их или сами нанимали компании, превращаясь в марионеток капитанов-наёмников. Крупные государства, истощённые выплатами откупных, не могли проводить активную внешнюю политику, уступая инициативу авантюристам. Папская власть в Центральной Италии стала чисто номинальной: города и замки контролировались то компаниями, то местными тиранами, не признававшими верховенства Святого Престола.

Однако при всей своей разрушительности эпоха свободных компаний имела и определённые долгосрочные последствия, оказавшиеся не только негативными. Она ускорила профессионализацию военного дела в Италии. Итальянцы, столкнувшись с превосходством иноземных профессиональных солдат, начали учиться у них. Появилось первое поколение итальянских кондотьеров, прошедших школу свободных компаний: Альберико да Барбиано, Якопо даль Верме, Фачино Кане и другие, которые в последующие десятилетия потеснят иноземцев и создадут национальную школу кондотьерства. Кроме того, опыт борьбы со свободными компаниями научил итальянские государства необходимости содержать постоянные военные силы. Венеция, Милан, Флоренция начали заключать долгосрочные контракты с кондотьерами, обеспечивая себе надёжную военную опору. Это было дорого, но дешевле и безопаснее, чем постоянные выплаты откупных бандам наёмников. Так из хаоса свободных компаний постепенно вырастала система организованного кондотьерства — более упорядоченная, предсказуемая, встроенная в политическую структуру Италии.

ГЛАВА 4. ДЖОН ХОКВУД ИЛИ ДЖОВАННИ АКУТО

Начало 1392 года Флоренция встретила с облегчением — война с Висконти наконец завершилась, и город смог перевести дух. Джон Хоквуд вернулся в город не столько в ореоле триумфатора, сколько в статусе человека, заслужившего редкую для наёмника роскошь — право на длительный отдых, практически отставку. Но именно в наступившей тишине его настигла проза жизни, от которой не спасали ни миланские латы, ни преданные копья, ни громкая слава. Бухгалтерские книги и долговые расписки оказались противником более упорным, чем миланская кавалерия даль Верме. Счета, набежавшие проценты, хлопоты о приданом и грядущих свадьбах обрушились на него лавиной, требуя немедленных решений. Теперь перед старым солдатом стояла, возможно, самая сложная стратегическая задача его карьеры: сойти со сцены так чисто и безупречно, чтобы не оставить за спиной ни одного опасного узла, способного затянуть его обратно.

Англия манила его образом твердого, незыблемого порядка, столь отличного от зыбкой политической трясины Италии. Там власть короля и принцев была священна, феодальные титулы имели вес золота, а права на землю, скрепленные королевской печатью, не зависели от капризов городской черни или интриг в советах. Хоквуд, очевидно, рассчитывал конвертировать свою итальянскую славу в твердую английскую валюту привилегий: укрепить старые владения, обрести новые и расширить источники дохода. Военная и финансовая хватка не позволяла ему грезить о покое без выгоды, но этот план с самого начала увяз в сопротивлении флорентийской бюрократии, алчности кредиторов и бесконечных претензиях родни. Тем не менее, подготовка к отъезду обретала плоть. События, которые в сухих строках хроник выглядят рутинными домашними хлопотами, на деле потребовали от старого кондотьера мобилизации всех ресурсов, сравнимой с организацией военной кампании. Ему предстояло выдать замуж дочерей — шаг, требовавший не меньшей стратегической прозорливости и дипломатического такта, чем любая из его битв на полях Ломбардии.

Две старшие дочери, Джанет и Катерина, вошли в тот возраст, когда дальнейшее пребывание в отчем доме граничило с непростительным расточительством. Промедление не только тормозило династические планы, но и отягощало семейную казну: настало время переложить заботы о гардеробе и столе девиц на плечи законных супругов. Флоренция, верная своим обязательствам, пообещала по 2000 флоринов приданого за каждую — щедрость, достойная республики, однако само по себе обещание не наполняло кошель звонкой монетой. Для пятнадцатилетней Джанет партию нашли в лице Брецальи ди Порчиля, человека весомого, из фриульской знати, с крепкими связями при дворе д'Эсте. Этот союз не просто обеспечивал девушке будущее, но и цементировал высокий социальный статус самого Хоквуда. Выбор партии был безупречен, ведь, отец жениха служил подестой Феррары, связывая семью кондотьера с административной элитой, а тот факт, что крестной матерью второй дочери, Катерины, была сама Изабелла д'Эсте, лишь подчеркивал глубину этих связей. Немаловажно и то, что Брецалья уже владел землями Хоквуда в Романье, выкупленными у будущего тестя, и капитал, таким образом, оставался в семье. Свадьбу сыграли в сентябре 1392 года в усадьбе близ Сан-Донато-ин-Польвероза. Характерно, что среди гостей мелькали лица тех, кто годами визировал платежи от имени коммуны, в том числе нотариус и казначей Бенедетто ди Ландо Фортини де Орландини. Эти крючкотворы служили живым напоминанием: наемная война немыслима без скрупулезной бухгалтерии. Передачу приданого зафиксировали актом от 19 ноября, и в этой сухой бюрократической точке скрывался свой драматизм — бурная жизнь капитана на закате дней неумолимо превращалась в стопку нотариально заверенных листов.

Вторая свадьба вскрыла проблему еще более деликатного свойства. Четырнадцатилетнюю Катерину выдали за Конрада Прассберга, успешного наемника благородных кровей из

южногерманского Алльгой. Свою итальянскую карьеру он начал в начале 1380-х как протеже графа Конрада Айхельберга, и по иронии судьбы его первым поручением стало противостояние самому Хоквуду в 1381 году, когда немец служил Генуе. Однако война сближает вчерашних врагов. В тяжелые дни 1388 и 1389 годов, в кровавых стычках на сиенской границе, а затем в большой войне с Миланом, Прассберг сражался плечом к плечу с англичанином. Он зарекомендовал себя храбрым и эффективным командиром, особенно в операциях под Болоньей. Вместе с Хоквудом и своим покровителем Айхельбергом он прошел через ад весеннего наступления 1391 года и изнурительное отступление через Ольо, где, по легенде, старый капитан лично посвятил его в рыцари. Мир открыл другую грань его таланта. Прассберг блистал на турнирах, утверждая славу не только мечом, но и куртуазностью. В Болонье его команда взяла главный приз — жемчужный убор, а во Флоренции он повторил триумф, завоевав брошь в форме льва, украшенную жемчугом.

Брачный контракт был составлен 5 ноября 1392 года, а венчание назначено на 24 января следующего, 1393 года. Однако за десять дней до торжества жених был вынужден обратиться к влиятельному флорентийцу Донато Аччайуоли с неловкой просьбой. Прассберг жаловался, что в доме невесты «не хватает только денег», чтобы обеспечить ей подобающее подвенечное платье. Он просил выдать ему аванс в тысячу флоринов из собственного жалования, дабы не позорить фамилию Хоквуда из-за платьев, заказанных слишком поздно. Любопытно, что в своём искреннем письме Прассберг ссылается на письмо своей прижимистой будущей тещи Доннины Висконти, которая, вероятно, просто не хотела платить деньги семье там, где это могли сделать другие.

Этот эпизод часто списывают на мелкие бытовые неурядицы, но в действительности он вскрывает фундаментальную проблему стареющего «идеального чужака»: даже его богатство имело пределы. Документы бесстрастно фиксируют финансовую уязвимость семьи: осенью 1392 года Хоквуд предстал перед флорентийским судом за долг в 1834 флорина, а год спустя, 11 июля 1393 года, жаловался городскому совету на грабительские проценты ломбардов Болоньи и Венеции, где были заложены семейное серебро и драгоценности. Впрочем, члены совета, разбирая эти жалобы, могли позволить себе язвительную усмешку. Герой, которого сравнивали с древнеримским военачальником Квинтом Фабием Максимом Кунктатором за мастерское отступление 1391 года, даровав ему и его потомкам флорентийское гражданство и увеличила пожизненную пенсию, теперь вынужден был отступать не перед легионами Висконти, а перед натиском ростовщиков. Ирония была оправдана: годовой доход кондотьера составлял не менее 3200 флоринов, не считая земель близ Ареццо, Сиены и поместий в далекой Англии. Речь шла не о нищете, а о том особом виде задолженности, что рождается из привычки жить на широкую ногу в ожидании следующей выплаты. Однако именно такие обязательства делают отъезд предприятием крайне рискованным: кредиторы, как известно, питают глубокое недоверие к путешествиям своих должников.

Примечательно, что, несмотря на милости флорентийского правительства, Хоквуд не искал партии для своих дочерей среди местных граждан. Вместо того чтобы породниться с купеческой элитой города, он выдавал их за людей своей профессии. Выбор Хоквуда в пользу военной касты служит лишним доказательством того, что, хотя Флоренция и стала центром его поздней карьеры, он так и не отождествил себя с городом до конца. Дух его дома оставался духом военного лагеря, а не городской пьяницы. Годы спустя, когда придёт время выдавать замуж младшую, Анну, её мужем станет миланский кондотьер Амброджоло ди Пьеро делла Торре, изгнанник из родного города, — ещё одна нить, связывающая семью скорее с профессией, чем с региональными элитами.

Фреска с изображением Джованни Акуто (Джона Хоквуда) работы Паоло Уччелло. Собор Санта-Мария-дель-Фьоре, Флоренция

В тени свадебных церемоний неизменно присутствовала фигура Доннины Висконти — супруги, которую современники находили «достойной такого человека», и хозяйки с волей, подобающей её миланскому происхождению. Этот брак, скрепленный в 1377 году как чистая политическая сделка, не претендовал на романтическую идеальность, но доказал свою исключительную функциональность. Доннина не просто принесла в семью солидное приданое землями и золотом, но и взяла в свои руки управление делами, а впоследствии, уже после кончины мужа, с яростным упорством будет отстаивать его наследство в далекой Англии. Ирония судьбы заключалась в том, что именно наличие такой жены превращало возвращение «домой» в уравнение со многими неизвестными: теперь дом Хоквуда стал двойным — английским по крови и памяти, но неразрывно миланско-флорентийским по обязательствам и связям.

К этому сложному семейному гобелену добавлялась еще одна нить, проясняющая истинный масштаб связей Хоквуда и отчасти проливающая свет на его происхождение. У кондотьера была дочь от первого брака — Антиохия, выданная за сэра Уильяма Коггесхолла. Её избранник происходил из влиятельной эссекскому роду, исторически близкому к отцу Хоквуда и, по всей вероятности, к его старшему брату Джону — тёзке, который, в отличие от знаменитого родственника, никогда не покидал английских берегов. Этот брак, вкупе с обширной собственностью в Англии, привязывал планы возвращения старого капитана к реальным интересам едва ли не крепче, чем любые другие обстоятельства и создавали надежный плацдарм на родине.

Пока устраивались браки старших дочерей, Хоквуд вплотную занялся подготовкой к возвращению в Англию. Для этой деликатной миссии он избрал Джона Сэмпсона, верного сквайра и земляка из Эссекса, который совершил несколько поездок между Флоренцией и островом. Сэмпсон вёз инструкции доверенным лицам капитана, и прежде всего Томасу Коггесхоллу — давнему другу и главному поверенному в делах Хоквуда на родине. Именно эти поездки сохранили для истории единственные известные письма кондотьера на английском языке,

датированные 8 ноября 1392 года и 20 февраля 1393 года. В февральском послании содержался чёткий приказ обеспечить безопасность пути. Сэмпсону предстояло уладить все детали переезда, добыть охранные грамоты и нанять эскорт из пяти всадников для сопровождения через порт Кале. Старый наёмник прекрасно понимал, что дороги и границы таят не меньше угроз, чем открытое сражение.

Летом 1393 года Хоквуд начал методичную ликвидацию своих итальянских владений. С молотка уходили поместья и земли, в том числе хозяйство в Ла-Роккетта близ Поджибонси и недвижимость у Сан-Донато-ин-Польвероза. В этой распродаже проявилась характерная для него осмотрительность: часть имущества предусмотрительно записали на семилетнего Джона-младшего, чтобы оставить сыну открытую дверь в Италию, если туманный Альбион окажется неласков к наследникам. Источники не называют точных сумм, но смысл происходящего был предельно ясен. То был не сентиментальный жест прощания, а сугубо прагматичная операция по переводу тяжеловесных активов в звонкую монету, необходимую для последней большой кампании старого солдата — возвращения домой.

Параллельно с распродажей земель Хоквуд разослал доверенных людей по всей Италии для взыскания старых долгов и жалованья, накопившегося за долгие годы службы. Доннина Висконти действовала с не меньшей решимостью, приводя в порядок свои дела в Милане и других городах и закрывая счета с эффективностью, достойной её имени. Кульминацией этих сборов стало 11 марта 1394 года, когда во Флоренции состоялся окончательный расчёт. Хоквуд подал прошение о замене ежегодных выплат и земельных пожалований на единовременную сумму. В обмен он уступал республике стратегически важные крепости в южной Тоскане: Мильяри, аббатство дель Пино и Монтеккьо. Тот факт, что старый капитан удерживал эти ключевые пункты до последнего, красноречиво свидетельствует о его понимании природы власти — замки оставались его единственной твёрдой валютой в торге с нанимателем. Сделка состоялась: флорентийцы согласились выплатить 6000 флоринов в счёт прошлых заслуг и стоимости возвращаемых земель. В качестве жеста доброй воли власти добавили 1000 флоринов на дорожные расходы, оговорив, что это решение окончательное: получив деньги, Хоквуд терял право на любые претензии в будущем. Республика, впрочем, не держала зла и сохраняла благодарность своему спасителю. Ещё в августе 1393 года совет постановил воздвигнуть ему мраморный памятник, подкрепив это решение высокой риторикой:

«Великолепные и верные деяния Джона Хоквуда, его преданность и честь перед Флорентийской республикой должны быть не только вознаграждены, но и навечно явлены к его славе, дабы храбрые мужи знали, что коммуна Флоренции воздает за истинную службу своим признанием и благотворной благодарностью».

Ностальгическое стремление старого воина вернуться к родным берегам стремительно обростало вязкой паутиной бытовых мелочей, не оставлявших места для героической легенды. Имущественные сделки, бесконечные письма, согласования, залогов, подготовка обоза — вся эта суэта требовала логистики, не уступавшей организации полноценного военного марша, только теперь целью была не победа, а покой. Самое важное заключалось в том, что все эти усилия совершал человек, которого флорентийские источники описывают с безжалостной прямотой: «утомленный годами и обремененный недугами». Он решил закрыть свою войну не торжественным триумфом под звон колоколов, а тихо и бесповоротно, словно захлопнув толстую бухгалтерскую книгу после сведения последнего баланса.

Чтобы понять глубину той тоски, с которой старый кондотьер грезил о возвращении домой как о спасении, необходимо оглянуться назад — к истокам его итальянской одиссеи и природе той войны, что вознесла его к славе. Источники скупы на детали ранней биографии Джона Хоквуда и порой противоречивы, однако общий контур проступает достаточно

ясно. Он был сыном Эссекса, выходцем из среды, где служба под знаменем лорда воспринималась не как авантюра, а как естественная социальная норма. Не принц крови, но и не нищий бродяга — деталь принципиальной важности. Судьба распорядилась так, что он оказался средним из трёх сыновей Гилберта Хоквуда: первенца Джона-старшего, нашего героя — Джона-младшего, и Николаса. По заведённому порядку удача улыбнулась старшему брату, унаследовавшему отцовские владения. Джон-старший проявил себя рачительным хозяином и приумножил семейное достояние, особенно в окрестностях Госфилда, где приобрёл ключевые маноры: Парк-Холл, Листонс-Холл и, наконец, Госфилд, или Беллоуз-Холл. Последний, ставший известным как «Хоквудс Госфилд» или Хоквуд-Холл, превратился в главную резиденцию рода. Новый глава семьи умело использовал отцовские связи, укрепив контакты с могущественным домом де Вер, графами Оксфордскими, чей нормандский замок Хедингем доминировал над всей округой. Младшим же братьям оставалось искать свой путь: Джон-младший выбрал долю воина, а Николас — стезю священнослужителя.

Впрочем, прежде чем взять в руки меч, будущий кондотьер, по-видимому, попытал счастья в столице. Автор современной ему «Вестминстерской хроники» без обиняков называет Хоквуда «учеником лондонского чулочника», а анонимный продолжатель «Полихроникона» Ранульфа Хегдена упоминает о его причастности к *artem sartoriam* — портновскому ремеслу. Свою лепту в легенду внёс и флорентийский хронист Маттео Виллани, который летом 1359 года, возможно, упомянул его под прозвищем *Gianni dell'aguglia* («Джанни Игла»), описывая как «английского портного» с «великим сердцем к ратным подвигам». Однако игла недолго удерживала его в Лондоне, и он покинул Англию, чтобы сменить ремесло на войну на полях Франции. Время для военной карьеры было как нельзя более подходящим: в 1337 году Англия вступила в затяжной конфликт с соседом. Король Эдуард III предъявил претензии на французский трон, основываясь на родстве с покойным Карлом IV через свою мать Изабеллу, сестру монарха. Французская знать отвергла притязания Эдуарда, возведя на престол Филиппа, кузена Карла. Этот династический спор разжёг пожар, которому суждено было полыхать более столетия.

Поля Столетней войны стали для Хоквуда настоящей школой — суровой, лишённой романтического флёра, но предельно эффективной. Английская армия того времени, при всей своей жестокости и ненасытной жажде грабежа, представляла собой механизм, работавший по жёсткой дисциплинарной логике. Здесь прививались строевые навыки, уважение к командной иерархии и строгий учёт добычи. Здесь учились расчёту на марше, искусству взаимодействия кавалерии и пехоты с лучниками, мастерству внезапных рейдов и, главное, пониманию того, что война должна кормить сама себя за счёт вражеской земли. Много позже итальянцы будут с изумлением отмечать «северную» организованность и сплочённость людей Хоквуда. В действительности это была не врождённая национальная добродетель, а выживание, отточенное опытом бесконечной войны. Вдали от дома, на чужой земле, отряд мог существовать только как единый организм — в противном случае его неминуемо перемалывали жернова конфликта.

Принято считать, что боевой путь Хоквуда пролегал через две величайшие битвы Столетней войны — при Креси в 1346 году и при Пуатье в 1356-м, и, хотя прямых документальных подтверждений этому немного, вся его последующая итальянская карьера несёт явный отпечаток именно такого опыта. Поразительное сходство между решающим фланговым манёвром гасконского отряда Жана III де Грайи, капталя де Бюша, при Пуатье и знаменитой тактикой самого Хоквуда в битве при Кастаньяро наводит на мысль, что он вполне мог находиться среди тех самых лучников, чья атака решила исход сражения. Эту гипотезу косвенно подкрепляет и тот факт, что к финалу своей службы под английскими знамёнами он уже командовал отрядом в 250 стрелков.

Что касается рыцарского звания, то заявление Джона Стоу и других поздних авторов о том, что принц Уэльский посвятил Хоквуда в рыцари на поле Пуатье, не подтверждается

ни одним надёжным документом. «Регистр» Эдуарда, скрупулёзно перечисляющий пожалования, упоминает рыцарство, дарованное портному Уильяму Страттону, но хранит молчание о Хоквуде. Гораздо убедительнее выглядит версия анонимного продолжателя «Полихроникона», согласно которой золотые шпоры будущий капитан получил позднее, уже на итальянской земле.

Подписание мира в Бретины 8 мая 1360 года, хотя и приостановило официальную войну между коронами Франции и Англии, парадоксальным образом породило новую угрозу — банды рутьеров, сколоченные из оставшихся не у дел солдат. Роты таких героев Столетней войны как Ле Бурка¹⁸ де Бретейя, Ле Бурка Камю, Ле Бурка де Леспара, Баско де Молеона, Роберта Ноллиса проторили дорогу разорения французские провинций Бургундии, Лангедока, Оверни, занимаясь грабежами и вымогательством (*pâtis*) у местного населения и монастырей. Такие отряды рутьеров, как «Кампания бастардов» (*Compagnie des Bâtards*), «Запоздальных» (*Tards-Venus*), «Белая рота» (*Compagnie Blanche*), которую не надо путать с более поздним формированием, имели в своём штате специального клерка¹⁹, который вёл учёт собранных от городов и населённых пунктов отступных и выкупа. Чтобы получать стабильный доход, эти отряды разделили между собой территорию Франции. Это не всегда были крупные отряды. В своих «Хрониках» (*Chroniques*) 1322–1400 годов Жан Фруассар описывает, как группы из 20 или 30 тридцати бригадов²⁰ скрытно отправлялись для набега на город, создавая хаос и иллюзию, что на жителей напала огромная армия.

Самый грозный конгломерат, «Великая компания» (*Grandes Compagnies*), наёмников образовалась на востоке Франции, и именно к нему примкнул Джон Хоквуд. Он оказался в компании колоритных фигур: Сегена де Бадефоля, Бернардона (Бернардо) де ла Салля, Роберта Брике, Уолтера Лесли, Эспри, Джона Кресвелла, Нодона де Бажерана, Ламита, Батайе, Эспарра, Ричарда Мусарда, Альберта Штерца, Джованни Гуччио и других гасконских, английских и немецких авантюристов. Эта армия без государства, словно саранча, прошла по Шампани и Бургундии, а затем, спустившись по долине Роны, вызвала серьёзную тревогу у папы, чья резиденция находилась в плохо защищённом Авиньоне. В ночь с 28 на 29 декабря 1360 года наёмники дерзким налётом захватили Пон-Сен-Эспри — стратегическую крепость в нескольких лигах от папского дворца. Компания обосновалась там на три месяца, фактически взяв Авиньон в блокаду с севера и диктуя свои условия самому наместнику Христа. Успех предприятия красноречиво подтверждается реакцией курии: в январе 1361 года папа предал отряд анафеме, а затем, сменив гнев на расчёт, выплатил сумму, эквивалентную 100 тысячам золотых флоринов, за обещание не нападать и покинуть район. Впрочем, возвращение чумы и переговоры с понтификом изменили расклад сил. В марте 1361 года было заключено соглашение: святой отец нанял часть компании для службы в Испании, а другую часть — для войны в Италии. *Марескалло* Йоханни Скакаи, как назвал его папа в официальном письме, присоединился к тем, кто отправился за Альпы, где Иннокентий VI вёл борьбу с миланским тираном Бернабо Висконти.

Прежде чем двигаться дальше, стоит отметить абсолютное первенство Хоквуда в одной специфической области — невероятном разнообразии вариантов написания его имени. В официальных документах на латыни он предстаёт как *Iohannes de Hakeude*, *Johannes Haud*, *Iohannes de Acuto* и *Johannes Haukwod*. Итальянские хронисты, не вдаваясь в тонкости, перекрестили его в *Giovanni Acuto* — наиболее распространённую местную форму. Встречается и вариант *Gianni dell'Aguglia* («Джанни Игла» или «Джанни Орлиный»), где игра слов изящно соединяла английское *hawk* («ястреб») с инструментом портного, намекая на популярную легенду о его

¹⁸ Ле Бурк (*Le Bourc*) часто встречающееся прозвище для бастардов или незаконнорожденных сыновей знатных родов.

¹⁹ Фр. *clerc de pâtis*

²⁰ Фр. *brigands*, от итал. *brigante* — «зачинщик», «буян».

скромном старте. Французы, в свою очередь, именовали его *Jean Haccoude* или *Jehan Hakewode*. Список вариаций бесконечен: *Acud*, *Aguto*, *Augud*, *Haukewode*, *Hawkwode*, *Haucod*. Флорентийские документы последних лет, когда англичанин прочно осел на службе республики, перешли на торжественную латынь: *Iohannes Acutus, eques* — «Иоаннес Акутус, рыцарь». Именно эта форма, дополненная эпитетом *britannicus*, увековечена на знаменитой фреске Паоло Уччелло в соборе Санта-Мария-дель-Фьоре. Такое лингвистическое буйство отражает не только муки средневековых писцов, столкнувшихся с варварским наречием, но и масштаб славы самого человека. О нём писали так много, на стольких языках и в стольких городах, что каждый летописец находил свой способ запечатлеть это жёсткое, непривычное для южного уха английское имя.

Висконти недавно атаковал Болонью, резиденцию папского викария и вместе со своим братом Галеаццо угрожал значительной части северной Италии. Папа договорился, чтобы отряд оказал военную помощь Джованни II Палеологу, маркизу Монферратскому. Перейдя Альпы весной 1361 года, не без сопротивления со стороны графа Амадея VI Савойского, известного как «Зелёный граф»²¹, и вступив в долину реки По, компания не спешила на помощь маркизу, а целый год занималась разорением Савойи и вымогательством с её городов.

Официально отряд именовался «Великой компанией англичан и немцев», что было явной данью уважения его капитану Альберту Штерцу и опосредованно Вернеру фон Урс-лингену. Возможно, в возрождении его прославленной компании и состоял замысел Штерца. Однако местные наблюдатели пренебрегали этими сентиментальными тонкостями. Туринские архивариусы педантично вносили пришельцев в реестры как *Societas Angliciis*, миланский летописец Пьетро Азарио вторил им, а франкоязычный хронист Жан Сервьон использовал термин *Compagnez des angloys*. Для Италии они были прежде всего англичанами. Именно здесь за отрядом закрепилось название, затмившее все прочие: «Белая компания» (*Compagnia Bianca*). В Новое время этот образ романтизировали Джон Рёскин и Артур Конан Дойл, но корни легенды уходят непосредственно в XIV век. Самая распространённая версия, опирающаяся на текст Филиппо Виллани, связывает название с ослепительным блеском начищенных до зеркальности лат, сверкавших под южным солнцем. Другие гипотезы ищут причину в белых плюмажах на шлемах командиров или в белых сюрко, которые носили поверх доспехов некоторые бойцы.

Хроники того времени подробно описывают и другие особенности этих «английских» наёмников. Они усовершенствовали и широко применяли тактику спешивания тяжёлой кавалерии для боя. Идея спешивания латников возникла как оборонительная уловка, позволявшая твёрже удерживать позицию и сберечь коней от вражеских стрел или копий. Однако англичане превратили её и в грозное наступательное оружие. Отряд спешенных латников, двигаясь плечом к плечу с длинными копьями наперевес, представлял собой почти несокрушимую силу. Для реализации этой тактики была адаптирована структура *копья* — основной тактической единицы тяжёлой кавалерии. Как уже отмечалось традиционное итальянское копье того времени состояло из одного тяжеловооруженного всадника, одного легковооружённого сержанта и одного пажа. В «английской версии» копье состояло из трёх человек: двух тяжеловооруженных латников, которые сражались вместе, прикрывая друг друга спинами в ближнем бою, и одного пажа, который держал коней в тылу. Пажи подводили коней, когда нужно было преследовать разбитого врага или быстро отступить. Хотя трёхчастное копье как таковое не было абсолютной новинкой для Италии, «англичане» придали ему специфическое тактическое применение в контексте пешего боя всадников.

В-третьих, главной ударной силой «Белой компании» были лучники, вооружённые знаменитым английским длинным луком (*long bow*). Этот лук превосходил арбалет, доминировав-

²¹ Итал. *Il Conte Verde*. Это прозвище граф получил за своё чрезмерное пристрастие к этому цвету, в которое облачал практически всё — от собственной одежды, доспех, попоны коня до облачения слуг и убранства дворца.

ший в итальянской пехоте, как по дальноточности, так и, что особенно важно, по скорострельности. Опытный лучник мог выпускать стрелы в несколько раз чаще, чем арбалетчик. Однако эффективное использование длинного лука требовало большой физической силы, сноровки и долгих лет тренировки. Именно поэтому эта английская тактика не получила широкого распространения в Италии: найти и обучить таких лучников было сложно, а постоянный приток рекрутов с Британских островов иссяк. Кроме того, производство длинного лука требовало особого мастерства, так как представляло собой сложный и многоэтапный технологический процесс. Так или иначе, влияние английского длинного лука на итальянское военное дело оказалось кратковременным.

Наконец, «английские» компании отличались высоким боевым духом и, что особенно ценилось итальянцами, несравненно большей дисциплиной, чем у их предшественников из немецких и венгерских компаний. Это не значит, что их дисциплина была идеальной. Жители Пизы горько жаловались на поведение «Белой компании» в городе и, по слухам, даже устраивали ложные тревоги, чтобы отправить англичан за городские стены. Однако флорентийцы позже отмечали, что английские солдаты были самыми дисциплинированными из всех, кого они нанимали, всегда аккуратно платили за провиант и не грабили местное население (в отличие от действий на вражеской территории). Итальянцев также впечатляла выносливость англичан: они привыкли совершать ночные марши и вести боевые действия даже глубокой зимой. В отличие от большинства итальянских наёмных отрядов, они имели снаряжение для осадных работ, включая специальные складные штурмовые лестницы и даже ранние образцы артиллерии — бомбарды.

Компания была организована по военному принципу с чёткой иерархией: десятки (*decine*), сотни (*centinaia*), тысячи (*migliaia*), каждая со своим командиром. Высший орган — совет капитанов, принимавший стратегические решения. Дисциплина была строгой. В отличие от феодальных ополчений, где знатные воины часто действовали как им заблагорассудится, игнорируя приказы, в «Белой компании» действовала военная иерархия, близкая к современной армейской. Приказы выполнялись немедленно, нарушители наказывались публично — порой смертью. Жалованье распределялось регулярно и справедливо: каждый конный получал определённую долю, пехотинец — меньше, капитаны — больше. Добыча делилась по установленным правилам, записанным в уставе компании. Треть шла командирам и в казну компании (на снабжение, замену павших коней, оружия), две трети — рядовым, пропорционально рангу. Тот, кто захватывал пленника, имел право на его выкуп, но должен был выплатить долю компании. Тот, кто присваивал добычу, не деля с товарищами, наказывался битьём, а в серьёзных случаях — изгнанием или смертью.

В 1362 году компания наконец заключила шестимесячный контракт с маркизом Монферратским — сперва против Галеаццо II Висконти, а затем и против Амедея VI. Узнав о болезни правителя Павии, Штерц вступил в сговор с Лукино Висконти и Генуей для удара по городу. Операция принесла богатую добычу. За выкуп захваченных горожан наёмники получили 180000 флоринов. Закрепляя успех, отряд обрушился на окрестные города, методично разоряя округу. В апреле 1363 года «Белая компания» наконец встретилась лицом к лицу с конкурентами — «Великой компанией» под командованием Конрада фон Ландау, нанятой Висконти. Сражение развернулось у Кантуринского моста в Гемме провинции Новара. Силы Штерца наголову разбили противника, а сам Ландау, раненный в бою, попал в плен и в тот же день скончался.

После триумфа при Романьяно «Белая компания» перешла на службу к Пизе, втянутой в войну с Флоренцией. К тому моменту отряд превратился в грозную силу, насчитывающую 3500 всадников и 2000 пехотинцев. Наёмники опустошили окрестности Флоренции, однако сам город устоял. И хотя Пиза обладала очевидным военным перевесом, в дело вмешался фактор, который ещё не раз встретится на этих страницах. Флорентийцы пустили в ход своё самое

эффективное оружие — дипломатию золота, попросту перекупив ключевых командиров противника.

Наступление захлебнулось в тот самый момент, когда победа казалась неминуемой. Анонимный пизанский хронист с горечью писал, что капитанов подкупили золотыми монетами, переданными во флягах с вином, особо отмечая вероломство Альберта Штерца. Флорентиец Донато Веллутти называл главными предателями Ханнекина Баумгартена и Эндрю Белмонта, а Филиппо Виллани добавлял к списку Хью де ла Зуша. Обстоятельства дезертирства запутаны и неясны. Современники оставили мало подробностей, и те противоречивы. Виллани оценил общую сумму взяток, выплаченных под стенами Флоренции, в 114000 флоринов: 9000 флоринов Баумгартену, 35000 его отряду и 70000 англичанам. Веллутти, с другой стороны, приводил меньшие цифры: 30000 флоринов немцам и 50000 флоринов англичанам. Так или иначе, единственным командиром, сохранившим верность Пизе, остался Джон Хоквуд, под началом которого осталось около 1200 человек.

Дезертирство английских и немецких контингентов резко сместило баланс сил в пользу Флоренции. Битва при Кашине в июне 1364 года закономерно обернулась поражением как для Пизы, так и для ослабленной компании, которую теперь единолично возглавлял Хоквуд. Его дебют в роли самостоятельного командующего показал, что ему ещё многому предстояло научиться, особенно в части управления и координации войск. И всё же в этом неудачном сражении уже проглядывали черты будущего большого полководца: тщательный расчёт, внимание к местности и хладнокровие перед лицом неудачи. Хоквуд остался верен Пизе, в то время как флорентийцы лихорадочно искали способы спровадить опасного соседа из Италии. Сам же англичанин занялся восстановлением отряда. Недостатка в желающих не наблюдалось, и вскоре численность компании вновь достигла 5000 бойцов.

Мир с Флоренцией был подписан 28 августа 1364 года. Договор возвращал стороны к довоенному *status quo*, за исключением Пьетрабуоны, города, где вспыхнул конфликт. Он отходил флорентийцам. Пиза обязалась вновь открыть свой порт для флорентийских товаров и выплатить контрибуцию в 100000 флоринов в течение десяти лет, добавив к этому ещё 50000 за освобождение многочисленных пленников. Соглашение встретили с негодованием по обе стороны границы. Во Флоренции многие сочли трофеи слишком скромными, а Карло Строцци, главному архитектору мира, пришлось отсиживаться дома, пока не улеглась волна народного гнева. Флорентийский купец и хронист XIV века Джованни Морелли подвёл лаконичный итог: «Война была горькой и очень разорительной, для нас и для них». Главный удар пришёлся не столько по людям, сколько по казне: только Флоренция потратила на конфликт астрономическую сумму — более 1,7 миллиона флоринов.

Карьера Хоквуда в Италии — калейдоскоп бесконечных кондотт. Он начал со службы Пизе против Флоренции в 1363—1364 годах, затем примкнул к Милану, в начале 1370-х перешёл под знамёна Папы, к середине десятилетия вновь оказался в лагере Висконти, а в ходе Войны восьми святых (1375—1378) выступил против Святого Престола. В 1379 году он опять служил понтифику, в 1380-х защищал Падую от Вероны и, наконец, в 1390-х возглавил войска Флоренции в её смертельной схватке с Миланом. Современному взгляду такая траектория может показаться образцом циничного оппортунизма, но для XIV века это была норма профессиональной жизни. Кондотьеры не были вассалами, связанными священной клятвой верности. Они были подрядчиками, заключавшими кондотту — контракт на определённый срок, за конкретную плату и на чётких условиях. Истечение договора означало полную свободу: капитан мог предложить свой меч кому угодно, включая вчерашнего врага. Хоквуд, следуя кодексу ремесла, обычно предупреждал нанимателей о готовящемся переходе, давая им шанс перебить предложение. Он никогда не нарушал контракт досрочно — такой шаг был бы губительным для репутации, главного актива наёмника. Но стоило обязательствам истечь, он без колебаний открывал торги, предлагая услуги тому, чей кошелек был тяжелее, а условия выгоднее.

К 1372 году Джон Хоквуд прочно утвердился на итальянской сцене как эффективный капитан и признанный лидер. Распад Белой Компании к 1365 году фактически сделал его главой английского военного сообщества в Италии, и этот статус лишь укрепился после возобновления войны во Франции в 1369 году, побудившего Хью де ла Зуша, Эндрю Белмонта и других командиров вернуться за Альпы. Эдвард Деспенсер задержался до 1372 года, но затем тоже отбыл в Англию, чтобы присоединиться к кампании короля Эдуарда. И всё же Италия продолжала манить удачей, и поток английских воинов между двумя странами не иссякал.

По мере того, как росла репутация Хоквуда в Италии, его имя начало звучать и на родине. Анонимный автор хроники аббатства Святой Марии в Йорке упоминал действия некоего «сира Джоана Хоквуда» в Ломбардии в 1369 году во главе «весьма весёлой компании многих других англичан». Монах-бенедиктинец и руководитель скриптория в аббатстве Сент-Олбанс Томас Уолсингем оставил ещё более лестный отзыв, называя *Johannes Haukwod* «выдающимся и знаменитым рыцарем», который был «всегда победоносен» в бою. Несмотря на явное преувеличение, ведь, за плечами капитана уже было чувствительное поражение при Кашине в 1364 году, Хоквуд действительно становился звездой первой величины на фоне целой плеяды иностранных наёмников.

Большинство его конкурентов были немцами: Ханнекен Хюль, Михаэль Кольм, Генрих Паер, Хуглин фон Шёнек, Тильманн фон Альцен, Генрих фон Люпфен, Генрих фон Тройсдорф, Фриц фон Шилтах, Собб фон Иссендорф, Генрих Зюлер, Иоганн фон Ритхайм, Иоганн Флах фон Райшах, Альберт Штерц, Конрад, Луц и Эберхард фон Ландау, Вернер фон Урслинген, Иоганн фон Эберхардсвайлер. Их имена, полузабытые сегодня, в середине XIV века гремели по всей Италии, города конкурировали за контракты с ними. Самым прославленным из немецких командиров оставался Ханнекин Баумгартен, ветеран, воевавший на полуострове уже двадцать лет со времён «Великой Компании» *фра* Мориала. Однако ряды старой гвардии редели, расчищая путь для англичанина. Конрад фон Ландау, самый успешный капитан 1350-х, погиб в Ломбардии в 1363 году. Альберта Штерца, бывшего соратника Хоквуда, убили перуджийцы в 1366-м. Даже легендарный Баумгартен, хотя и сохранял славу, фактически стал «отработанным материалом», доживая свой век на гарнизонных должностях папской службы вплоть до смерти в 1374 году. В целом наблюдался заметный спад немецкого присутствия в итальянских делах. А ведь в течение трёх десятилетий до появления Хоквуда, немцы безраздельно доминировали на рынке наёмников. Их численность, по оценкам современников, достигала десяти тысяч бойцов. Итальянский юрист Джованни да Леньяно в своём «Трактате о войне, репрессиях и поединках» (*Tractatus de bello, de represaliis et de duello*), опубликованном в 1360 году, фактически ставил знак равенства между «наёмник» и «немец». Однако вскоре поток немцев резко обмелел, причиной чему могло стать улучшение экономической ситуации на родине, что создавало больше возможностей для трудоустройства.

Место немцев частично заняли итальянские наёмники. Некоторые из них, такие как Джакомо да Кавалло из Вероны, Родольфо да Варано из Камерино и различные члены семьи Малатеста из Римини, достигли заметного статуса в качестве кондотьеров. Но поистине великие итальянские капитаны, чьи карьеры могли бы соперничать с карьерой Хоквуда — Якопо даль Верме (род. 1350), Фачино Кане (род. 1360) и Альберико да Барбиано (род. 1349) — были ещё молоды и не проявили себя.

1360-е и начало 1370-х годов стали временем английского доминирования на рынке наёмников в Италии. Они, особенно лучники, превратились в самый желанный «товар» для итальянских правителей. Относительная немногочисленность этих специалистов лишь подогревала ажиотаж, взвинчивая цены на их услуги до небес. Даже командиры средней руки, не искушённые в местной политике, с ходу получали высокие посты и щедрые контракты. Наниматели всё чаще руководствовались простой, но действенной логикой: лучший способ остановить английский отряд — выставить против него другой английский отряд.

Англичане оказали глубокое влияние на саму структуру итальянских армий. Местные правители настолько впечатлились боевой эффективностью пришельцев, что повсеместно переняли трёхчастное «копьё» — основную тактическую единицу английских рот. Эта реформа прокатилась по полуострову волной: Перуджа внедрила её в 1367 году, папские владения — в 1368-м, Флоренция — в 1369-м, Милан — в 1370-м, а Сиена — в 1372-м. Итальянцы не отказались полностью от традиционных двухчастных «барбутов», но «копьё» уверенно заняло доминирующее положение. Вместе с новой организацией пришла и тактика. Теперь перед боем всадники, входящие в состав «копья», всё чаще спешили, следуя практике, введённой Хоквудом.

Репутация Джона Хоквуда оставалась неразрывно связанной со славой английского оружия в целом. Многие современники видели в нём не столько личность, сколько живое воплощение воинских добродетелей его нации. Сам кондотьер платил той же монетой, открыто предпочитая соотечественников. В одном из флорентийских писем 1369 года приводятся его слова о том, что он «больше верит в своих английских солдат, чем в других». К этому времени вокруг капитана сложилось ядро верных соратников, регулярно сражавшихся под его началом: Уильям Босон, Джон Брайс, Ричард Ромси, Джон Торнбери. Все они были ветеранами старой «Белой компании» и прошли с Хоквудом через кампании 1370-х годов. Особое место занимал Уильям Голд, самый ценный протеже капитана, чья служба продлилась дольше всех. Голд ко всем своим военным талантам был человеком очень эмоциональным и Хоквуд на протяжении всей истории их взаимоотношений буквально нянчился со своим лейтенантом, прощая ему все эмоциональные всплески, вредные привычки и его любовные истории. Встречались в рядах его бригады и земляки из Эссекса: Джон Коу, Джон Болл, Ричард Стистед, Джон Нортвуд, Джон Оливер, Джон Гиффард, самым заметным из которых был юный Уильям Коггесхолл — племянник Томаса Коггесхолла, давнего товарища Хоквуда по войне во Франции. При всей верности английскому братству Хоквуд всё глубже пускал корни в итальянскую почву, накапливая богатства и земельные наделы. Пизанские архивы свидетельствуют, что уже в 1366 году город платил ему 600 флоринов годового жалованья. Впрочем, это были лишь крохи по сравнению с его будущими доходами. Путём прямого вымогательства он выбил первую из своих пожизненных пенсий у королевы Неаполя Джованны. Его владения разрослись, охватывая земли близ Болоньи, Пизы и на севере, в Милане. К 1368 году центром его личной империи стала Парма, где Бернабо Висконти пожаловал ему поместья, конфискованные у немецкого наёмника Конрада Краксера. Именно здесь, в Парме, Хоквуд поселил свою семью: любовницу и двух внебрачных сыновей, Томаса и Джона, а также Антиохию, свою малолетнюю дочь от первого брака, завершившегося, вероятно со смертью жены.

Хоквуд всё увереннее осваивал специфику итальянского театра военных действий. Освободившись от рамок «Белой Компании», он обогащал свой опыт, сражаясь плечом к плечу с наёмниками разных наций и перенимая их тактические приёмы. Особенность местной войны заключалась в постоянной ротации союзников и противников: капитаны, разбившие Хоквуда сегодня, завтра могли встать под его знамёна. Венгр Николас Тод, сражавшийся против англичанина при Кантурино, вскоре присоединился к его отряду и оставался с ним до 1367 года. Та же история повторилась с немцами Иоганном фон Райшахом и Иоганном фон Ритхаймом. Хоквуд учился у каждого из них.

Особую роль играли итальянцы: они приносили не только меч, но и бесценную разведывательную информацию, знание местности и местных политических раскладов. Для каждого региона у Хоквуда находился свой «лоцман». В походах по Ломбардии его проводником был миланский капитан Амброджо Висконти, товарищ по «Компании Святого Георгия». Для рейда на Умбрию в 1366 году он нанял местного аристократа и кондотьера Никколо да Монтефельтро в качестве канцлера. А перед наступлением на Лукку и Пизу объединился с изгнанниками

Альдериго делы Антельминелли и Якопо да Пьетрасанта, который останется верным соратником Хоквуда на протяжении большей части его дальнейшей карьеры.

Репутация Хоквуда ещё более укрепилась благодаря его очевидному таланту в финансовых вопросах. Именно в этот период его хитрость и изворотливость в торгах и увеличении личного дохода проявилась наиболее ярко. Именно эта погоня за прибылью приведёт его к уходу с миланской службы ради службы у папы. Его жадность навлечёт на него осуждение самой святой персоны того времени, Св. Екатерины Сиенской, и в конечном итоге приведёт к набегу на Тоскану, который оставит его богатым, а весь регион — в состоянии войны.

Тосканский рейд 1375 года превратил Джона Хоквуда в человека весьма состоятельного. К своей доле от колоссальных городских выкупов он прибавил годовое жалованье в 600 флоринов от Пизы, рассчитанное на пять лет, и пожизненную флорентийскую пенсию в 1200 флоринов. Пармская депеша сообщает, что теперь капитан взвешивал различные варианты будущего, вплоть до окончательного отъезда из Италии. Насколько всерьёз он обдумывал возвращение в Англию — вопрос открытый. Как истинный мастер дезинформации, Хоквуд прекрасно осознавал ценность неопределённости: в торге с итальянскими государствами слухи об отъезде лишь повышали его цену. Всего за несколько месяцев до этого он принял гражданство Лукки, прозрачно намекая местным властям, что, возможно, именно здесь он и бросит якорь.

Рейд Хоквуда на Тоскану, однако, верг Флоренцию и весь регион в войну с папой. Решение республики поднять меч против Церкви стало тяжелейшей травмой для города, веками поддерживавшего понтификов и обязанного своим процветанием привилегированному положению флорентийских банкиров при курии. Конфликт стремительно набирал обороты. В октябре 1375 года восстали Орте и Нарни — небольшие папские города на тосканской границе, за ними последовали Монтефьясконе и Витербо. Пламя мятежа перекинулось в Умбрию, охватив 3 декабря Читта-ди-Кастелло, а спустя четыре дня — Перуджу. Эта война вошла в историю как «Война восьми святых» — по числу членов флорентийской *баллии*, руководившей военными действиями. Народ окрестил их с горькой иронией *otto santi*, «восемью святыми» за то, что они дерзнули бросить вызов наместнику Бога.

В начале войны Флоренция демонстрировала завидный оптимизм, полагая, что конфликт будет скоротечным. Однако главную тревогу вызывал фактор Хоквуда, и республика бросила все дипломатические силы на то, чтобы заполучить его меч. Престиж англичанина достиг апогея. Он был, бесспорно, самым желанным капитаном на полуострове. В этом деликатном вопросе Флоренция полагалась на своего миланского союзника Бернабо Висконти и особенно на его доверенного посланника Руджеро Кане. Кане и Хоквуд были старыми соратниками, прошедшими кампании 1369 и 1372 годов против папы. В том же 1372 году они вместе командовали под Асти и, судя по всему, стали добрыми друзьями. Говорили даже, что итальянец «знал настроения и желания Хоквуда, а также его секреты», что, конечно, было преувеличением, но уважением кондотьера он пользовался безусловно. К тому же Кане прекрасно ориентировался в политических хитросплетениях момента. Прибыв в Тоскану в июле, он присоединился к Хоквуду в разгар его рейда и выбрал необычную тактику переговоров. Дипломат буквально слился с интересами Хоквуда, став его агентом. Он активно помогал собирать выкупы за пленников, а 14 августа даже написал властям Лукки жёсткое требование выплатить остаток долга, причитавшегося англичанину.

Флорентийцы всячески поощряли миссию Кане и даже отправили ему в подмогу своего эмиссара — казначея Спинелло ди Лука Альберти. Как и миланец, Альберти сумел найти «ключ» к кондотьеру, завоевав его доверие прямоотой и порядочностью. Хоквуд же, видя заинтересованность послов, не упустил случая взвинтить ставки. Он потребовал, чтобы Флоренция выплачивала ему жалованье даже в случае отъезда в Англию — условие, прямо противоречившее первоначальному договору. Эта деталь вновь подтверждает, что мысль о возвращении домой — или, по крайней мере, желание разыграть эту карту — не покидала капитана. Флорен-

тийцы, однако, начали терять терпение и передали через послов ультиматум: если он останется на службе у Церкви, выплат не будет вовсе. Ситуация зашла в тупик, но диалог не прервался. В сентябре Кане и Альберти удалось переманить 400 английских всадников из отряда Хоквуда. Республика встретила эту новость с ликованием, превознося перебежчиков как «лучших из всех бойцов».

Хотя флорентийцы были убеждены, что Хоквуд прочно сидит на папском жалованье, в действительности Григорий XI вёл с ними изнурительную борьбу за его расположение и меч. Сам же кондотьер относился к понтифику без особого пиетета. В письме кардиналу Сант-Анджело от середины сентября Джон Торнбери описывал своего командира как «весьма непреклонного по отношению к папе» и особенно злого из-за того, что Григорий не передал ему обещанный ещё летом замок (возможно, Монтефортини). При этом сам Торнбери недвусмысленно намекнул, что за достойную плату готов принять контракт с папой. Не стоит оценивать капитанов Хоквуда как сплоченную когорту. Трения начались ещё в «Белой компании» и обострились во время службы Пизе, когда назначение Хоквуда командующим из всех командиров-англичан спровоцировало череду уходов и дезертирств.

Тем временем Хоквуд держался в окрестностях Ареццо и Сиены. В конце сентября он встал лагерем у Аббадиа-а-Изола, к северу от Сиены. Поползли слухи, что англичанин планирует захватить Монтепульчано в счёт долга, но атаки не последовало. Поведение местных властей резко контрастировало с флорентийским. Едва Хоквуд обосновался у Аббадии, как к нему прибыла делегация во главе со Спинелло ди Лука Альберти, доставившая третью и последнюю часть выкупа. Флоренция явно рассчитывала, что пунктуальность поможет перетянуть капитана на свою сторону. Сиенцы же, хоть и были союзниками республики, платить не спешили. К ноябрю денег всё ещё не было, и Джон Торнбери отправил в город письмо, полное недвусмысленных угроз. Однако выбор уже был сделан. В середине октября, как доносил флорентийский посол, Хоквуд заключил кондотту с папой на 30000 флоринов в месяц за четыре месяца службы. О численности отряда в документе не говорилось, но дипломат особо подчеркнул, что это было «возобновление» контракта. Флоренция так и не поверила в сказку о «вольном» капитане. Разочарованные власти утешали себя надеждой, что казна Святого Престола недолго выдержит аппетиты англичанина. Но Хоквуд будет служить папе следующие два года. Кампания шла ни шатко ни валко и мало что добавила к его славе полководца, зато Джон вновь преуспел в искусстве конвертации чужих проблем в собственную выгоду. Пользуясь хроническим безденежьем понтифика, он выторговывал милости и поместья, на этот раз в Романье. Этот *modus operandi*, по сути, был диверсификацией финансового портфеля и, вероятно, главной причиной перехода под знамёна Святого Престола.

В декабре 1375 года Хоквуд двинулся на помощь папскому гарнизону в Читта-ди-Кастелло, где вспыхнуло восстание. Горожане выследили папских чиновников, выбросили их из окон палаццо и вздёрнули на стенах. Спустя несколько дней запыхала Перуджа. Разъярённая толпа «мелких и великих, знатных и незнатных» заполнила площадь, скандируя: «Смерть аббату и пастырям Церкви!». Аббатом был папский губернатор, француз Жерар дю Пюи. Под напором восставших он вместе с охраной отступил в городскую цитадель. В числе его защитников оказались Уильям Голд, посланный Хоквудом вперёд, и знаменитый гасконский наёмник Бернардон де ла Салль, нанятый папой для организации обороны. Мятежники осадили крепость, где, по слухам, провизии было припасено на десять лет, перекопали дороги, чтобы отрезать пути к отступлению, и начали методичный обстрел стен.

Хоквуд попытался взять стены Читта-ди-Кастелло штурмом, но потерпел неудачу. Отойдя к Перудже, он разбил лагерь у Понте-Сан-Джованни — места своего триумфа над этим городом в 1368 году. Однако вместо того, чтобы деблокировать дю Пюи и гарнизон, запертый в цитадели, англичанин остался на месте, безучастно наблюдая за происходящим. Перуджийские хроники уточняют, что под его началом было всего около 300 копий — сила, явно недо-

статочная для решительной атаки. Тем временем бомбардировка цитадели не прекращалась ни на минуту. Мятежники подкатили к стенам гигантский требушет, прозванный «Охотником на священников» (*Cacciaprete*), который, если верить летописцу, метал глыбы весом в полторы тысячи фунтов, т.е. 508,5 килограмм. Он работал без передышки, посылая снаряды один за другим, а вторил ему мангонель калибром поменьше. В ход шло всё: камни, нечистоты, туши животных. 22 декабря 1375 года, когда укрепления были уже серьёзно повреждены, аббат и его люди сдались восставшим. Хоквуд отправил итальянского капрала Бартоломео да Гаджо договориться о капитуляции. Соглашение связало три стороны: торжествующих мятежников, осаждённый гарнизон и самого английского капитана. На удивление, повстанцы проявили сговорчивость. Дю Пюи и его людям позволили беспрепятственно покинуть цитадель. Отряд Хоквуда обязался уйти с перуджийских земель в течение двух дней после освобождения аббата, не возвращаться и не чинить вреда «ни лицам, ни имуществу, ни контадо, крепости или провинции Перуджи» на протяжении полугода. В ответ перуджийские власти обещали не нападать на компанию или церковные владения и не переманивать бойцов Хоквуда без его согласия. Более того, город согласился возместить ущерб, уже нанесённый отряду, в обмен на возврат всех заложников. Эвакуацию завершили на следующий день после Рождества. Пленники и их скарб перешли под опеку Хоквуда. Первым вышел де ла Салль, за ним Голд, и последним — дю Пюи. Их вещи, упакованные в пятнадцать сундуков, принял Джон Торнбери, отвечавший за распределение груза. Среди пожитков Голда опись зафиксировала три серебряных кубка и эмалированный шлем с гербом, а в багаже сурового гасконца де ла Салля обнаружили отрезки дорогой ткани, пурпурный капюшон и женская туника.

Хоквуд обошёлся с дю Пюи скорее как с заложником, нежели как с союзником. Взяв аббата под стражу, он выставил Церкви счёт за просроченное жалованье, которое, судя по всему, опять не выплачивалось вовремя. Англичане отконвоировали дю Пюи в Чезену и сдали его Галеотто Малатесте, папскому союзнику и синьору Римини. Для Джона французский прелат был всего лишь живым чеком, гарантирующим возврат долга. Хроники Малатеста называют астрономическую цену выкупа — 130000 флоринов. Если цифра верна, это означает, что папа не платил наёмникам ни гроша за последние четыре месяца, что было вполне вероятный сценарий, учитывая, что восстания в папских землях перекрыли налоговый поток, усугубив вечную проблему Святого Престола с наличностью для своих защитников.

Хоквуд и его отряд остались в Романье. В начале февраля 1376 года они столкнулись с объединёнными силами Синибальдо Орделаффи, правителя Форли, Гуидантонио да Монтефельтро, графа Урбино, и Гуидо да Полента, правителя Равенны, которые присоединились к восстанию против церкви. В добавок ко всему, город Кастрокаро, к югу от Форли, восстал против папы. Хоквуд отправился туда. Жители Кастрокаро, опасаясь его приближения, покинули город и бежали в близлежащий Форли, что позволило кондотьеру захватить город без потерь. Папа Григорий не одобрил захват города даже при таких условиях, так как хотел лишь подавить восстание. Но Хоквуд хотел надавить на понтифика-должника и отказался покинуть город. У Григория не оставалось иного выбора, кроме как формально передать его ему в счёт некомпенсированных услуг. Вскоре после этого папа пожаловал Хоквуду ещё два города в Романье — Баньякавалло и Котиньолю. Эти щедрые дары привлекли всеобщее внимание, хотя детали сделки тонут в тумане противоречий. Источники путаются в датах и списке переданных владений: одни приписывают англичанину Бертиноро, другие — Мирандолу и Конселиче, кто-то исключает Котиньолю, но оставляет в списке Кастрокаро. Эта неразбериха объясняется просто: в то или иное время кондотьер действительно владел всеми этими землями. Тогда же папа пожаловал Джону Торнбери город Мельдола, а вскоре предоставил церковный бенефиций его внебрачному сыну Филиппу — по сути, повторив ту же милость, что была оказана сыну Хоквуда несколькими годами ранее. Ирония судьбы заключалась в том, что этот бенефиций, отданный маленькому бастарду наёмника, ранее был обещан великому реформатору Джону

Уиклифу. Его горечь и разочарование выплеснулись на страницы третьей книги трактата *De Civili Dominio* («О гражданском владычестве»). К счастью для своего душевного спокойствия, Уиклиф так и не узнал, что сын Торнбери был вдобавок и незаконнорождённым.

12 февраля 1376 года Хоквуд оставил Кастрокаро и двинулся к Фаэнце, разбив лагерь под её стенами. Город формально принадлежал Церкви, но внутри царило напряжение, и перепуганный папский подеста, опасаясь бунта, сам запросил защиты у англичанина. Хоквуд простоял у Фаэнцы до марта, затем попытался взять соседнюю Гранаролу, но, потерпев неудачу, вернулся обратно. На этот раз подеста договорился открыть ему ворота. Войдя в город, кондотьер первым делом приказал жителям под страхом смерти сдать оружие. А дальше разыгралась трагедия. «Они разграбили всю землю, — свидетельствует болонский хронист, — и выгнали горожан, малых и великих... так что не осталось никого, кроме женщин, которых они оставили для насилия». Сиенский летописец сохранил леденящую душу историю о двух капралах, сцепившихся в монастыре из-за права первым овладеть молодой монахиней. Вмешавшийся Хоквуд разрешил спор с поистине дьявольской «мудростью»: провозгласив «Половина на каждого!», он разрубил несчастную пополам.

В ходе разграбления погибло 300 горожан. В качестве взыскания долгов, так и по прямому приказу, Хоквуд приказал заключить в тюрьму 300 влиятельных горожан и изгнать 11000 других. Беглецы нашли убежище в Имоле у Асторре Манфреды и в Форли у Синибальдо Орделаффи. Неистовый поиск денег и незаконное поведение людей Хоквуда в Фаэнце являются ещё одним свидетельством того, что армии не платили. Воины даже нападали друг на друга. Вспыхнула яростная драка из-за дележа добычи, в которой несколько человек были убиты. Томас Белмонт, сын Эндрю Белмонта, был ранен, как и Джон Брайс, и, по-видимому, серьёзно. Современные источники винили в эксцессах не столько Хоквуда, сколько папу и папского подесту. Автор «Флорентийской хроники» Маркьонне ди Коппо Стефани назвал подесту «предателем». *Corpus chronicorum Bononiensium* окрестил его «худшим человеком на свете». Трудно, однако, отделить пропаганду от фактов. И Болонья, и Флоренция в этот момент были готовы возлагать вину за все беды на Святой престол.

С практической точки зрения захват Фаэнцы обеспечил Хоквуду плацдарм для наступления на Болонью. Ещё в марте, пока он осаждал Гранаролу, город восстал против Церкви, изгнав папского легата Гийома Нолле, кардинала Сант-Анджело, который едва успел бежать в Феррару. Хоквуд выслал для разведки передовой отряд под началом Джона Торнбери, Уильяма Голда и Филипа Пуэра. Но не успел он отправить подкрепление, как около сотни всадников вместе со слугами попали в плен. Среди схваченных оказались Пуэр, Голд, внебрачные сыновья Торнбери и Джона Бирча — Филип и Лоуренс, а главное — собственный внебрачный сын Хоквуда, Томас, которого отец, по-видимому, доверил соратникам, пока сам разорял Фаэнцу. Пленников бросили в темницу, а их имущество растащили горожане. Реакция англичанина была мгновенной и беспощадной. Во главе 800 копий он выдвинулся из Фаэнцы и обрушился на болонские земли, захватив городок Масс-Ломбарда, который тут же был официально передан ему изгнанным кардиналом Нолле. Болонья попыталась сбить накал, отправив на переговоры Роберто да Саличето. Хоквуд выставил заведомо невыполнимые условия, но диалог не прервал. Как докладывал 8 мая 1376 года Альберто Галуцци, капитан требовал прежде всего безоговорочного освобождения своих людей и их детей. Болонья же хотела получить Фаэнцу и Масс-Ломбарду.

Переговоры тянулись несколько дней. 11 мая Галуцци сообщил, что Хоквуд, помимо возвращения пленников и их имущества, требует компенсацию в 130000 дукатов. Взамен он выразил готовность, по крайней мере на словах, обсудить передачу Фаэнцы. Видимо, капитан сумел создать иллюзию сговорчивости, поскольку другой болонский чиновник, Борнио да Сала, писал 12 мая, что верит в скорое перемирие «на четырнадцать или шестнадцать месяцев». Оптимизм Борнио оказался преждевременным. Вместо мира Хоквуд предпринял

шевуши (фр. *chevauchée*), молниеносный, опустошительный рейд по окрестностям Болоньи, захватив 300 человек и «бесчисленное множество скота». Укрепив таким образом свои позиции, он вернулся за стол переговоров с прежним ультиматумом, что отпустит своих пленников только в обмен на полное удовлетворение всех требований. Главным пунктом оставалось освобождение сына и детей его соратников — Торнбери и Брайса. В качестве ответной любезности англичанин предложил лишь туманные обещания насчёт Фаэнцы и скидку в 10000 дукатов.

Соглашение было достигнуто 25 мая 1376 года. Бельтрамо дельи Алидоси, правитель близлежащей Имолы, также подписал соглашение. Условия сделки известны не полностью. Хоквуд согласился обменять заложников, вернув себе сына и старого друга Уильяма Голда. Получил ли он затребованные 130000 флоринов — вопрос открытый, но зато он добился официального признания своих прав на города Романьи: Баньякавалло, Котиньолю, Кастрокаро, Масса-Ломбарду и Бертиноро. Болонья же осталась ни с чем: Фаэнцу, на которую она так рассчитывала, англичанин не отдал. Более того, в самый разгар переговоров он тайно обсуждал продажу города Никколо д'Эсте за 55—60 тысяч флоринов, но в итоге предпочёл оставить эту стратегическую базу за собой. По условиям договора Хоквуд обязался вывести войска из окрестностей Болоньи в течение двух дней, а в будущем предупреждать о появлении за четверо суток и двигаться только по оговорённым дорогам. Город, в свою очередь, обещал вернуть имущество, отнятое у пленных англичан, но это оказалось непростой задачей. Власти призвали граждан снести всё награбленное — «оружие, лошадей и товары» — во двор дворца старейшин к 1 июня, однако призыв повис в воздухе. Спустя пять месяцев Уильям Голд всё ещё пытался вернуть свои вещи.

Едва успели высохнуть чернила на болонском договоре от 28 мая, как английский лагерь в Фаэнце вновь наводнили дипломаты — на этот раз из Венеции. Республика Святого Марка искала защиты от герцога Леопольда Австрийского, вторгшегося на её земли в середине марта. Послы Никколо Морозини и Леонардо Дандоло привезли щедрое предложение: нанять от 800 до 1000 копий и 600—700 лучников — фактически всю армию Хоквуда и даже сверх того — на четыре месяца за сумму от 100000 до 120000 дукатов. Сверх того, капитану и его лейтенантам сулили внушительный бонус в десять тысяч флоринов. Примечательно, что Венеция была готова довольствоваться и меньшим контингентом, но при одном непреложном условии: командовать должен лично Хоквуд. Эта сцена живо напоминает современный трансферный рынок, где богатейшие спортивные клубы ведут охоту за звёздами первой величины, не скупясь на гонорары. Престиж и казна города-государства определяли калибр наёмников, которых он мог себе позволить, а имя Хоквуда в этой высшей лиге войны стоило дороже любой безликой армии.

Венецианцы подготовили почву для своего визита заранее, взяв на себя роль посредников в освобождении сына Хоквуда из болонского плена. Пока отец торговался с Болоньей, юного Томаса вместе с сыновьями Брайса и Торнбери вывезли в Венецию, где разместили у «добрых людей», окружив заботой и комфортом. И всё же сделка сорвалась. Альберто Галуцци утверждал, что Хоквуд отверг предложение республики, ожидая вестей от короля Арагона, с которым должен был предпринять, по задумке Англии, военную кампанию против Кастилии. Параллельно за меч англичанина билась Флоренция, чьи послы осаждали его лагерь всю войну. Весной и ранним летом 1376 года, на фоне всё более мрачных перспектив конфликта, эти усилия удвоились. Папа Григорий перешёл в решительное наступление. В конце марта он наложил на Флоренцию интердикт, отлучил от церкви инициаторов войны и призвал христианских государей изгонять флорентийских купцов и конфисковывать их добро. В мае понтифик нанял отряд бретонцев, слывших одними из самых свирепых бойцов в Европе, под командованием наёмных капитанов Сильвестра Бюда и Жана Малеструа. Более того, сам Григорий поклялся вернуться в Италию, чтобы лично возглавить борьбу. В июне он покинул Авиньон и к декабрю добрался до Рима. Мирные инициативы Флоренции были отвергнуты. В этой ситуации необхо-

димось оторвать Хоквуда от папы стала вопросом жизни и смерти. Хронист Стефани с ужасом писал о возможной перспективе объединения сил англичанина с безжалостными бретонцами.

В конце мая флорентийское правительство отправило Хоквуду примирительное письмо, обещая простить все «предательства, ущерб, урон и оскорбления», нанесённые республике. Спустя несколько недель последовало ещё одно послание, разрешающее кондотьеру получать ежегодную пенсию «на любых землях», где бы он ни воевал, даже «за горами» — то самое условие, которое власти с негодованием отвергли всего несколько месяцев назад. Однако в секретной переписке с Миланом флорентийцы не скрывали раздражения, жалуясь, что англичанин требует «невозможного». Их дипломат Филиппо Бастари даже предложил сменить тактику и обратиться напрямую к рядовым солдатам Хоквуда, которых он, не стесняясь, назвал «нищими» и потому лёгкой добычей для подкупа. Но, несмотря на все усилия Венеции, Флоренции и Милана, Хоквуд остался верен папе. Какими бы хроническими ни были проблемы понтифика с наличностью, он щедро расплачивался землями, передавая в полное распоряжение капитана обширные и доходные владения. А в августе 1376 года папский бюджет зафиксировал и крупную денежную выплату Хоквуду в размере 13520 флоринов.

В начале июля кошмар, которого все так страшились, стал явью. Силы Хоквуда соединились с бретонцами в южной Ломбардии и немедленно принялись методично разорять окрестности Болоньи и Имолы. При поддержке местных мятежников и изгнанников они превращали всё на своем пути в пепелище, уклоняясь при этом от прямых битв и штурма крепостей. Сам Джон Хоквуд, однако, оставался в Фаэнце.

Приближение зимы запустило цепь роковых событий, приведших к трагедии. С конца осени бретонцы стояли лагерем у стен Чезены, города под контролем Малатесты. Холод и дефицит провизии обострили отношения между наёмниками и местными жителями: цены росли, вспыхивали конфликты из-за еды и фуража. 24 ноября 1376 года кардинал Роберт Женеvский, прибывший с бретонцами и принявший командование, совершил фатальную ошибку — впустил отряд внутрь городских стен. Соседство с целой армией голодных наёмников быстро обернулось катастрофой. Вымогательства и насилие стали нормой, и 2 февраля 1377 года терпение горожан лопнуло: вспыхнул бунт, в ходе которого жители перебили от 300 до 400 бретонцев. Ответная реакция была чудовищной. Сценарий Фаэнцы повторился, но с ещё большей жестокостью. Подстрекаемые кардиналом Женеvским, бретонцы учинили тотальную резню, дав событию одно из двух названий — *Massacro dei Bretoni* или «Бритонская резня». Свирепость расправы не знала границ: «Все — женщины, старики, молодежь, больные, дети и беременные, — писал сиенский хронист, — были изрублены». Людей сбрасывали с крепостных стен, а младенцев «хватали за ноги и разбивали о камни». Особый цинизм трагедии придало предательство кардинала. На следующий день после вспышки народного гнева он издал указ, торжественно поклявшись даровать помилование всем горожанам, если те сложат оружие. Поверив слову прелата, жители сдали мечи и арбалеты. Именно тогда кардинал призвал в город Хоквуда, якобы для обеспечения порядка и выполнения условий амнистии. Однако, оказавшись внутри, люди Хоквуда, вместо защиты населения, присоединились к бретонцам в их атаке на теперь уже безоружный город. В этой кровавой работе принял участие и другой знаменитый кондотьер — итальянец Альберико да Барбиано, который в то время также находился на службе у Церкви и набирался опыта под началом англичанина.

К концу бойни Чезена лежала в руинах. Оценки числа погибших варьировались от 2500 до 8000 человек. Флорентийцы сообщали о 4000 жертв, а «Хроники Малатеста» утверждали, что в городе не осталось ни единой живой души. Трагедия была настолько шокирующей, что местный нотариус Лодовико ди Сер Романо да Фабриано написал инвективу *De Casu Cesenae* («О падении Чезены»), ставшую одним из первых в европейской истории литературных протестов против военных преступлений и жестокости.

Участие Джона Хоквуда в *Strage di Cesena* или «Чезенской резне» (другое название этой трагедии) легло тёмным пятном на его репутацию, вызывая споры историков на протяжении столетий. Луиджи Бальдуцци, итальянский исследователь XIX века, резко осудил англичанина, утверждая, что тот действовал «вопреки справедливости». По мнению Бальдуцци, и в Фаэнце, и в Чезене Хоквуд выступал «подстрекателем», а не «усмирителем» событий, будучи движим жадной наживы и насилия. Однако современники судили кондотьера менее сурово. «Хроника Эсте» (*Chronicon Estense*), хотя и обвиняет его в насилии и вымогательстве, сообщает примечательную деталь: Хоквуд спас тысячу женщин, отправив их в Римини ради безопасности. Сиенский хронист — и это особенно важно, учитывая давнюю вражду Сиены с Хоквудом, — утверждает, что англичанин выполнял приказы кардинала неохотно. Хотя детали предполагаемого спора с кардиналом могут быть оспорены, совокупность свидетельств говорит о том, что роль Хоквуда в Чезене была скорее исполнительской, чем инициативной. Настоящим же злодеем в этой драме предстает кардинал Роберт Женеvский, которого впоследствии прозвали «мясником Чезены». Несколько авторов, следуя средневековой традиции связывать внешний облик с душевными качествами, приписывали его невероятную жестокость физическому недостатку — он был горбуном. Какова бы ни была личная ответственность Хоквуда, кровавые события в Чезене стали поворотным моментом в его карьере, заставившем пересмотреть свои союзы и дальнейший путь.

После трагедии Хоквуд отступил на свою базу в Фаэнце. Однако менее чем через месяц он получил известия из Англии: «по особой просьбе дворян, магнатов и общин королевства» ему было даровано «генеральное прощение». Указ освобождал Хоквуда («Джона де Хоквуда, рыцаря графства Эссекс») от прегрешений, совершенных им в качестве мародёра в ранние годы его военной карьеры, но не от преступлений, совершенных в Чезене. Прощение, которого Хоквуд, должно быть, просил ранее, ссылалось на его «добрую службу, оказанную в войнах короля во Франции и в других местах». Прощение было представлено английской канцелярии группой видных граждан, включая его доверенных лиц Джона Сарджента и Роберта Линдси из Эссекса, которые «поручились» за его «доброе поведение». В тот же день Джон Клиффорд, участвовавший с Хоквудом в рейде на Тоскану в 1375 году и остававшийся в его бригаде, также получил прощение, освобождавшее его от обвинения в убийстве во Франции другого солдата, Джона де Куплэнда.

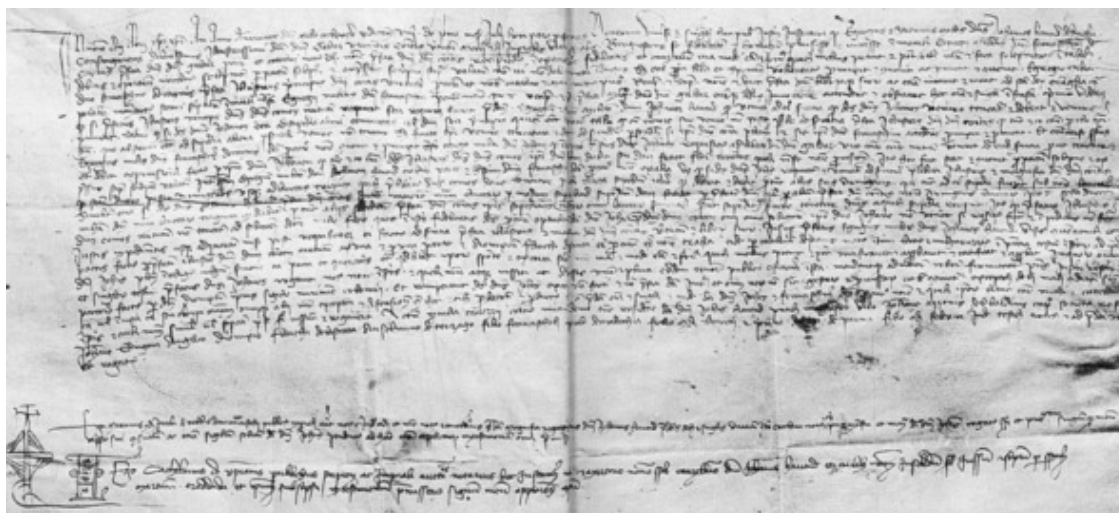
Прощение 1377 года теоретически открывало Хоквуду путь к почётному возвращению на родину, но на практике реальных стимулов покинуть Италию у него не было. К тому моменту он сказочно разбогател и находился на пике востребованности как военачальник. Рынок наёмников переживал настоящий бум. Из-за «Войны восьми святых» и конфликта между Генуей и Венецией спрос на солдат многократно превышал предложение. Дефицит бойцов был настолько острым, что луккезский чиновник, ответственный за вербовку, в отчаянии жаловался на «непомерные» зарплатные требования наемников. В этих условиях возвращение в Англию выглядело бессмысленным. Вместо этого королевское прощение стало трамплином для новой роли Хоквуда — он начал действовать как дипломатический представитель английской короны в Италии, параллельно инвестируя свои итальянские доходы в покупку поместий в родном Эссексе.

В Фаэнце Хоквуд вновь оказался в эпицентре дипломатической борьбы, и на этот раз усилия антипапской коалиции увенчались успехом. 10 апреля 1377 года Милан, Флоренция и их союзники убедили его сменить сторону, и с 1 мая вступил в силу новый годовой контракт. Англичанин возглавил внушительную силу из 800 копий и 500 лучников. Условия сделки были беспрецедентными даже для щедрой Италии того времени. Первые два месяца вся армия получала двойное жалованье — привилегия, обычно полагавшаяся только победителям после крупного триумфа. Личный гонорар Хоквуда составлял астрономические 3200 флоринов в месяц и, в отличие от жалованья воинов (42 флорина на копье и 16—28 флоринов лучникам), не

подлежал сокращению после первых двух месяцев. Расходы разделили между собой участники лиги: треть суммы взял на себя Бернабо Висконти, а две трети легли на плечи Флоренции и пестрой коалиции городов и синьоров, включая Болонью, Сиену, Перуджу и других.

Флоренция могла сколько угодно приписывать успех себе, однако наем Хоквуда стал подлинным триумфом дипломатии Висконти. Бернабо без колебаний присвоил себе все заслуги в этом предприятии. Архитектором сделки выступил Руджеро Кане, устроивший брак между английским кондотьером и Донниной, внебрачной дочерью герцога. Этот шаг стал логическим завершением политики личных связей, которую пятнадцатью годами ранее начал союзник Бернабо, дож Аньелло, сделавший Хоквуда крёстным отцом своего сына. Союз с англичанином скрепили одновременно с браком другой внебрачной дочери Бернабо, Элизабетты. Её мужем стал немецкий капитан Луц фон Ландау, сын (или племянник) Конрада фон Ландау, который вслед за этим также присоединился к общему делу вместе со своей внушительной армией. Двойная свадьба создала прочные семейные узы между герцогом и его военачальниками. Бернабо относился к подобному родству с предельной серьёзностью, видя в нём гарантию верности наёмников. Ранее, в 1375 году, он уже прибегал к этому методу, обручив Бернардона де ла Салля с Риккардой Висконти, ещё одной своей побочной дочерью.

В дополнение к дорогим подаркам жемчугом и серебром Хоквуд получил приданое земель и деньгами. Вероятно, город Гаццуоло был его частью. Бернабо также передал Хоквуду группу поместий «с землями, владениями и виноградниками на них» к северо-востоку от Милана в городах Пессано, Борнаго, Каругате и других. Английская *Полихроника* утверждала, что денежная выплата составила 10000 флоринов. Но даже готовясь к браку, Хоквуд не оставлял своего привычного ремесла — принуждения и запугивания. В письме властям Лукки, объявляя о предстоящей свадьбе, он не преминул оказать давление на город потребовав восстановить в правах изгнанника Массео Падино, друга своего канцлера Якопо да Пьетрасанта. В обмен Хоквуд обещал луккезцам свою «любовь и привязанность». Заодно он тактично напомнил, что «рука руку моет» и что его армия находится в опасной близости от их территории.

Кондотта между Джоном Хоквудом и Джан Галеаццо Висконти. 1 июля 1385 год.

Брак с Донниной окончательно утвердил за Хоквудом статус самого богатого и могущественного кондотьера Италии. В его руках сосредоточились обширные вотчины в Милане и Романье, а также земельные наделы в окрестностях Болоньи и Кремоны. Вероятно, список его владений был ещё шире и включал земли, ускользнувшие от внимания хронистов. Финансовое могущество англичанина подкреплялось не только регулярным жалованием командую-

щего союзными силами. Сверх того, он получал пожизненные пенсии от Флоренции и королевы Неаполя, что обеспечивало ему исключительную независимость.

Существенный поворот в карьере Хоквуда произошёл в весной 1385 года, когда Хоквуд вместе с 3000 всадников и 1000 пехотинцев находился в Тоскане во главе «Компании Розы», включавшей, кроме Хоквуда ещё четыре кондотьера на службе Висконти. В мае в Милане Джан Галеаццо Висконти хитростью захватил и заключил в тюрьму своего дядю и тестя Хоквуда, Бернабо Висконти. Хотя предательство в семье Висконти давно не было новостью, но падение могущественного Бернабо стало шоком. Сын Бернабо, Карло, немедленно обратился к Хоквуду за помощью, но тот действовал осторожно, оставаясь с «Компанией Розы» близ Болоньи. Вместо того чтобы спешить на выручку тестю, Хоквуд вступил в переговоры с Джан Галеаццо. 27 июня 1385 года Висконти издал указ, возвращавший Хоквуду земли, изначально данные Бернабо как часть приданого Доннины. 1 июля Хоквуд подписал *condotta in aspetto*, обещая служить Висконти по призыву в обмен на ежемесячное жалованье (300 флоринов) и единовременный бонус (1000 флоринов). Этот союз с убийцей тестя некоторые сочли «постыдным», но для Хоквуда он был прагматичным шагом, обеспечившим ему финансовую стабильность и вернувшим миланские поместья.

В феврале 1386 года во Флоренции супруга Хоквуда, Доннина, произвела на свет сына, наречённого Джоном-младшим. Появление законного наследника, способного в будущем принять отцовские титулы и обширные владения как в Италии, так и в Англии, имело для кондотьера колоссальное значение. Это событие лишь укрепило его решимость обеспечить себе и своему роду незыблемое положение в обществе. Тем временем политический горизонт Северной Италии вновь затягивали тучи войны. Зимой 1385—1386 годов давняя и ядовитая вражда между Падуей (да Каррара) и Вероной (делла Скала) переросла в открытое вооружённое противостояние. В этот конфликт немедленно вмешались крупные игроки: Венеция открыто поддерживала Верону, тогда как Милан предпочёл тайно финансировать Падую. После того как в июне 1386 года падуанцы одержали впечатляющую победу в битве при Брентелле, веронские правители поспешили усилить свою армию и наняли шурина Хоквуда, Луца фон Ландау. В ответ падуанцы обратились к самому Хоквуду. В январе 1387 года кондотьер вступил в Падую во главе отряда из 500 всадников и лучников. Его прибытие создало деликатную проблему в иерархии командования. Формально войско возглавлял наследник правителя Франческо Новелло да Каррара, но фактическим лидером являлся Джованни дельи Убальдини, герой недавнего триумфа при Брентелле, кроме победы захвативший ещё и имущество всей веронской армии, насчитывавшее, по оценкам, 6000 лошадей, 38 бомбард, 240 повозок с провизией и 211 проституток. Хоквуд, чья слава и опыт затмевали обоих, проявил политическую мудрость. На первом же военном совете он подчёркнуто признал тактическое превосходство Убальдини, что позволило ему избежать конфликта и впоследствии беспрепятственно взять реальное руководство кампанией в свои железные руки.

Падуанское вторжение захлебнулось в осенней грязи и дождях. Разлившаяся Адидже отрезала пути наступления, а нехватка провизии вынудила армию под постоянными ударами веронцев вернуться к своей базе в Кастельбальдо. 11 мая 1387 года у Кастаньяро Хоквуд остановился, чтобы навязать врагу генеральное сражение. Позицию он выбрал мастерски: узкая равнина была надёжно прикрыта рекой с одного фланга и топким болотом с другого, а с фронта её защищал ирригационный канал.

Хоквуд встал во главе авангарда, имея под рукой 500 всадников и столько же английских лучников. За ним следовал основной корпус под началом Убальдини и Джованни да Пьетрамала, насчитывавший 1000 всадников. Замыкал построение Франческо Новелло с 1400 конными воинами, укрывшись за насыпью у берега, был спрятан резерв. Хоквуд приказал кавалерии спешиться, и спрятал на крайнем правом фланге у самого берега реки пехотный резерв из местной пехоты и арбалетчиков. Исход боя должна была решить военная хитрость, о которой

враг не догадывался. По приказу командующего один участок рва у реки заранее забросали фашинами и засыпали землей, создав скрытую переправу для внезапного контрудара.

Сражение началось за час до заката, когда низкое солнце слепило веронцев, а ветер гнал им в лицо тучи пыли. Это одно из самых ранних сражений, где полевая артиллерия играла заметную роль, хотя и не решающую. По разным данным, парк веронских бомбард составлял от 24 до 52 единиц. Хоквуд же применил новаторское для того времени решение, которое некоторые источники называют его «секретным оружием». Это были боевые повозки, на которых устанавливался трёхъярусный «орган» пушек малого калибра, который назывался рибадекин (*ribaudequin*), стрелявшие каменными ядрами «размером с куриное яйцо».

После обмена залпами и яростной рукопашной схватки в центре Хоквуд разыграл свою карту. Передав командование линией фронта Джованни да Пьетрамала, он с отборным отрядом незаметно переместился на правый фланг, где его люди быстро переправились через засыпанный ров. Хоквуд обнажил клинок и с кличем «*Carne, carne!*»²² обрушился на незащищенный левый фланг и тыл противника. Удар был сокрушительным. Веронские порядки рассыпались в мгновение ока, превратив битву в бойню. Триумф был полным. В руках падуанцев оказалось все вражеское командование, артиллерия, священное знамя карроччо и 4620 пленных. Это была вершина полководческого искусства Хоквуда.

Победа при Кастаньяро принесла Хоквуду славу по всей Италии и стала вершиной его военной карьеры. Он продемонстрировал мастерское знание местности, использование погодных условий и блестящий фланговый манёвр. Однако вскоре после триумфа Хоквуд покинул падуанскую службу, вероятно, из-за финансовых трудностей или разногласий по поводу дальнейшей стратегии. Трагическим фоном этого триумфа стала смерть Бернабо Висконти в декабре 1385 года, предположительно отравленного в тюрьме Джан Галеаццо.

Уход Хоквуда с падуанской службы после Кастаньяро оказался лишь кратким эпизодом мирной жизни землевладельца. На севере Италии события принимали зловещий оборот. Джан Галеаццо Висконти с присущим ему цинизмом предал своего недавнего союзника да Каррару и заключил тайный пакт с Венецией. В мае 1388 года Милан поглотил сначала Падую, а затем и Верону, резко раздвинув границы своих владений. Этот агрессивный захват вызвал тревогу по всему полуострову, особенно во Флоренции. Там давно с подозрением следили за растущими аппетитами Висконти, и падение Падуи подтвердило худшие страхи. Теперь стало очевидно, что миланский правитель вознамерился подчинить себе всю Северную и Центральную Италию. Осознав неизбежное, Флоренция начала лихорадочные приготовления к войне.

Краеугольным камнем флорентийской стратегии стало возвращение Джона Хоквуда. После триумфа при Кастаньяро слава англичанина достигла зенита: во всей Италии не было капитана, способного с большим успехом бросить вызов военной машине Милана. В июле 1387 года Флоренция предложила ему полугодовой контракт с жалованьем 500 флоринов в месяц. Под началом кондотьера должен был встать личный отряд из 82 копий, 40 лучников и 2 трубачей. Хоквуд принял вызов и немедленно вернулся в Тоскану — готовиться к неизбежной войне.

Следующие два года, с 1388-го по 1389-й, прошли под знаком неотвратимо сгущавшихся сумерек. Хоквуд в этих событиях занял центральное место, действуя не просто как наёмный клинок, но как самостоятельная политическая фигура, чьё слово имело вес в дипломатических кабинетах. Флоренцию лихорадило от проблем на границах, особенно с Сиеной, которая всё откровеннее дрейфовала в сторону союза с Миланом. Присутствие Хоквуда, владевшего обширными землями в южной Тоскане и привыкшего действовать по собственному усмотрению, лишь подливало масла в огонь, заставляя Флоренцию балансировать между необходимостью удержать своего лучшего командира и попытками успокоить встревоженных сосе-

²² Буквально «Мяса, мяса!» или «Плоти, плоти!».

дей. Дипломаты Республики без устали плели сеть широкой антимиланской коалиции, пытаясь привлечь на свою сторону Болонью, Венецию, изгнанников из Падуи и мелких правителей севера. Джан Галеаццо отвечал тем же, формируя собственные альянсы. В этой шахматной партии кондотьеры были главными фигурами, которых обе стороны стремились либо перекупить, либо устранить с доски. Хоквуд, бесспорно, был королем наёмников, и за его лояльность развернулась настоящая битва. Флоренция осыпала его золотом и привилегиями, в мае 1389 года существенно увеличив его личную бригаду, в то время как Висконти снова и снова пытался переманить англичанина или хотя бы нейтрализовать его. Хоквуд остался верен Флоренции, но сама яростная борьба за его меч лучше всего говорила о том, от кого зависела судьба Италии.

Весной 1390 года разразилась открытая война. Конфликт приобрёл невиданный прежде размах, а военная обстановка менялась стремительно и постоянно. К середине 1391 года великая северная кампания завершилась, и стратегическая инициатива, казалось, окончательно перешла к Джан Галеаццо Висконти. Вместо того чтобы продолжать изнурительную борьбу на ломбардских равнинах, противник решил перенести театр военных действий на тосканскую землю. Якопо даль Верме двинул миланскую армию на юг: сила, насчитывавшая более 10000 человек — 2500 копий и 3000 пехотинцев, — выдвинулась к Сарцане на северной границе Тосканы, заставив Флоренцию и её союзников содрогнуться. Теперь будущее республики как никогда зависело от военного гения флорентийского капитана и стойкости армии, которую он сумел вывести из безнадёжного окружения в июле 1391 года, когда Якопо даль Верме в попытке уничтожить противника приказал разрушить дамбы на Адидже и каналах Ломбардии, пустив воду на равнину, где располагался лагерь англичанина. Но Джон Хоквуд совершил невозможное. Он провел своих людей сквозь затопленные земли, по грудь в воде, и спас войско от неминуемой гибели, которая, казалось, была уготована им в этой ловушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.